

Религиозная организация —
духовная образовательная организация высшего образования
**«МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»**

Кафедра Церковной истории

На правах рукописи

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия**

**Антирелигиозное наступление на Церковь в Мелекесской епархии в
контексте религиозной политики большевизма 30-х гг. XX века**

Специальность: история Русской Церкви

Автор: _____ / соискатель ученой степени кандидата
богословия прот. Петр Гурьянов /

Научный руководитель: _____ / Цыпин В., прот, доктор
церковной истории, доктор богословия, заслуженный профессор /

г. Сергиев Посад, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИЗМА В УЛЬЯНОВСКОЙ ЕПАРХИИ (МЕЛЕКЕССКОЕ ВИКАРИАТСТВО) 1930-Х ГОДОВ.....	27
1.1. Идеологические предпосылки и политико-правовое оформление религиозной политики большевизма в 30-е годы XX века	27
1.1.1. Историческое развитие антирелигиозных положений идеологии коммунизма	27
1.1.2. Исторические предпосылки гонений в Мелекесской епархии	39
1.2. Состояние церковной жизни и религиозная политика большевизма на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) в 1930-е годы	60
1.3. Агитационно-пропагандистская деятельность большевиков на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) 1930-х годов XX века	87
ГЛАВА 2. ОБЩИЙ ХОД И ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В МЕЛЕКЕССКОЙ ЕПАРХИИ В 1930-Е ГОДЫ.....	114
2.1. Судебные дела в отношении православного духовенства и мирян в общем контексте сталинских репрессий 1930-х годов	114
2.1.1. Репрессии конца 1920-х – начала 1930-х годов.....	114
2.1.2. «Ослабление репрессий» 1933–1934 годов.....	121
2.1.3. Нарастание и пик репрессий в 1935–1938 годах	123
2.1.4. Репрессии в конце 1930-х годов.....	139
2.2. Судебные дела в отношении православного духовенства и мирян, связанные с религиозной политикой большевиков в 1930-е годы	143

2.3. Судебные дела в отношении православного духовенства и мирян, связанные с иными (внерелигиозными) мотивами советских властей 173

ГЛАВА 3. ЗАВЕРШЕНИЕ РЕПРЕССИЙ В УЛЬЯНОВСКОЙ ЕПАРХИИ (МЕЛЕКЕССКОЕ ВИКАРИАТСТВО)..... 193

3.1. Общие итоги репрессий в отношении православного духовенства и мирян в 1930-е годы..... 193

3.2. Итоги религиозной политики большевизма в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) к началу 1940-х годов 200

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 211

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 219

ВВЕДЕНИЕ

Болезненный опыт истории Отечества XX века (как, впрочем, и опыт мировой истории) является значимой темой современных исторических исследований. С одной стороны, разумеется, речь идет об уроке истории, о таком анализе исторических событий, который позволил бы избежать ошибок прошлого в будущем. С другой, речь идет о «работе памяти», о том, чтобы рассеять забвение, которое должно было сопровождать сами имена тех, кто подвергся в XX веке репрессиям – насильному вычеркиванию из жизни, из памяти, из истории. Как писал об этом историк и философ начала XX века Вальтер Беньямин, прошлое вызывает к справедливости со стороны тех, кто живет сегодня. Именно это составляет основу «работы памяти». Исторической проблемой, находящейся в центре данного исследования, являются репрессии в отношении духовенства и мирян на территории Мелекесской епархии в 1930-е годы¹.

Актуальность проблемы заключается в постоянно возрастающей значимости вопроса сбора и анализа архивных материалов и источников о страдальцах за веру и Церковь Христову в XX веке. В настоящий момент написано внушительное количество светских диссертаций, посвященных репрессиям в отношении духовенства и мирян в 30-е годы, время обобщающих работ, вероятно, позади, и сегодня все больше исследований пишутся на материалах конкретных регионов, областей, городов. Материалы по Мелекесской епархии в диссертационных исследованиях светских авторов еще не затрагивались.

Целью данной работы является анализ законодательных оснований и практического осуществления репрессий по религиозным соображениям,

---

¹ В конце 1920-1930-х гг. территория нынешней Мелекесской епархии, образованной в 2012 году, приблизительно совпадала с границами Мелекесского викариатства Ульяновской епархии. В тексте диссертационного исследования для обозначения интересующего нас объекта наряду с «Мелекесской епархией» используется также «Ульяновская епархия (Мелекесское викариатство)».

имевшим место в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) в 30-е годы XX века.

Данная цель предполагает для своего достижения решение ряда **задач**:

1) Анализ источников и осмысление практики антирелигиозной политики большевиков в 30-е годы XX века; необходимо рассмотреть общие установки большевизма в отношении религии, которые нашли выражение не только в официальной документации, но и в печати, публицистических и философских текстах;

2) На общем фоне религиозной политики большевиков необходимо рассмотреть специфику этой политики в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство). Она обусловлена идеологемой «Родина Ленина», которая предполагала особое значение антирелигиозной политики большевиков в Ульяновске, в частности, и на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство), в целом;

3) Анализ, собственно, репрессий в отношении православного духовенства и мирян на территории нынешней Мелекесской епархии. Эта задача предполагает анализ судебных дел в отношении духовенства и мирян в исторической перспективе. Кроме того, следует проанализировать исторические обстоятельства для определения мотивов антирелигиозной политики большевиков.

Объектом исследования является антирелигиозная политика большевиков в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) в 30-е годы XX века. Источниками здесь для нас служат, с одной стороны, нормативно-законодательные акты, а также источники, раскрывающие общую позицию большевиков в отношении религии, проведение религиозного курса местными партийными органами, а с другой стороны, источники, отражающие состояние церковной жизни на данной территории (тематические журналы, агитационные материалы, публицистика, периодическая печать и др.).

Предметом исследования является практика осуществления репрессий местными властями в отношении православного духовенства и

активных верующих, их ответная реакция, результаты репрессивной политики и воздействия антирелигиозной пропаганды на территории современной Мелекесской епархии. Специфика исторических источников, исследование которых позволяет пролить свет на предметную область, заключается в том, что к первой группе источников добавляются материалы судебных дел и архивные материалы.

Хронологические рамки работы (конец 1920-х - 1930-е годы) обусловлены относительной целостностью изучаемого периода, характеризуемого новым агрессивным наступлением советской власти на религию и Церковь, в том числе и репрессивной политикой в отношении духовенства и мирян. **Территориальные рамки** исследования в приближенном виде совпадают с современными границами Мелекесской епархии (образована 26 июля 2012 года) в составе Симбирской митрополии (Мелекесский, Новомалыклинский, Старомайнский, Чердаклинский, Тереньгульский, Сенгилеевский районы Ульяновской области). С 1928 года Мелекесское викариатство, бывшее ранее в составе Самарской епархии, вошло в состав Ульяновской епархии. Поскольку в начале 1930-х гг. в Ульяновске храмов Патриаршей Церкви не было, то управление Ульяновской епархией осуществлялось из г. Мелекесса² – кафедрального центра Мелекесского викариатства.

Степень изученности проблемы. Главной библиографической сложностью в нашей работе является то, что, с одной стороны, историческая литература, касающаяся отношений советского государства и Русской Православной Церкви – в целом – и репрессий в отношении православного духовенства и мирян – в частности – на данный момент *чрезвычайно обширна*. В то время как, с другой стороны, аналогичная проблематика, рассматриваемая на материале истории Мелекесской епархии, в исторической литературе и диссертационных исследованиях *практически не встречается*.

---

² Город Мелекесс в 1972 году переименован в Димитровград.

Таким образом, отметив эту асимметрию, мы переходим к обзору основных источников и современной литературы по нашей теме.

Источники:

Среди основных источников, освещающих общую проблематику взаимоотношений советской власти и Русской Православной Церкви, следует отметить материалы периодической печати (архив журналов «Антирелигиозник», «Безбожник» (а также газеты с тем же названием), «Пролетарский путь», «Безбожник у станка»), сборники документов³.

Источники, которые касаются непосредственно Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство), собраны в следующих изданиях:

- Симбирская Голгофа. 1917-1938 гг.: Сб. Приложение к ж-лу «Симбирские Епархиальные Ведомости» / сост. В. Дмитриев. Ульяновск, 1996 г. В сборнике приведено несколько сотен биографий расстрелянных в Симбирской губернии священников, а также задействованные в диссертационном исследовании важные документы, освещающие ход репрессий в Ульяновской епархии. Например, это № 13 Оперативный приказ Народного комиссара Внутренних Дел Союза С.С.Р., № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов, Заключительное слово И. В. Сталина на пленуме Центрального комитета ВКП(Б) 5 марта 1937 года, содержание статьи 58 УК РСФСР от 1926 года, конкретизация биографических данных интересующих нас людей, конкретные цифры по выселению кулаков из Средневолжского края и др.

- Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск. Дом печати. 1996 г. А также: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 2.

---

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг./ сост. М. Е. Губонин. М., 1994. 1063 с.; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партии и государственной власти. Янв. 1922 дек. 1936 гг. / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 912 с.; Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 от 2 июля 1937 г. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://old.memo.ru/history/document/pbkulaki.htm> (дата обращения: 17.02.2017); Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930-1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. 1008 с.

Ульяновский Дом печати. 2001 г. Это упорядоченные по алфавиту более двух десятков тысяч справок на репрессированных в Ульяновской области. Материалы «Книг памяти» позволили подсчитать количество репрессированных представителей духовенства и мирян на территории нынешней Мелекесской епархии. Опубликованные свидетельства сотрудников НКВД позволили проанализировать вопрос о фальсификации следственных дел. Отметим, что в данных сборниках проведен лишь первичный отбор источников, которые были опубликованы, и приведены краткие биографии осужденных, а также имеются подсчеты репрессированных по социальным слоям в целом по Ульяновской области, тогда как подсчет репрессированных мирян и представителей духовенства на интересующей нас территории и в означенные хронологические рамки был проведен самостоятельно.

Также были использованы архивные источники Государственного архива Ульяновской области. Фонд Р-1624 ((1928-1930 гг.) Исполнительный комитет Ульяновского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Ульяновск Ульяновского округа Средневожской области) содержит материалы, отражающие руководство региональных и местных партийных органов антирелигиозной кампанией на различных уровнях (директивы, донесения, отчеты, текущая переписка и др.). В частности, данный фонд содержит материалы о проводимой на территории Ульяновской епархии «колокольной кампании» и масштабах передачи колоколов в фонд тракторизации (Оп. 1. Д. 185.).

Важная информация содержится в фондах Государственного архива Новейшей истории Ульяновской области. В частности, фонд 13 (Ульяновский городской комитет (горком)), фонд 25 (Районные комитеты (райкомы) КПСС сельских районов (1919-1991 гг.), Базарно-Сызганский), фонд 26 (Районные комитеты (райкомы) КПСС сельских районов (1919-1991 гг.), Барышский) дают сведения о деятельности Союза воинствующих безбожников в Ульяновском округе, раскрывают планы работы региональных организаций

СВБ, планы антирелигиозных мероприятий, докладные записки председателю областного СВБ от инструкторов СВБ, проверяющих районы региона с цифрами о закрытых молитвенных зданиях и церквях, религиозных проявлениях и др., циркулярные указания Центрального совета СВБ СССР, отчеты о работе региональных организаций СВБ и многие другие ценные материалы.

Основные источники, раскрывающие содержание репрессивной политики государства на территории нынешней Ульяновской области в отношении духовенства и активных мирян, содержатся в архиве Управления ФСБ по Ульяновской области. Фонд 8 (фонд архивных уголовных дел на лиц, снятых с оперативно-справочного учета) содержит следственные дела православных священников и церковнослужителей, а также активных мирян, которые были арестованы, осуждены к лишению свободы или расстрелу, а позднее реабилитированы. Эти дела позволяют проникнуть в суть обвинений, которые предъявлялись как духовенству, так и активным мирянам, демонстрируют формы и методы давления на арестованных с целью принуждения их к даче необходимых показаний, также раскрывают особенности восприятия верующими людьми коммунистической идеологии, а также мероприятий советского государства. Ценными представляются сведения, содержащиеся в судебных делах, о стойкости веры и мужестве гонимых представителей духовенства, церковных служителей и активных мирян.

Среди массива материалов фонда 8 особый интерес представляют документы, позволяющие раскрыть религиозные и внерелигиозные мотивы возбуждения следственных дел против православного духовенства и мирян. К первой группе относятся дела, связанные с «антисоветской агитацией, пропагандой» (дела 4218, 5184, 3566 и др.), неуплатой священниками налогов (дела 2388, 4218, 5184, 3566), массовыми выступлениями, организация которых, как правило, органами ОГПУ-НКВД приписывалась представителям духовенства (дела 1555, 3566 и др.), сопротивлением закрытию церквей,

использованию их под зернохранилища, снятию колоколов (дела 5219, 4267). Причем были редкие случаи, когда священники активно призывали мирян отстаивать храмы, колокола (д. 5428). Показательным также является дело, связанное с чудодейственным родником, или «святым колодцем» в селе Линевка Ульяновского района (д. 5155). Материалы дела 5649 свидетельствуют о том, что за совершение религиозного обряда в 1937 году можно было получить высшую меру наказания. Особое внимание вызывают судебные дела, обвинительные заключения в которых содержат формулировку «контрреволюционная деятельность» (дела 4829, 1625, 1634, 1767, 1778, 1817, 4756 и др.). Здесь следует выделить дело 1348 («О церковно-сектантской контрреволюционной организации в г. Мелекессе»), в котором можно обнаружить сведения, «изобличающие» епископов Владимира (Горьковского) и Митрофана (Гринева). В другом масштабном деле (1621) мы находим информацию о деятельности «церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в г. Ульяновске» во главе с архиепископом Иоанном (Никольским).

Ко второй группе следственных дел, имеющих внерелигиозные мотивы, можно отнести, прежде всего, судебные разбирательства, связанные с политикой колхозного строительства. Среди рассмотренных 50 судебных дел, возбужденных на территории Ульяновской епархии, имеющих «колхозную» подоплеку, показательными являются «мелекесские» дела 1560, 6433, 3565. Неосторожные высказывания представителей духовенства или мирян в адрес вождей, Конституции или выборов в Верховный Совет СССР также становилось основанием для преследований (дела 5205, 4205, 2783, 6950 и др.).

Также в ходе исследования использовались материалы региональной периодической печати – ульяновской газеты «Пролетарский путь», которая являлась органом местных коммунистов, а ее типография подчинялась непосредственно окружному совету. Эта газета распространялась по всему ульяновскому округу, тогда как в рассматриваемый период в г. Мелекессе

местной газеты не выпускалось. Из «Пролетарского пути» мы узнаем о региональной специфике антирелигиозной политики большевиков, в частности, о реализации программы-лозунга «Родина Ленина – город атеизма»⁴, кампании по снятию колоколов и закрытию церквей⁵, подготовке общественного мнения к массовым гонениям против представителей духовенства в 1937 году⁶. Следует отметить, что с 2020 года с материалами ульяновской газеты «Пролетарский путь» можно ознакомиться в электронной библиотеке на сайте «Дворец книги - Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина»⁷.

Исследовательская литература:

Советская историография вопроса известным образом идеологизирована задачей распространения атеистического мировоззрения. Большая часть исторических сочинений носит «разоблачительный» характер. В соответствующих работах исторические исследования, как правило, лишены критической оценки действий властей в отношении Русской Православной Церкви. Изменение наметилось лишь в 80-е годы, когда, при сохранении основной идеологической линии (здесь наиболее фундаментальной является работа Куроедова В. А.⁸), появляются работы,

---

⁴ См.: *Китаев*. Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 27 января. № 22 (667). С. 4; *Коллектив сотрудников газеты «Пролетарский Путь»*. Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 27 января. № 22 (667). С. 2; *Нет Симбирска! Есть Ульянов* // Пролетарский путь. 1924. 11 мая. № 106 (841). С. 1; *Орлов С. О.* Симбирск – Ленинск // Пролетарский путь. 1924. 30 января. № 24 (669). С. 2.; *Студенты Симбирского Рабфака*. Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 26 января. № 21 (666). С. 2; *Френкель А.* Превратить Ульяновск в город, достойный имени Ленина // Пролетарский Путь. 1937. 18 августа. № 188 (3272). С. 1.

⁵ См.: *Президиум общих собраний типографии № 1 и издательства «Пролет. Путь»*. Пустующие церкви закрыть // Пролетарский путь. 1931. 16 августа. № 178 (2582). С. 3; *Рабочий-ударник*. Массы требуют закрытия пустующих церквей // Пролетарский путь. 1931. 18 августа. № 180 (2584). С. 3; *Раков, Андреев В., Шукин, Сергеева*. Закрыть очаг дурмана // Пролетарский путь. 1931. 23 декабря. № 291 (2595). С. 4; *Юдин*. Требуем закрыть церковь // Пролетарский Путь. 1929. 26 октября. № 249 (2047). С. 3.

⁶ См.: О всесоюзной переписи населения // Пролетарский Путь. 1937. 21 сентября. № 220 (3304). С. 1; *Олещук Ф.* Предвыборные маневры церковников // Пролетарский путь. 1937. 17 августа. № 187 (3271). С. 2-3; Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР // Пролетарский Путь. 1937. 12 августа. № 183 (3267). С. 2; Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР // Пролетарский Путь. 1937. 16 августа. № 186 (3270). С. 2; Церковь на службе у буржуазных разведок // Пролетарский Путь. 1937. 11 августа. № 201 (3285). С. 2, 4.

⁷ «Электронная библиотека». Симбирская коллекция. Периодические издания [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/2395> (дата обращения: 10.04.2020).

⁸ См.: *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984. 256 с.

придерживающиеся более взвешенного и критического подхода, но лишь как диссертации, посвященные региональной проблематике⁹.

Существенно ситуация изменилась лишь в последнюю четверть века, когда появилось множество отошедших от марксизма-ленинизма работ историков. Среди работ, раскрывающих отношения советского государства и Русской Православной Церкви, наиболее ценными представляются работы российских исследователей О. Ю. Васильевой, А. Л. Беглова, М. И. Одинцова, В. А. Алексеева, Ф. Ставру, В. А. Цыпина (протоиерея), М. В. Шкаровского, А. И. Кашеварова, И. А. Курляндского, С. Л. Фирсова, а также канадского ученого Д. В. Поспеловского¹⁰. Опираясь на огромный фактический материал и строгую методологию, привлекая ранее неопубликованные источники, как отечественные, так и зарубежные, эти исследователи взвешенно, без эмоций, раскрыли сложные вопросы государственно-церковной жизни, рассмотрели причины агрессивного наступления государства на верующих, массовых закрытий церквей и монастырей, репрессий против священнослужителей. Столь же ценной является фундаментальный труд по истории Русской Православной Церкви в XX столетии под редакцией М. Б. Данилушкина¹¹.

---

⁹ См.: *Силинов П. М.* Деятельность партийных организаций Нижней Волги по атеистическому воспитанию трудящихся в годы первой пятилетки (1928-1932-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1985. 196 с.

¹⁰ *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927-1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35-46; *Беглов А. Л.* Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М., 2008. 800 с.; *Васильева О. Ю.* РПЦ в политике Советского государства в 1943-1948-х гг. М., 2001. 214 с.; *Беглов А. Л.* Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920-1940-х гг.: колебания границы легальности // Религии мира. 2004. М., 2004. С. 211-218; Он же. Церковная история в контексте социальной истории советского периода, 2009; *Одинцов М. И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002, Он же. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1995. 221 с.; Алексеев В.А., Ставру Ф. Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 12; *Цыпин В. А., прот.* История Русской Православной Церкви, (1917-1990 гг.): Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994; Он же. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 гг.). М. 1999; *Кашеваров А. И.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. (1917-1945 гг.). СПб., 1995; *Курляндский И. А.* О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9; *Фирсов С. Л.* Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета: НГ-религии. 2002. 30 октября; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

¹¹ История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней / под ред. М. Б. Данилушкина. Т. 1. (1917-1970 гг.). СПб., 1997. 1020 с.

Важными работами, позволяющими оценить специфику и масштабы проводимой большевиками антирелигиозной кампании в конце 1920-1930-х гг. в разных регионах СССР, являются работы Н. Ю. Беликовой, Ю. А. Бирюковой, Е. В. Дроботушенко, А. В. Кобзева, Ф. Н. Козлова, Л. А. Королевой, М. В. Пономарева, А. В. Проскуриной, А. Б. Сулова, А. Л. Худобородова, М. А. Яшиной, А. В. Шадринной¹².

Ценными работами, помогающими осмыслить философские истоки антирелигиозной идеологии большевизма, являются труды О. А. Устинова, С. Н. Булгакова, Д. А. Поспеловского, Г. И. Шмелева, М. Ю. Смирнова и Д. Трувера¹³.

Прежде чем говорить о предпосылках репрессий против Церкви важно отметить, что существует большое количество материалов, которые поднимают вопрос почему антирелигиозная кампания в первые годы советской власти была агрессивной и массовой. Значимыми исследованиями

---

¹² Беликова Н. Ю. Русская Православная Церковь на Юге России накануне Великой Отечественной Войны (на материалах Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №4 (164). С. 22-26; Бирюкова Ю. А. Репрессии против духовенства и мирян на Дону в 1930-е гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 11-15; Дроботушенко Е. В. Закрытие православных храмов на территории Забайкалья в 20-30-е годы XX в. как аспект репрессивной политики государства в отношении религии // Вестник БГУ. Математика, информатика. Улан-Удэ. 2017. Выпуск 3. С. 49-55; Кобзев А. В. «Как большевики проиграли антирелигиозную борьбу»: конфессиональная политика советского государства и мусульмане Симбирской / Ульяновской губернии // Ислам в современном мире. 2015. Том 11. Вып. 2. С. 35-44; Козлов Ф. Н. «Большой террор» в отношении духовенства и верующих (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) // Россия в условиях кризисов XIX-XX веков. Оренбург. 2017. С. 242-248; Королева Л. А. Закрытие церквей в СССР в 1930-е гг. (на примере Пензенского региона) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-7 (46). С. 50-52; Пономарев М. В. Борьба с религией как составляющая политической культуры советского общества (1917-1930-х гг.) (На материалах Нижней Волги) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2009. № 2 (10). С. 215-221; Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-1930-х гг. // Псков. 2003. № 19. С. 94-100; Сулов А. Б. Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора // Вестн. Удм. ун-та. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 95-99; Худобородов А.Л., Яшина М.А. Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) // Вестник ЮУрГУ, № 30 (247). Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. Выпуск 17. С. 61-65; Шадринная А. В. Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937-1938 гг. в Ростовской области // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 40-48.

¹³ Устинов О. А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4. С. 14-21; Булгаков С. Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993; Pospielovskij D. A history of Soviet atheism in theory and practice, and the believer. New York, 1987; Шмелев Г. И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала // Россия и современный мир. 2003. № 4 (41). С. 124-138; Смирнов М. Ю. Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. С. 106-125; Thrower J. Marxist-Leninist «scientific atheism» and the study of religion and atheism in the USSR. Mouton, 1983. 818 p.

являются: О. Губкина «Русская Православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы»¹⁴, П. В. Каплин «Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах Урала»¹⁵, А. Е. Максачев, А. Ю. Тихонова «Антирелигиозная пропаганда в Симбирско-Ульяновском крае в 1917-1930-е гг.»¹⁶, С. В. Леонов «Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции»¹⁷, Н. Л. Лопатина «Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в.»¹⁸ и ряд других работ по этой тематике.

Пристального внимания также заслуживают работы, посвященные характеристике архивно-следственных дел как исторических источников, а также методике работы с ними¹⁹. Несмотря на распространенные фальсификации следственных материалов в период репрессий, большинство авторов согласны с тем, что архивно-следственные дела могут являться достоверным источником информации при должном критическом отношении. Более того, для полноты исследований является необходимым привлечение

---

¹⁴ Губкина О. Русская Православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. СПб., 2006.

¹⁵ Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах Урала : дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 267 с.

¹⁶ Максачева А. Е., Тихонова А. Ю. Антирелигиозная пропаганда в Симбирско-Ульяновском крае в 1917-1930-е гг. // Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ульяновск, 2022. С.139-146.

¹⁷ Леонов С. В. Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 69-90.

¹⁸ Лопатина Н. Л. Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. // Идеи и идеалы. 2018. № 4, т. 1. С. 49-62.

¹⁹ Быкова С. И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных делах НКВД. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/by4-pr.html> (дата обращения: 10.03.2019); Дегтярёва М. И., Дегтярёва Н. Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 176-187; Журавлев С. В. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 371-401; Килин А. П. Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы нэпа // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16-18 ноября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 427-437; Луцишин А. В. К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов 20-30-х гг. В качестве исторических источников // Преподаватель XXI век. 2009. №4 (1-2). С. 234-242; Нуйкина Е. Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства - информативный источник по истории Русской православной церкви // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 58-73.

источников иного происхождения – мемуаров, писем, дневников, периодической печати и др.

В отношении литературы, касающейся репрессий в Мелекесской епархии, следует отметить, что, к сожалению, на данный момент едва ли не единственными работами, богатыми, тем не менее, фактологией и основанными на широком круге источников являются работы протоиерея Алексия Скалы²⁰. В книге «Церковь в узах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917-1991 гг.)» приведена характеристика различных исторических периодов жизни Ульяновской епархии, от дореволюционного периода до 1991 года. В этом фундаментальном труде дана характеристика интересующего нас исторического периода с опорой на неопубликованные источники, а также рассмотрены показательные судебные дела против представителей духовенства и мирян в Ульяновской епархии. Однако следует отметить и недостатки, которые, на наш взгляд, присутствуют в исследовании уважаемого автора. Прежде всего, в данном труде слабо выражена теоретическая база исследования. Нет в труде А. Скалы и ссылок на источники, использованную литературу, что затрудняет возможность самостоятельного ознакомления с ними (список использованной литературы указан в конце книги). Рассмотрение судебных дел приведено в хронологическом порядке, тематическая систематизация отсутствует. Ссылки на архивные источники также отсутствуют. Тем не менее, на сегодняшний день, это, пожалуй, единственная попытка полного рассмотрения истории Ульяновской епархии.

Также состояние Ульяновской епархии в 1920-1930-е гг. рассматривается в труде И. Н. Косых и В. В. Ястребова²¹. В частности, авторы достаточно подробно со ссылками на архивные источники рассмотрели

---

²⁰ Скала А., *прот.* Церковь в узах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917-1991 гг.). Ульяновск, 2007. 968 с.; Он же. Святые, в земле Симбирской просиявшие. Ульяновск, 2009. 240 с.

²¹ Косых И. Н., Ястребов В. В. Бог есть любовь: из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии. 1832-2016 гг. Ульяновск, 2016. 204 с.

вопрос разрушения храмов Ульяновской епархии, а также представили биографии некоторых епископов Ульяновской епархии.

Среди литературы, косвенно затрагивающей вопросы репрессивной политики советского государства в отношении духовенства и мирян, идеологической обстановки в Ульяновске и в Ульяновском округе, можно выделить работы Д. С. Точеного и Точеной Н. Г., И. И. Целовальниковой, Р. В. Ильязовой, Т. Б. Качкиной²².

Отметим также близкие к нашей теме диссертационные исследования Н. А. Басовой, П. В. Каплина, В. В. Лавринова, Э. Д. Малюковой, О. Н. Петюковой, С. В. Покровской, М. В. Пономарева, К. А. Полозовой, И. А. Страховой, А. В. Шкурина²³. Особо следует выделить диссертационное исследование Ж. В. Яковлевой, в котором автор в антирелигиозной кампании большевиков в Саратовском Поволжье выделяет две составляющие: административно-организационную и агитационно-пропагандистскую²⁴.

---

²² Точеный Д. С., Точеная Н. Г. Эпидемия политической психопатии в Ульяновске (1937-1938 гг.) // Симбирский научный вестник. 2014. № 1 (15). С. 72-84; Они же. Улицы родины Ленина во второй половине 30-х гг. XX века - немаловажная деталь интерьера сталинской эпохи // Симбирский научный вестник. 2013. 4(14). С. 57-65.; Целовальникова И. И., Ильязова Р. В. Реализация нормативно-правовых актов в сфере антирелигиозной политики в СССР в конце 1920-1930-х гг. (на примере Ульяновской губернии) // Власть. 2015. № 1. С. 109-112.; Качкина Т. Б. Ульяновск родина Ленина: от идеологического символа к туристскому бренду (к проблеме идентичности места) // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти историка С.Л. Сытина. Ульяновск, 25-26 сентября 2014 г. Ч. 1 / ред.-сост. Липатова Н. В. Ульяновск, 2015. С.118-135.

²³ Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918-1941 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т., 21 с.; Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах Урала: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2006. 209 с.; Лавринов В. В. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви в 1920-1940-е гг.: на материалах Урала. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Ур. гос. ун-т, 2010. 199 с.; Малюкова Э. Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918-1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 2010. 196 с.; Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917-1945 гг.: дис. ... д-ра юр. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад., 2011. 494 с.; Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность: (1925-1947 гг.): дис. ... канд. ист. наук М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2007. 195 с.; Пономарев М. В. Политическая культура православного духовенства России в 1917-1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2010. 238 с.; Страхова И. А. Взаимоотношения государственной власти и православного духовенства в 1917-1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород: Юго-Зап. гос. ун-т, 2010. 197 с.; Шкурин А. В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви: дис. ... канд. ист. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2005. 224 с.

²⁴ Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х - начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2017. 266 с.

Подобное разделение представляется обоснованным, поэтому будем его придерживаться в настоящем диссертационном исследовании.

Среди диссертационных исследований, касающихся интересующей нас проблематики, следует отметить диссертацию Ильязовой Ренаты Валентиновны, защита которой произошла в 2020 году²⁵. Диссертация посвящена исследованию антирелигиозной пропаганды в период с 1918 по 1941 годы на территории Ульяновской и Самарской областей, организации, механизмам проведения агитации и пропаганды, а также ее непосредственных участников (Союз воинствующих безбожников, ВЛКСМ, партийные организации и др.). При этом автор опирается на обширную базу архивных источников. Несмотря на обнаруженные противоречия деятельности разных субъектов антирелигиозной пропаганды, автор приходит к важному выводу, что «в 1920-1930-е гг. в СССР действовала стройная и достаточно эффективная система антирелигиозной пропаганды и агитации, направленная на дискредитацию среди населения религиозных конфессий и приобщение их к работе, направленной на «строительство социализма»²⁶.

Тем не менее, проблема репрессий в отношении духовенства и мирян изучена недостаточно, что является еще одним аргументом в пользу актуальности выбранной темы.

Методология исследования.

1. Герменевтический анализ текста, предполагающий, что смыслы текста неслучайным образом не совпадают с намерениями и планом автора. Конечно, сегодня уже можно говорить о существенной исторической дистанции, отделяющей интерпретатора текстов 30-х годов XX века от времени жизни их авторов. Историческая дистанция в герменевтическом методе играет роль своеобразного интерпретационного фильтра. В герменевтическом анализе текста необходимо, тем не менее, ориентироваться

---

²⁵ См.: *Ильязова Р. В.* Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918-1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 2020. 268 с.

²⁶ Там же. С. 240.

на принцип авторитета автора, впрочем, последний рассматривается не в качестве изолированного от исторической ситуации субъекта, но в контексте эпохи. Герменевтика текста включает две важнейшие операции: дескрипция и идеация, т.е. описание смыслового движения текста и раскрытие самого смысла.

2. Метод, обусловленный сделанными выше оговорками: метод исторической и системной реконструкции. Для работы с историческими источниками 30-х годов XX века необходимо выяснить общий исторический фон их написания и, затем, после разметки хронологической схемы описания, определить отличительные черты каждого из этапов написания, а также диалектики самого развития идей автора.

3. Сравнительный анализ текстов предполагает сравнение текстов сторонников и идеологов репрессий по религиозным соображениям и текстов их противников и жертв. Так мы предполагаем получить полную и целокупную картину «идеологического ландшафта» 30-х годов XX века. Сравнение предполагает выявление общих, наиболее повторных элементов, а также выявление принципиальных различий.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности дальнейшего анализа и конкретизации затронутых проблем. Некоторые положения работы могут быть использованы при составлении курсов по истории русской Церкви и истории Отечества.

Научная новизна работы заключается в изучении деятельности церковных организаций в пределах конкретной епархии и территории и их взаимоотношений с местными органами власти. В диссертации предпринята попытка комплексного освещения взаимоотношений государства и Церкви в 1930-е гг. как на территории Ульяновской епархии в целом, так и в Мелекесском викариатстве, в частности.

В работе были также проанализированы методы, роль и значение атеистической пропаганды в системе государственно-конфессиональной политики, рассмотрена деятельность Союза воинствующих безбожников в

1920-1930 гг. в контексте социокультурных перемен общегосударственного значения. Также были проанализированы и систематизированы судебные дела в отношении православного духовенства и активных верующих Мелекесской епархии в 1930-е годы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ философских оснований большевизма позволяет констатировать, что религиозная политика большевиков в 20-30-е годы XX века определялась экономическими и политическими соображениями. Для основателей марксизма-ленинизма в России религия представлялась ложной моделью гносеологической познания окружающего мира. Приверженность объективной форме социального устройства сподвигла материалистов к борьбе против любого компонента идеализма в философском дискурсе. Религия, а также религиозные институты становились орудием правящего класса, который, согласно их идеологии, угнетал народ, эксплуатируя его труд. Если основатели коммунистической идеологии считали, что религиозный тип мышления окажется ненужным в новом строе общества, то В. Ленин и Ф. Энгельс видели в религии актуальную угрозу управления оппозиционной частью российского общества. Их позиция вылилась в господство воинствующего атеизма на период 30-х гг. Таким образом, традиционные религии, в целом, Русская Православная Церковь, как ведущая конфессия, в частности, становились чуждыми элементами в новом социалистическом обществе, более того, «врагами» для большевистской «атеистической» идентичности, что нашло воплощение в религиозной политике большевиков в 20-30-е годы XX века.

2. Особое значение для большевизма как антирелигиозной идеологии приобретают места, связанные, прежде всего, с жизнью одного из наиболее известных основателей направления марксизма-ленинизма – В. И. Ленина. Идеологема «Родина Ленина», относившаяся к Ульяновску, до 1932 года центра Ульяновской епархии, а также бытовавший в 1930-е годы лозунг «Родина Ленина – город атеизма» в том же слабом религиозном ключе

формально придавали Ульяновской епархии, в составе которой было Мелекесское викариатство, значение бастиона атеистического мировоззрения. Однако анализ источников и реальной политики большевиков в 20-30-е годы XX века в Ульяновске показал, что, с одной стороны, идеологема «Родина Ленина» носила формальный характер, не имела оснований в социально-экономической плоскости (только во второй половине 1960-х гг. она получит подкрепление реальными достижениями во многих сферах жизни города), а с другой, - получила реальное воплощение в антирелигиозной политике большевиков (агитационно-пропагандистская деятельность Союза воинствующих безбожников, ВЛКСМ, региональных партийных организаций, а также повсеместное закрытие храмов, конфискация колоколов, репрессии в отношении духовенства и мирян и т.п.).

3. В начавшейся антирелигиозной борьбе на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) можно выделить две тесно взаимосвязанных между собой составляющие: административно-организационная и агитационно-пропагандистская. Первая была направлена на ликвидацию материальной основы функционирования церкви (отъем культовых зданий и другого имущества, удушение налогами и иными поборами, искусственные ограничения в регистрации и деятельности религиозных общин, разрушение религиозного образования, изгнание, арест и репрессии в отношении священнослужителей и активных верующих). Вторая составляющая включала организацию и проведение антирелигиозной пропаганды и агитации силами региональных и местных организаций ВКП(б), ВЛКСМ, СВБ.

4. Инструкции и директивы, корректирующие в зависимости от исторических обстоятельств генеральную линию, идущую от Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» свидетельствуют о том, что у верховной власти не было четких представлений, как эффективно проводить антирелигиозную борьбу. Политика большевиков в отношении Церкви со своего начала породила как «перегибы» на местах, так

и сопротивление со стороны духовенства и верующих (что находит подтверждение в материалах следственных дел, возбужденных на территории Мелекесской епархии). Антирелигиозная агитация и пропаганда, связанная, прежде всего, с деятельностью Союза воинствующих безбожников (как на территории Мелекесской епархии, так и по всей стране в целом) оказалась, в конечном итоге, малоэффективной, что обусловило переход к более радикальным методам борьбы с религией, и это станет кульминацией антирелигиозной политики в 1930-е гг., – репрессиям против духовенства и мирян.

5. Советская власть стремилась избавиться от духовенства и активных верующих не только в рамках антирелигиозной кампании, но и, формально опираясь, на внерелигиозные «возможности» советского законодательства. Судебные дела, возбужденные на территории Мелекесской епархии против православного духовенства и мирян и имевшие внерелигиозные мотивы, как правило, основывались на фактах сопротивления колхозному строительству, неосторожных высказываний в адрес вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина, Конституции 1936 года, выборов в Верховный совет 1937 года, а также «шпионской» деятельности в пользу иностранных разведок и др. Однако таких дел меньшинство. В большинстве рассмотренных следственных дел можно найти подтверждение тому, что сам факт отношения к религиозному культу когда-либо в биографии человека делал его подозреваемым и, в конечном итоге, виновным, поскольку принадлежность к Церкви были «чуждым» элементом для советского государства, посягающим на их суверенность.

6. На основании обширного материала судебных дел против духовенства и мирян на территории Мелекесской епархии можно утверждать, что любая деятельность священно-, церковнослужителей и мирян, связанная с церковной жизнью, ставилась вне советского закона. Любое высказывание священника могло быть квалифицировано как «антисоветская агитация», любое действие – как направленное либо на сопротивление мероприятиям

советской власти, либо на подрывную работу против страны советов. Чаще всего встречались следующие основания для возбуждения судебных дел: проведение церковных мероприятий, сопротивление изъятию храмовых зданий, деятельность по возобновлению богослужений в закрытых церквях, денежная помощь ранее арестованным священникам, религиозная агитация и пропаганда, сопротивление снятию колоколов, организация сбора подписей для возобновления богослужения и т.п. В логике большевиков Церковь в качестве организации со своей (не большевистской) властной структурой, разветвленной сетью приходов, огромным количеством участников, альтернативным коммунизму мировоззрением становилась Врагом с большой буквы, посягающим на «святыни» большевиков, идеалы Революции. Поэтому Церковь и становилась контрреволюционной организацией, а обвинения служителей Церкви и активных мирян в контрреволюционной деятельности стали одними из самых распространенных.

7. В результате репрессивной политики большевиков только на территории нынешней Ульяновской области было расстреляно 1607 человек, а всего репрессировано 7638 человек. За годы репрессий было репрессировано 602 «служителя культа». На территории Мелекесского викариатства было приговорено к лишению свободы 99 священников и церковнослужителей, 35 священников было расстреляно, 76 активных мирян были лишены свободы, а 22 мирянина были расстреляны. Уже к концу 1937 года в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, почти все духовенство, проживавшие в селах монахини, а также наиболее активные верующие. В связи с этим с конца 1930-х гг. и вплоть до приезда в связи с эвакуацией 19 октября 1941 г. в Ульяновск главы Русской Православной Церкви Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и аппарата Московской патриархии Ульяновской епархии просто не существовало.

Структура исследования.

Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых разбита на параграфы, заключения, списка источников и литературы. Общий объем

диссертационного исследования составляет 218 страниц. Список источников и литературы включает в себя 230 наименований.

Во введении обосновываются актуальность темы, цели и задачи исследования.

В **первой главе** рассматриваются идеологические, нормативно-правовые основания антирелигиозного курса в политике советской власти, а также развитие государственно-церковных отношений в 1930-е годы на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство).

В **параграфе 1.1.** рассматриваются идеологические предпосылки и политико-правовое оформление религиозной политики большевизма в 30-е годы XX века.

В **первом под-параграфе** исследуется вопрос о историко-философских основаниях антирелигиозной политики большевизма. Методологическая задача под-параграфа состоит в необходимости осмыслить проблему религии и религиозных институтов в политике большевизма, которая позволила бы точно поставить проблему взаимоотношений Церкви и власти в 30-е годы XX века. В конечном итоге, большевизм определяется как антирелигиозная идеология, которая приобретает свои радикальные формы в России. Основой религиозной политики большевиков стало радикальное переустройство социума, в результате чего само понятие религии должно было исчезнуть.

Во **втором под-параграфе** первой главы рассматриваются вопрос о предпосылках репрессий в Мелекесской епархии. Основные элементы гонения верующих и репрессий по отношению к Церкви были связаны с общими законодательными положениями советской власти и идеологическими установками. В под-параграфе поднимается вопрос о свободе совести и вероисповедания в начале XX-го в., а также как советская власть использует общую интеллектуальную полемику вокруг этого вопроса под свое мировоззрение по отношению к Церкви и религии. Также отмечается

противостояние церковных иерархов этому закону, и основные элементы гонения в Мелекесской епархии.

В **параграфе 1.2.** анализируются особенности управления Ульяновской епархией в 1930-е годы, а также конкретные меры и результаты антирелигиозной политики большевиков. В 1931 году все храмы «сергиевцев» в Ульяновске были закрыты, кафедра Ульяновского епарха «тихоновского» течения перемещается в Мелекесс, второй кафедральный город епархии. С этих пор Мелекесс фактически становится центром Ульяновской епархии.

В **параграфе 1.3.** анализируется агитационно-пропагандистская деятельность большевиков на территории Ульяновской епархии и Мелекесского викариатства, в частности, вследствие чего констатируется, что идеологема «Родина Ленина» в 1920-1930-е гг. не отражала реальных перемен в социально-экономической и частично культурной (например, городская культура) сферах, однако в антирелигиозной кампании и атеистической пропаганде, в частности, она обрела реальные основания. И связано это было с деятельностью «Союза воинствующих безбожников», ВЛКСМ и региональными партийными организациями.

Во **второй главе** исследуется общий ход и особенности репрессий в отношении православного духовенства и мирян на территории Мелекесской епархии в 30-е годы XX века.

В **параграфе 2.1.** реконструируется ход репрессий в отношении духовенства и верующих, как в стране, так и на территории Мелекесской епархии.

В **параграфе 2.2.** анализируются уголовные преследования духовенства и верующих на религиозной основе. Представителей православного духовенства и мирян преследовали по 58 статье Уголовного кодекса РСФСР за антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность. Судебные дела данной категории, как правило, связаны с невыплатой непомерно высоких налогов, закрытием храма, снятием колоколов, посягательством большевиков на святыни, — все это часто

вызывало массовые выступления верующих, организаторами которых считались священнослужители. Особое внимание в параграфе уделено анализу судебных дел, обвинительные заключения в которых содержат формулировку «контрреволюционная деятельность».

В **параграфе 2.3.** анализируются судебные разбирательства, находящиеся вне поля религиозной политики большевиков – это дела о критике политики коллективизации, о «шпионаже», разглашении государственной тайны, «оскорблении советских работников», сочинении частушек, негативных отзывах о «сталинской» конституции, «подрывной работе против выборов в Верховный Совет СССР» и др.

В **третьей главе** рассматриваются итоги репрессивной политики большевиков на территории Мелекесской епархии в 1930-е годы.

В **параграфе 3.1.** подводятся общие итоги репрессий в отношении православного духовенства и мирян в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) в 1930-е годы в общем контексте «сталинских» репрессий. Уже к концу 1937 года в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, практически все духовенство, монахини, а также наиболее активные из членов церковных советов. В связи с этим к указанному времени Ульяновская епархия и Мелекесское викариатство прекратили свое существование. За годы репрессий на рассматриваемой территории было приговорено к лишению свободы 99 священников и церковнослужителей, 35 священников было расстреляно, 76 активных мирян были лишены свободы, а 22 мирянина получили высшую меру наказания. В целом, на территории нынешней Ульяновской области было расстреляно 1607 человек, а всего репрессировано 7638 человек.

В **параграфе 3.2.** анализируются итоги религиозной политики большевизма в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) к началу 1940-х годов. Так, в епархии не стало ни одного архиерея, большинство духовенства было расстреляно или находилось в концлагерях. По всей епархии оставались действующими лишь три храма. Сравнение с религиозной

политикой большевиков в других областях позволяет сделать вывод, что повсеместное закрытие церквей в некоторых регионах было распространенным явлением. Региональные различия имели второстепенное значение по сравнению с политикой «обезбоживания» населения, курсом на индустриализацию и коллективизацию.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Публикации по теме диссертационного исследования:

1. Гурьянов П., священник. Репрессии в Мелекесской епархии в 20-х гг. XX века: особенности и предпосылки // Церковный историк. 2024. №?. С. ???-???. (РИНЦ).
2. Гурьянов П., священник. К вопросу об антирелигиозной политике большевиков 1930-х гг. по отношению к духовенству и мирянам Ульяновско-Мелекесской епархии // Церковный историк 2024. №?. С. ???-???. (РИНЦ).

ГЛАВА 1. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИЗМА В УЛЬЯНОВСКОЙ ЕПАРХИИ (МЕЛЕКЕССКОЕ ВИКАРИАТСТВО) 1930-Х ГОДОВ

1.1. Идеологические предпосылки и политико-правовое оформление религиозной политики большевизма в 30-е годы XX века

1.1.1. Историческое развитие антирелигиозных положений идеологии коммунизма

Методологическая задача, которая является основой для этого подпараграфа, состоит в необходимости указать на идеологические причины антирелигиозной политики большевизма, которые позволили бы наиболее качественно и точно в дальнейшем описать проблему взаимоотношений Церкви и власти в 30-е годы XX века.

Во время распространения марксистской идеологии на территории России со второй половины XIX в. встал очень важный вопрос об отношении этого движения к доминирующим в Империи институциям: государству, армии и Церкви. Если государство рассматривалось идеологами красного движения как доминирующая форма эксплуатации населения пролетариата; армия служила лишь интересам эксплуатирующей верхушки или же орудием насилия, то отношение к Русской Православной Церкви имело свои особенности²⁷.

Основным положением приверженцев социализма в России являлось социально-экономическое переустройство мира. В таком ракурсе Русская Православная Церковь виделась идеологическим оппонентом, который предлагал своим последователям власть, не подчиняющуюся власти партии. Церковь становилась духовно-нравственной оппозицией большевикам, которые стремились получить идеологическую монополию. Также тесная связь Церкви с государством осталась в прошлом, которое необходимо

---

²⁷ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX в. М.: Республика, 1995. С. 21.

отвергнуть. Эту мысль подтверждает цитата В. И. Ленина за 1906 г.: «мы создали свой союз РСДРП, между прочим, именно для <...> борьбы против всякого религиозного обмана трудящихся»²⁸.

Государственный атеизм после революции оказывается лишь одним из многих способов, с помощью которых советское руководство обеспечивает непрерывную реорганизацию существующих социальных структур. Это функциональный результат атеистической политики, которую проводила целая череда правительств в Советском Союзе после Октябрьской революции 1917 г.

Теоретически важно проследить становление и тенденции развития марксистского атеизма. Понимание того, из какого источника берут свое начало богоборческие концепции материалистической идеологии позволяет определить причины гонений в России – в целом, и в Мелекесской епархии – в частности.

Основатель научного коммунизма с самого начала своей философской карьеры был глубоко вовлечен в дебаты о философии религии в Германии начала XIX в. Становление мысли К. Маркса (1818–1883 гг.) происходило в контексте споров о правильной интерпретации философского наследия Гегеля (1770–1831 гг.). Для приверженцев гегельянского направления мысли философия, как аналитическая деятельность, должна была служить высшим прозрениям религиозного постижения мира. Рационализация Гегелем основ христианской веры, выраженная в его развернутой философии духа, была существенно переосмыслена после его смерти в 1831 г. Философское наследие Гегеля активно обсуждалось так называемыми младогегельянцами²⁹, с одной стороны, и Л. Фейербахом (1804–1872 гг.) – с другой. Из двух сторон (идеализма и материализма) К. Маркс выбрал последнее философское течение. Таким образом, с самого начала своей интеллектуальной деятельности он положил начало атеистическому учению, которое никогда не

---

²⁸ Ленин В. И. Об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1969. С. 145.

²⁹ Последователи идеалистического направления немецкой философии XIX в.

могло пойти на компромисс даже с самыми либеральными формами религиозной философии³⁰.

Л. Фейербах стал интеллектуальным наставником отношения К. Маркса к христианству. Необходимо затронуть некоторые подробности интеллектуальной связи двух мыслителей. Хотя К. Маркс не был слепым последователем Л. Фейербаха, он был глубоко вдохновлен его идеями в самом начале своей карьеры. Фундаментом философской рецепции Фейербаха являлся Гегель и его идеалистическая философия³¹.

Гегель часто критиковал догматическую теологию своего времени, сохраняя при этом глубокий интеллектуальный интерес к онтологическим предпосылкам христианства. Его философская теория реальности, а также теория познания были в принципе совместимы с системой теологических взглядов, существовавших в то время. Религиозные объяснения глубочайших вопросов бытия рассматривались как безусловно ценные, но нуждающиеся в дополнительном прояснении, систематизации и аргументированном обосновании.

Фейербах же, напротив, изо всех сил старался отделить философию от религии. Он хотел предоставить философам интеллектуальную автономию в вопросах интерпретации реальности (онтологии). Независимость от доминирования богословских основ в Европе достигалась противниками христианства путем философского переосмысления онтологического догматизма. Они отвергали основы религиозного мышления: богословие должно быть заменено на «религию человекобожия»³². Традиционное христианство подрывало «свободу человеческих действий и только материализм позволит людям получить полное освобождение»³³, поэтому

---

³⁰ Устинов О. А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4. С. 16.

³¹ Исаков А. А. Фейербах, Штирнер, Маркс: рождение научно-философского подхода к диалектике религии и атеизма // Приволжский научный вестник. 2015. № 3-2 (43). С. 6.

³² Центральное положение «*homo hominis – deus est*», означает, что человек создал бога по своему образу и подобию, как проекцию собственных чаяний. См.: Булгаков С. Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 162-221.

³³ Фейербах Л. Сущность христианства. М., 2022. С. 43.

«человеческая природа, считающаяся сама по себе божественной или обладающей высшим совершенством, должна была быть возведена в ранг нового предмета поклонения»³⁴.

К. Маркс, следуя материалистическому направлению мысли Л. Фербаха, «пропагандировал свою собственную теорию реальности с полным интеллектуальным презрением ко всему, что представляла собой религиозная мысль, теоретически, практически или эмоционально»³⁵. Культурный вклад религии на протяжении веков был отвергнут как неважный и не имеющий отношения к благополучию человеческого разума. К. Маркс понимал необходимость автономии человека и его мира от царства сверхъестественных сил, также осознавая, что достигнуть этой утопической идеи возможно только последовательно реформируя взгляды народных масс.

В. Поспеловский пишет, что К. Маркс вступает на путь атеизма осознанно после защиты диссертации «О различиях между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». В ней он утверждал, что религиозный человек отчуждался от реальности или истины собственного мира³⁶. Для К. Маркса религия, как и все другие формы сознания, была надстройкой, определяемой экономическим основанием, которая будет разрушена после того, как будет достигнуто экономическое освобождение человека от эксплуатации. Решение проблемы религии отводилось первостепенное значение в его текстах: «Правда, в те эпохи, когда политическое государство насильственно появляется на свет из недр гражданского общества, как политическое государство, когда человеческое самоосвобождение стремится вылиться в форму политического самоосвобождения, – в эти эпохи государство может и должно дойти до упразднения религии, до уничтожения религии»³⁷.

---

³⁴ *Фейербах Л.* Сущность христианства. М., 2022. С. 47.

³⁵ *Pospielovskij D.* A history of Soviet atheism in theory and practice, and the believer. New York, 1987. P. 12.

³⁶ *Ibid.* P. 13.

³⁷ *Маркс К. Энгельс Ф.* К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1986. С. 38.

Фридрих Энгельс (1820-1825 гг.) – еще один автор идей коммунизма. На протяжении более пяти десятилетий он сотрудничал с К. Марксом во всех основных аспектах формирования диалектико-материалистического взгляда на реальность. Фактически именно Ф. Энгельс популяризировал «диалектический материализм» и попытался систематизировать принципы нового учения в единую доктрину.

Ф. Энгельс подробно остановился на критике идеалистического мировоззрения в целом, включая религиозные взгляды на действительность. Он настаивал на том, что идеализм проистекает из неспособности людей справиться с силами природы и хаосом социальной жизни, что религия представляет собой не более чем фантастическое отражение в человеческом сознании тех сил, которые определяют жалкие условия человеческого существования на ранних этапах истории³⁸.

Он подчеркивал, что с ростом контроля человека над природными и социальными процессами религия исчезнет из общества будущего, так как постепенно исчезнут сами причины человеческого отчаяния, порождающие религиозные взгляды: «Когда <...> человек перестанет не только предлагать, но и распоряжаться – только тогда исчезнет последняя чуждая сила, которая еще отражается в религии; а вместе с ней исчезнет и само религиозное размышление, по той простой причине, что размышлять будет уже не о чем»³⁹. В связи с чем моральные и интеллектуальные нормы коммунизма по определению не могут включать в себя религиозные установки. В рамках этой концепции орудием преодоления религиозных предрассудков становится научное образование масс: школа и институт пропаганды.

Науки являются материальными по своей природе, поэтому они позволяют человеку «раскрыть все тайны», благодаря которым люди приходили к вере в Бога. В биологии, физике, химии, антропологии и психологии второй пол. XIX в. Энгельс искал аргументы в пользу

---

³⁸ Шмелев Г. И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала // Россия и современный мир. 2003. № 4 (41). С. 127.

³⁹ Маркс К. Энгельс Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1986. С. 55.

материализма и против любых теологических объяснений мира. В своей книге «Анти-Дюринг» он предложил рядовым немецким социал-демократам «научно обоснованное» изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения в целом.

Глубокая убежденность Энгельса в том, что материалистический атеизм выигрывает, опираясь на достижения науки, быстро распространилась среди последователей коммунистов. Впоследствии она стала основной идеей, определяющей стратегию и содержание советского просветительского наступления против всех проявлений религиозного сознания в СССР.

Отношение Ф. Энгельса к религии можно охарактеризовать полным пренебрежением: «религиозные учения представляют собой лишь реакцию индивидов на природно-климатические и социальные изменения, поэтому «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы приобретают форму неземных»⁴⁰. Следовательно, религия представлялась в текстах социалистов и материалистов в виде ложной гносеологической формы познания окружающего мира. Религиозная модель мира предлагала связывать изменения социально-политической картины страны с действием Провидения или сверхъестественных сил, а не с объективными факторами общественного устройства⁴¹.

Последователи К. Маркса и Ф. Энгельса предпочитали видеть в религии такое же орудие привилегированного буржуазного класса общества для управления религиозно мыслящих масс. Индивиды этой социальной группы находились не только в зависимости от земной власти, но и во власти трансцендентной, поэтому такими людьми, согласно мысли коммунистов, было легко управлять в политической плоскости и эксплуатировать их труд⁴².

---

⁴⁰ Маркс К. Энгельс Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви... С. 6.

⁴¹ Бердяев Н. И. Истоки и смысл русского коммунизма. 1990. С. 33.

⁴² Pospelovskij D. A history of Soviet atheism... P. 17.

Третьим крупным человеком, внесшим глубокий вклад в формирование современной коммунистической идеологии в СССР, был Владимир Ильич Ленин (1870-1924 гг.). Главным источником философского образования Ленина были труды Маркса и Энгельса. Однако его взгляды развивались в культурном контексте России, и поэтому на них существенно повлияли интеллектуальные традиции этой страны. Что касается атеизма, то Ленин провозгласил его непосредственной политической задачей партии.

В. Ленин считал атеистическую пропаганду насущной необходимостью, потому что в России религия являлась основным идеологическим инструментом, используемым правящими классами для удержания эксплуатируемых масс в подчинении. Ее нужно было использовать как можно эффективнее, чтобы ослабить влияние Православной Церкви среди рабочих и крестьян Российской империи. Предполагалось подготовить переход эксплуатируемых классов к новым формам материалистического сознания, которые считались более подходящими для строителей нового общественного строя.

В. Ленин считал теоретические идеи важными не сами по себе, а как руководство и оружие в непрекращающейся классовой борьбе, бушующей в обществе. Он взял на себя ответственность за организацию интеллектуально просвещенной партии как авангарда угнетенных и, следовательно, за «практическое применение материалистического анализа и материалистической оценки всех сторон жизни и деятельности всех классов, слоев и групп населения»⁴³.

Для революционера даже малейшие следы идеализма во взглядах его политических противников или соратников были равносильны уступкам религиозному взгляду на реальность, а значит, прямо или косвенно поддерживали идеологическое господство над эксплуатируемыми классами. Поскольку он считал, что религия проповедует сохранение существующего

---

⁴³ Цит по.: *Смирнов М. Ю.* Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. С. 111.

статус-кво, покорность и смирение верующих, он приписывал политическое значение каждому идеалистическому или религиозному утверждению и тем самым делал их главной мишенью идеологических атак⁴⁴.

Он стал основателем целого института профессиональных атеистических пропагандистов, которые после революции распространились по всей стране и сыграли очень важную роль в нападении на церкви и обращении верующих в веру «научно обоснованного материалистического мировоззрения» коммунистов.

Однозначно враждебное отношение Ленина к религии стало отличительной чертой большевистской версии атеизма. По сравнению с гораздо более мягкими взглядами, популярными, например, в социал-демократической партии, большевистский атеизм не допускал никаких компромиссов с широко распространенными религиозными взглядами и чувствами, даже если это означало отчуждение некоторых симпатизирующих левым взглядам, но религиозно верующих интеллигентов, рабочих и крестьян.

В этом отношении Ленин подверг резкой критике Анатолия Луначарского⁴⁵. Последний был марксистом-большевиком, который, однако, в отличие от жестких последователей Ленина, пытался приспособить религиозные чувства к мировоззрению коммунизма. Взгляды Луначарского на отношения между атеизмом и религией имели существенное сходство с утопическими идеями Фейербаха о «новой религии человечества» – религии, совместимой с наукой и отличной от христианской традиции. Луначарский сформулировал так называемую программу «богостроительство». В ней он провозгласил, что хотя традиционная религия концептуально неверна и идеологически предвзята к интересам эксплуататорских классов, она все же культивирует в массах эмоции, моральные ценности, желания, которыми революционеры должны завладеть и

---

⁴⁴ *Смирнов М. Ю.* Религия и Библия в трудах В. И. Ленина... С. 113.

⁴⁵ См. подробнее: *Морозова А. Ю.* «я - не богостроитель!»: взгляды А. В. Луначарского на религию и социализм в контексте дискуссий о них в большевистской среде // *Технологос*. 2020. №1. С. 110-123.

манипулировать⁴⁶. Их следует постепенно трансформировать в позитивные гуманистические ценности коммунистической морали, а не противопоставлять им и пытаться разрушить основу психологической и моральной целостности миллионов религиозных людей.

В. Ленин был возмущен этими идеями, тем, что он воспринимал как уступку религиозному мракобесию. Он считал позицию Луначарского крайне вредной, поскольку, по мнению Ленина, она «растворяла марксизм в мягком либеральном реформизме»⁴⁷. Он считал, что эта позиция затушевывает тот факт, что церковь является служанкой государства, что религия все время была инструментом идеологического подавления масс. В. Ленин пытался разоблачить программу богостроительства как опасный и ненужный компромисс с самыми реакционными силами в Российской империи.

В сложившихся обстоятельствах он обратился к воинствующему атеизму как критерию искренности марксистских обязательств, как принципу проверки. Он считал, что если оставить безнаказанным идеологический и политический конформизм, то он ослабит теоретические принципы партии и революции. В своем ответе Луначарскому Ленин пишет: «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живёт чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»⁴⁸.

Поэтому Ленин не допускал никаких компромиссов в теоретическом наследии марксизма. У него было убеждение, что в условиях сильного

---

⁴⁶ Морозова А. Ю. «я - не богостроитель!»: взгляды А. В. Луначарского на религию и социализм в контексте дискуссий о них в большевистской среде // Технологос. 2020. №1. С. 111.

⁴⁷ Там же. С. 113.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.

политического давления даже малейшее отступление от принципов материализма и атеизма может перерасти в предательство дела коммунизма. Идеологическая подоплёка вопроса доминировала в русском контексте, что вылилось в насилие по отношению к религии. Чистота марксистского мировоззрения, по мнению В. И. Ульянова, должна быть сохранена любой ценой⁴⁹.

Подводя итог краткому рассмотрению мысли основных представителей коммунизма, можно выделить следующие положения их философско-идеологических воззрений:

Марксизм-ленинизм предлагает то, что он считает истинной альтернативой религиозному мировоззрению. Это включает, по крайней мере, три основных аспекта философского мировоззрения⁵⁰:

1. Определённое видение отношений между человеком и природой;
2. Конкретное понимание отношений между человеком и обществом или группами людей и обществом;
3. Собственное определение смысла жизни, природы человека и его предназначения.

Диалектический и исторический материализм служит теоретическим ядром марксистско-ленинского мировоззрения. Эта интеллектуальное направление, будучи философской онтологией (то есть теорией об истинной природе реальности), взяло на себя задачу разработать альтернативу религиозному взгляду на творение человека.

Материалистическая интерпретация истории была действительно тем, что никогда ранее не предлагалось. Маркс рассматривает развитие человеческого рода как закономерный, объективный процесс. Из этого следует, что «основные виды экономической деятельности определяют структуру сложных социально-политических и интеллектуальных

---

⁴⁹ Смирнов М. Ю. Религия и Библия в трудах В. И. Ленина... С. 116.

⁵⁰ Цит. по: *Pospielovskij D. A history of Soviet atheism...* P. 21.

достижений»⁵¹. Человеческая культура является результатом экономического производства. История цивилизации рассматривается как схема более или менее жестких социально-экономических формаций. Последние состоят из определенного производственного базиса и связанной с ним институциональной надстройки. Погруженные в контекст конкретной социально-экономической данности, поколение за поколением массы неустанно трудятся, по мнению Маркса, над производством и поддержанием прозаического факта собственного существования. В этой социологической модели человеческий род мотивирован материальной необходимостью⁵².

Религия, которая, согласно Л. Фейербаху и К. Марксу, изначально возникла как иллюзорное спасение от повседневных трагедий и разочарований, должна рассматриваться, согласно Марксу, как утопическая форма компенсации и консолидации жизненных разочарований. Однако она «была захвачена правящими классами и постепенно превратилась в инструмент интеллектуального и эмоционального контроля над массами»⁵³. К. Маркс настаивает на восприятии истории христианства как изощренного обмана человечества. Будучи формой идеологии, оно должно быть подвергнуто бескомпромиссной атаке очищающим гневом революционных масс.

Исторический материализм, вместе с диалектическим учением Маркса, Энгельса и Ленина, делает попытку оправдать образовательное и административное наступление коммунизма на религию. Человек, будучи сам воспринят лишь как продукт социокультурной среды своего времени, должен претерпевать фундаментальные изменения параллельно с изменением общественного строя.

---

⁵¹ Бажанов В. А., Кудряшова Е.В. Марксизм и философия науки // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. №3. С. 215.

⁵² *Thrower J. Marxist-Leninist «scientific atheism» and the study of religion and atheism in the USSR*. Mouton, 1983. P. 103.

⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии...* С. 41.

Ранний марксизм считал, что революционная реорганизация общества в конечном итоге приведет к быстрому упадку и окончательному исчезновению религиозных форм сознания. Если люди действительно являются совокупностями общественных отношений, то перестройка этих общественных отношений естественным образом приведет к реформированию человеческой личности. Поэтому логично ожидать, что как только К. Маркс разработает экономическую и социально-политическую доктрину общества, которая должна привести религию к естественной смерти, озабоченность темой прямой борьбы с религией исчезнет из его трудов. И действительно, интерес Маркса постепенно сместился в сторону социологии и политической экономии⁵⁴.

Его первоначальный энтузиазм в отношении навязывания атеизма посредством пропагандистских войн против церковных институций и идеализма постепенно угас. В конце своей жизни К. Маркс считал, что если экономические и социальные перемены будут проходить успешно, то новое социальное устройство мира постепенно заменит «самообман» европейского христианства.

Однако, перейдя на новую для себя почву, идеи марксизма переживают качественную трансформацию. Д. Поспеловский пишет, что «поскольку старая точка зрения утверждала, что с отменой эксплуатации религия непременно умрет, и поскольку этого не произошло после акта экспроприации, даже после шести десятилетий перевоспитания, советский атеизм почувствовал себя обязанным представить убедительное объяснение»⁵⁵.

Партийное руководство не отказалось от основных принципов исторического материализма, но им пришлось признать, что религия является гораздо более долговечной формой общественного сознания, чем они предполагали ранее. Вера и религия оказалась более укорененным феноменом

---

⁵⁴ *Thrower J.* Marxist-Leninist «scientific atheism» and the study of religion and atheism in the USSR... P. 210.

⁵⁵ *Pospelovskij D.* A history of Soviet atheism... P. 25.

в матрице российского общества. Поэтому официальные идеологи должны были связать существование упорного религиозного мировоззрения с условиями дореволюционного мира. Объявление религии причиной социальных проблем позволило сформировать новую идеологию после падения имперского государства.

Таким образом, религиозная жизнь верующих стала «козлом отпущения» советской идеологической машины, она стала единственной приемлемой причиной неудачи при перевоспитании народным масс со стороны большевистского государства.

В последующем параграфе будет рассмотрена историческая последовательность мер и политики, которые возникли в результате конкретного однозначного марксистско-ленинского наследия.

1.1.2. Исторические предпосылки гонений в Мелекесской епархии

Говоря о предпосылках гонений в Мелекесской епархии, необходимо сказать о том, что 20 января 1918 г. советское правительство издает декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В основании этого нормативно-правового акта находится утверждение о том, что Церковь и государство отделяются друг от друга⁵⁶. Согласно декрету, наступает время полной религиозной свободы. Но эта свобода была категоричной, так как за нее могли последовать репрессии и гонения. В декрете было два важных пункта: «Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности»⁵⁷. Из них важно отметить, что религия не должна была нарушать права советских граждан,

---

⁵⁶ Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. М.: Политиздат, 1957-1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. / подгот. С. Н. Валк и др. С. 371-374.

⁵⁷ Там же. С. 373.

но не было установлено того, что именно не должна была нарушать религия. Также местная власть в регионах имела полномочия для осуществления контроля над религиозными сообществами. Говоря о репрессиях в Мелекесской епархии, нужно учитывать этот общий контекст времени, так как он определяет агрессивные антицерковные настроения и действия со стороны властей по всей стране.

Необходимо сказать о предпосылках вопроса об истории свободы слова и религиозной толерантности. Это был один из сложных и дискуссионных вопросов в начале XX в. Казалось, что с приходом новой власти отношение к религиозной свободе будет достигнуто. Но оно было осуществлено только формально. Феномен советского антирелигиозного агитпропа наносит огромный ущерб российскому обществу⁵⁸. Гарантии свободы вероисповедания, который обуславливали равенство прав всех граждан вне зависимости от религиозной принадлежности, а также отделение Церкви от государства были узаконены: «Все виды свобод, связанных с религией, подвергались серьёзным испытаниям со стороны тоталитаризма и авторитаризма»⁵⁹.

Но по факту происходила с приходом советской власти насильственная атеизации общества⁶⁰. Хотя исследовательница Е. А. Степанова полагает, что это был более сложный процесс, который затрагивал взаимоотношения между религиозным и светским. Основной аргумент исследовательницы заключается в том, что религиозность строится на логике, которая аналогична советскому мировоззрению, но с претензией «исключительное владение истиной»⁶¹.

В любом случае это показывало отсутствие диалога между государством и Церковью, так как в начале 1920-х гг. начинаются гонения на

---

⁵⁸ *Сосковец Л. И.* Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник ТГУ. 2005. № 288. С. 189-199.

⁵⁹ Там же. С. 156.

⁶⁰ *Узланер Д. А.* Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 66.

⁶¹ *Степанова Е. А.* Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 76.

верующих. В связи с этим вопрос о предпосылках религиозных гонений был обусловлен законом и местной властью в регионах.

В начале 1920-х гг. новая власть только формирует антирелигиозный дискурс. Вопрос о религиозных свободах, в полноте будет отражаться только в начале 1960-х гг. в период в антирелигиозной хрущевской компании. В связи с этим фактом, можно предположить, что предпосылки гонения на религиозные организации в начале 1920-х гг. были связаны с общими тенденциями на глобальные социальные изменения.

Вопрос о свободе совести и вероисповедания был одним из актуальных вопросов для начала XX в. Понятие «свободы совести» требовало все более четкого общественного осмысления и регулярно попадало под пристальное внимание либеральной и церковно-консервативной печати. Первым ключевым событием является 20 февраля 1901 г., когда по решению Святейшего Синода от Церкви был отлучен Л. Толстой, так как он транслировал «лжеучение» и подвергал сомнению церковные догматы⁶². Второе событие произошло в этом же году в г. Орле. Проводилось мероприятие, посвященное съезду православных миссионеров. Руководителем съезда был М. А. Стахович, который разделял либеральные взгляды, в момент своего доклада предлагал провозгласить полную свободу совести и ходатайствовать перед властями об отмене в России уголовных наказаний за отпадение от православия. Эта речь вызывает большое количество общественных дискуссий, так как она транслирует проблему, назревшую в обществе: «первое предвестие о висевшем в воздухе, назревавшем в высших и правительственных сферах вопросе о свободе совести»⁶³. Эти события отражают проблематику, которая назревала в начале XX в.

---

⁶² Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость? полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. М., 2010. № 2. С. 8.

⁶³ Там же. С. 9.

Важными материалами о продолжении проблематики «свободы слова и религиозной толерантности» являются статьи С. П. Мельгунова, который автор публикует в «Русских Ведомостях» (1905-1906 гг.)⁶⁴. Важно отметить, что в 1905 г. был принят закон о «свободе слова», на который автор реагирует как указание на «бумажную веротерпимость»⁶⁵. Для автора основной характеристикой свободы религиозного вероисповедания является отсутствие рамок принудительного характера, а именно полная религиозная независимость от государства: «вторжения светской власти в чуждую ей область религиозных верований»⁶⁶. Мельгунов в этой связи упоминает речь Стаховича⁶⁷, что указывает на продолжение дискуссий о свободе совести в направлении, заданном речью на миссионерском съезде 1901 г.

Говоря о свободе слова в начале XX в. важно отметить, что появляется понятие «безрелигиозность» как один из атрибутов термина. В 1901-1905 гг. понятие свобода совести не коррелируется с отсутствием веры, но постепенно в обществе назревает идея того, что атеизм является необходимой чертой для термина свобода слова. Новая актуализация старой дискуссии происходит с приходом советской власти, которая вводит в закон понятие «безрелигиозности»⁶⁸. Этот «безрелигиозный компонент» закрепляется в момент противостояния между собой политических партий. Он транслируется в революционно настроенных периодических изданиях.

Изменяется понятие «свободы слова» особенно в дискурсе большевизма, развивается новая идеологическая модель формирования государства и новых идей. Все концептуально должно отличаться от имперской России. Эти противопоставления можно проследить в различных

---

⁶⁴ Мельгунов С. П. Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести). Сборник статей. Изд. Т-ва И. Д. Сытина: М., 1905. Вып. 1. С. 4.

⁶⁵ Там же. С. 4

⁶⁶ Там же. С. 26.

⁶⁷ «Напомним известные слова, произнесенные несколько лет назад на орловском миссионерском съезде: «Где нет свободы для слова, свободы для мнения, свободы для сомнения, свободы для исповедания, – там нет места для веры». Там же. С. 26-27.

⁶⁸ Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. М.: Политиздат, 1957-1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. / подгот. С. Н. Валк и др. С. 371-374.

текстах. Например, прекрасной иллюстрацией является сборник статей «Вопросы дня». В статье «Вопрос о свободе совести в партийных программах» большевика З. Антонова говорится о том, что каждый человек в перспективе может полностью сам решать быть ему религиозным или нет: «Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания. Никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются»⁶⁹. Этот тезис сильно отличался от других политических партий. Автор статьи З. Антонов поясняет формулировку: «...не яснее было бы сказать: каждому гражданину обеспечивается свобода веры и неверия? <...> кадеты предпочли растянуть этот тезис, тщательно избегая слова “неверие”. Они скажут, что *implicite* заключается в термине “свобода совести” и в термине “отказ от вероучения”. Но им хорошо известно, что у нас в России содержание термина “свобода совести” далеко не всем понятно и не установилось в том широком смысле, как его следует понимать»⁷⁰. Благодаря этой статье формировался образ большевизма как привлекательной политической программы для многих людей. Избиратели получили благодаря таким формулировкам отделение Церкви от государства⁷¹, возможность религиозной свободы, а также гражданское общество, которое контролировало государство, а не Церковь⁷². З. Антонов уточняет: «Если программа кадетов умалчивает об отделении церкви от государства, это значит, что кадеты готовы оставить в силе многие институты, являющиеся прямым результатом союза государства с церковью»⁷³. Это опасение по поводу претворения в жизнь кадетской программы представляется совсем немаловажным. Ведь в то время, в случае прихода кадетов к власти, высока была вероятность того, что проводимая ими политика была бы «отнюдь не в духе неверия»⁷⁴.

---

⁶⁹ Антонов З. Вопрос о свободе совести в партийных программах // Вопросы дня. М., 1906. С. 230.

⁷⁰ Там же. С. 230.

⁷¹ Там же. С. 233.

⁷² Там же. С. 233.

⁷³ Там же. С. 233.

⁷⁴ Там же. С. 231.

До 1917 года в рамках культурного контекста в общественной дискуссии каждая из концепций свободы слова имела свое место, но после событий февральской революции новое правительство четко определило свободу слова и отделение Церкви от государства. Все это меняет социально-культурные практики в общественной жизни. Трансформирует сознание людей. Для большевиков православие и религиозность становится «пережитком царского режима». Ленинский курс на свободу слова и вероисповеданию сводится к следующему: «Все умственно и нравственно ценное будет на стороне пролетариата...»⁷⁵. Для советской действительности человеческая свобода достигалась через полное отсутствие религиозности. Марксистско-ленинская идеология базировалась на просвещении каждого гражданина. Человек должен был следовать воле партии. В связи с этим любое религиозное начало было неприемлемым. Оно воспринималось как пережиток прошлого.

Последовательная политика по отношению к религиозным организациям в советский период не предполагает никакой религиозной свободы. Должен быть партийный курс мысли у каждого гражданина. Это было общей предпосылкой гонений на верующих на территории СССР и в Симбирской губернии. Важно отметить, что главную роль в общем контексте развития дискуссий о свободе совести играет В. И. Ленин, который, как неоднократно отмечалось в работе, был родом из Симбирской губернии. Антирелигиозные идеи В. И. Ленина получили широкое распространение в периодических изданиях. Эти тексты позднее стали основой идеологии большевизма относительно свободы слова и вероисповедания⁷⁶. Однако важно повторить тезис, который был описан во введении к диссертации, что Мелекесская епархия до революции входила в состав Самарской губернии, а в

---

⁷⁵ Михайлов И. О временном правительстве и о диктатуре пролетариата // Вопросы дня. М., 1906. С. 197.

⁷⁶ См.: Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. М.: Госполитиздат, 1961. С. 12-28.

состав Ульяновской области начинает входить после территориально-административного деления произошедшего в начале 20-х гг.⁷⁷.

Идеологическое направление большевизма находится в статьях В. И. Ленина за 1905-1909 гг. Для него важно с артикулировать идейную борьбу с пережитками, которые ассоциируется у него с царским режимом. Для этого он использует в качестве инструмента литературу: «Выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме»⁷⁸. В статье 1905 г. В. И. Ленин пишет: «Вся социал-демократическая литература должна стать партийной. Все газеты, журналы, издательства и т.д. должны приняться немедленно за реорганизационную работу, за подготовку такого положения, чтобы они входили целиком на тех или иных началах в те или иные партийные организации»⁷⁹. В этом же году, но в другой газете он говорит: «Революционное правительство необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям, во имя которых идет революция, – для устройства революционного народного самоуправления... <...> для проведения тех «свобод», без которых невозможно правильное выражение воли народа... <...> Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия... <...> для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе»⁸⁰. Все это показывает большевистские настроения, которые касались работы с людьми по вопросам религиозной свободы и свободы слова.

В целом для В. И. Ленина понятие свободы существовало только как свобода от царского режима: «всех форм угнетения и эксплуатации человека человеком»⁸¹. Борьба за свободу совести в ленинском ключе являлась

---

⁷⁷ Максим (Однорал), иером. Мелекесская и Чердаклинская епархия // [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2562814.html> (дата обращения: 12.03.2023).

⁷⁸ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 100.

⁷⁹ Там же. С. 105.

⁸⁰ Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство // Полн. собр. соч. Т. 10, июль 1904 – март 1905. С. 339-341.

⁸¹ Ленин В. И. Самодержавие и пролетариат // Указ. соч. С. 126-136.

революционной борьбой с самодержавием. В связи с этим должна была искореняться и религия, так как она функционировала как институция в обществе, которая угнетала людей. Эти тезисы В. И. Ленина находятся в статье, напечатанной в периодическом издании «Социал-демократ». Автор говорит о том, что: «Простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления...<...> В сотый и тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что, только идя за пролетариатом, способны крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков»⁸².

В 1909 г. был опубликован текст, в котором большевики радикально заявляют о полном отделении Церкви от государства: «Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом... Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы»⁸³. Позже текст этой статьи был включен в сборник документов коммунистической партии 1961 г.

22 марта 1917 г. вышло постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В документе было сказано о том, что все граждане свободны от религиозных и сословных предрассудков: «совесть народа не может мириться с ограничениями прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения»⁸⁴.

---

⁸² Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 437-438.

⁸³ Социализм и религия / Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. М.: Госполитиздат, 1961. С. 15.

⁸⁴ См.: Сборник Указов и Постановлений Временного правительства. Вып. 2, ч. 2. Пг., 1918. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5413/> (дата обращения: 20.12.2022).

14 июля 1917 г. постановлением Временного правительства было закреплены действия Церкви и государства в законе «О свободе совести». В нем содержалось утверждение, что «каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести. По сему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры»⁸⁵. Однако как было отмечено в начале параграфа это утверждение не соблюдалось, и было только формальным установлением.

Во-первых, религиозные структуры контролировались местным правительством в регионах. В связи с этим были определенные сложности, так как переход из одного исповедания в другое или признание непринадлежности ни к какой вере требовало письменного сообщения в первом случае «местному судье», во втором – «подлежащему органу самоуправления»⁸⁶. Во-вторых, в связи с этим законом сохранялось отсутствие понимания религиозной свободы и веротерпимости⁸⁷. Представители Временного правительства смогли руководить государством недолго – очередная и главная смена политического руководства произошла в ходе Октябрьской революции 1917 г., по итогам которой утвердилась диктатура пролетариата под предводительством В. И. Ленина, лидера Российской коммунистической партии (большевиков). Первые правовые акты советской власти способствовали кардинальным преобразованиям законодательства в отношении свободы совести.

15 ноября 1917 г. председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным и Народным Комиссаром по делам национальностей И. В. Сталиным была подписана «именем Республики Российской»

---

⁸⁵ См.: Постановление Временного правительства «О свободе совести» (14 (1) июля 1917 г.). [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸⁶ Там же. II. 4-5.

⁸⁷ См.: *Матвиенко В. А.* Формирование представлений о свободе совести: отечественный и зарубежный опыт // Концепт. 2012. № 11. С. 6.

Декларация прав народов России. Она провозглашала «честный и прочный союз народов России», представляя его в виде «одной революционной силы, способной устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии»⁸⁸. Помимо выраженного идеологического посыла в тексте Декларации присутствовал пункт об отмене «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений». СНК также издавал постановления, в частности, предписывающие передать в ведение Народного комиссариата по просвещению все церковные образовательные учреждения⁸⁹, прекратить их государственное финансирование. Также в декабре 1917 г. были приняты декреты, обозначающие место и роль церковных структур в жизни социалистического общества: «О расторжении брака», «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Благодаря этим декретам церковный брак более не имел юридической силы, акты гражданского состояния передавались в руки государственных органов, а гражданскую регистрацию браков и разводов производили ЗАГСы.

Наиболее значимым для исследования термина «свобода совести» является Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Вопрос об издании данного декрета был впервые поставлен в СНК 24 декабря 1917 г. Для разработки декрета была образована специальная комиссия. Подготовленный ею текст декрета, после внесения в него В. И. Лениным ряда поправок и дополнений, был утвержден СНК 2 февраля 1918 г. Декрет провозглашал: 1) установление свободы совести; 2) отделение церкви от государства и школы от церкви; 3) введение светской регистрации актов гражданского состояния; 4) отмену официальных обрядов в государственных учреждениях; 5) замену религиозных клятв и присяг

---

⁸⁸ Декларация прав народов России. Публикация «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 16 (3) ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸⁹ Постановление Комиссариата по народному просвещению о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного Комиссариата по Просвещению. Петроград, 11 декабря 1917 г. // Собр. Узак. 1917. № 9. Ст. 126; Декреты Советской Власти. М., 1957. Т. I. С. 210-211.

торжественным обещанием; 6) прекращение преподавания «религиозных предметов» в учебных заведениях; 7) запрет религиозным обществам владеть собственностью и иметь права юридического лица; 8) передачу государству всего имущества религиозных обществ; 9) предоставление религиозным организациям зданий для общественных богослужений «лишь с разрешения представителей по заведыванию религиозным имуществом»⁹⁰.

Этим декретом изменялось положение Русской Православной церкви, так как начиная с января 1918 г. началась реализация Декрета путем конфискации церковного имущества. В конце января было реквизировано здание Синода, а 16 февраля 1918 г. Московская синодальная типография переходила в государственную собственность. Для советской власти было важно учредить контроль над церковной типографией, церковной периодической печатью, так как это ограничивало Церковь по печатному информированию верующих, а также это являлось физическим уничтожением религиозной периодической печати, но для антирелигиозной работы это было важным инструментом для установления молчания⁹¹. Следующий шаг был направлен на конфискацию церковного имущества. В тексте были указания «инструкции по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 г.», которую Наркомюст выпустил 24 августа 1918 г. Согласно этому документу, всё церковное имущество и капиталы должны были быть изъяты местными советами в течение 2-х месяцев⁹².

Важно отметить, что были сформированы правовые документы V отдела Наркомюста РСФСР. В них рассматривается понятие свободы церкви как свободу религиозного действия, которая выражается в принципе свободы совести, закрепленном ст. 5 Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г.⁹³ Для разъяснения

---

⁹⁰ Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви // [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <https://drevo-info.ru/articles/15402.html> (дата обращения: 28.11.2023).

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР. М., 1924. С. 6.

свободы исповедания используется циркуляр НКВД № 123037 от 28 февраля 1919 г. В соответствии с документом, каждый гражданин вне зависимости от пола «получают право исповедывать, по своему убеждению, любую религию, поскольку религиозные действия не сопровождаются контрреволюционными и уголовно-наказуемыми деяниями»⁹⁴. НКВД № 123037 от 28 февраля 1919 г. обеспечивал верующим «полную возможность свободно исповедывать свои религиозные взгляды и проявлять их... не испытывая гонений и не цепляясь за подачки и за поддержку государственной власти»⁹⁵. Но именно в этот период начинаются гонения по всей России, а также формируются различные распоряжения, которые нарушают «свободу совести граждан». Например, документ «О ликвидации мощей», выдвинутый Наркомюстом в 1920 г.⁹⁶, является агрессивной формой антирелигиозной кампании в советской России. В тексте говорится следующее: «... произведено 58 вскрытий так называемых “нетленных” мощей. Вскрытия эти ... раскрыли целый ряд мошеннических действий, при помощи коих служители культа обманывали народные массы... <...> Эти золоченые гробницы с предполагаемыми в них нетленными телами старым правящим классам были необходимы как аппарат одурманивания, на религиозной почве, темных гипнотизируемых масс... <...> Революционное сознание трудящихся масс протестует...»⁹⁷. Все действие со стороны властей трактуется как ликвидация суеверий и предрассудков, а не как оскорбление чувств верующих. Народный Комиссариат Юстиции предлагал к исполнению следующие пункты: «1) Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности... <...> 2) Ликвидация названного культа мертвых тел, кукол и т. п. осуществляется путем передачи их в музеи. 3) Во всех

---

⁹⁴ Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР. М., 1924. С. 6.

⁹⁵ Там же. С. 7.

⁹⁶ Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. М.: Госполитиздат, 1961. С. 53-58.

⁹⁷ Там же. С. 53-56.

случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификации и иных уголовных деяний... <...> отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия поручается следователям по важнейшим делам при отделах юстиции или Народном Комиссариате Юстиции и само дело разбирается при условиях широкой гласности»⁹⁸.

Важно отметить, что задача новой власти была сформировать замену ценностей у граждан. Это касалось подмены традиционных или духовно-религиозных на марксистско-ленинские или научно-материалистические взгляды и ценности. Получается, что в этот период пропагандируют религиозную свободу, но в тот же момент начинают гонения на Церковь и верующих в каждом регионе страны, уничтожают и изымают церковную собственность, мощи, религиозные предметы и т.д. Резолюция XII Съезда РКП(б) от 23 апреля 1923 г. объясняет, что в стране происходит деятельность по уничтожению религиозности: «работой партии по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах»⁹⁹. Также в документе отмечается, что «издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа не ускоряют, а замедляют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»¹⁰⁰. Последний факт направляет идеологов-разработчиков на курс «расширения партийного влияния», в чем, по всей видимости, усматривается усиление воздействия упомянутого ранее нами «идеологического вектора», но уже более форсированное, учитывающее все «ошибки» организации антирелигиозной пропаганды и изменяющее ее формы и методы в следующие десятилетия советского режима.

Важно отметить, еще один документ, который отражается репрессивную политику по отношению к религиозным организациям Циркуляр НКЮ от 3 января 1919 г. В документе содержится предписание о

---

⁹⁸ Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. М.: Госполитиздат, 1961. С. 56-57.

⁹⁹ Там же. С. 73.

¹⁰⁰ Там же.

борьбе с «религиозными предрассудками и темнотой народных суеверий» не «карами и репрессиями», а также «абсолютное запрещение в храмах какой бы то ни было проповеди на чисто-религиозные темы»¹⁰¹. Для новой власти важно выстроить и сделать «хорошей школой, пропагандой коммунизма и организацией хозяйства на коммунистических началах»¹⁰².

Но все же не смотря на агрессивную репрессивную политику в адрес религиозных учреждений, согласно инструкция НКЮ РСФСР и НКВД РСФСР по вопросам отделения церкви от государства от 19 июня 1923 г. допускает произнесение проповедей исключительно религиозного характера без цензуры, разрешает функционирование молитвенных собраний и отправлений культа в предназначенных для этого помещениях¹⁰³. Религиозные обряды можно было совершать «лишь с письменного разрешения власти»¹⁰⁴, полученного заблаговременно; при этом разрешение на совершение религиозных церемоний в каждом конкретном случае зависит от «усмотрений и оценки» местных органов советской власти (совдепа)¹⁰⁵.

Острым стоял вопрос о мощах, так как наркомюст регламентировал порядок вскрытия мощей: «Никакого разрешения от центральных властей на вскрытие мощей не требуется... <...> при вскрытии должны непременно присутствовать врачи, которые и составят за своими подписями особый акт медицинского освидетельствования всего содержимого в раке... <...> Под актом осмотра мощей подписи служащих культов крайне важны. Было бы также полезно пригласить на вскрытие мощей оператора с кинематографическим аппаратом и самый процесс вскрытия запечатлеть»¹⁰⁶. Это все отражает желание властей устроить образ мышления людей и их действия под определенным лад, который им казался верным. Для советской

---

¹⁰¹ Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР. М., 1924. С. 7.

¹⁰² Там же. С. 7.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 14-15.

¹⁰⁶ Там же. С. 27-28.

власти было важно перекрыть общественный строй, разрушить религиозную жизнь полностью, поэтому осуществляется борьба и террор против Церкви и верующих.

Однако важно отметить, что Церковь боролась за свои права. Первым церковным иерархом, который выражает свое несогласие с опубликованным 31 декабря 1917 г. в газете «Дело народа» проектом Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», был митрополит Вениамин Петроградский. 10 января 1918 г. он пишет открытое письмо в Совнарком. В содержании письма отсутствовала критика власти и агрессия. Но митрополит Вениамин Петроградский выражает обеспокоенность о верующих: «Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу. Вполне естественно, как только православные жители Петрограда узнали об этом, стали сильно волноваться. Волнения могут принять силу стихийных движений... <...> ...и привести к тяжелым последствиям... <...> Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого декрета об отобрании церковного достояния»¹⁰⁷.

Это письмо прокомментировал В.И. Ленин немедленной резолюцией: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства»¹⁰⁸. Следующим этапом развития церковного дискурса в этом направлении можно считать «Соборное постановление по поводу декрета совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства», которое Священный Собор издал 25 января 1918 г. Оно гласило: «1. Изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против неё гонения. 2. Всякое участие как в издании

---

¹⁰⁷ Дамаскин (Орловский), иг. Священномученик Вениамин (Казанский)... [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=81347> (дата обращения: 28.11.2023).

¹⁰⁸ Там же.

сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви...»¹⁰⁹.

Св. Патриарх Тихон призвал русский народ противостоять советской безбожной власти. Он обращается с текстом, который обличает советскую власть «с анафемой безбожникам», так как свобода слова становится репрессивной кампанией против церкви и верующих. Первоиерарх Русской православной церкви прямо указывал на это: «Гонение жесточайшее воздвигнуто и на святую Церковь Христову... <...> святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных... <...> или ограблению и кощунственному оскорблению... <...> Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... <...> И, наконец, власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми...»¹¹⁰.

Антиправительственные выступления верующих происходили во многих областях страны. В Симбирской губернии в начале 20-х гг. происходил обновленческий раскол. В 1924 г. в область был направлен епископ Герман (Коккель). Он смог возобладать над положением дел с помощью уговоров. Но уже к 1925 г. в епархии происходит новый раскол – Григорианский. У его истоков был архиепископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий (Яцковский), который оказывал огромное влияние на местное духовенство. В начале 30-х гг. все церкви в Ульяновской епархии были Григорианскими¹¹¹.

---

¹⁰⁹ Соборное постановление по поводу декрета совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства// Церковные Ведомости. 1918., № 3-4 (31 января), С. 20-22.

¹¹⁰ Послание Святейшаго Тихона, Патриарха всея России. / Журнал «Богословский Вестник», изд. Московская Духовная Академия. Сергиев Посад: «Типография И. И. Иванова». 1918. Том I. Январь-Февраль. С. 74-76.

¹¹¹ См. подробнее: *Скала А., прот.* Церковь в узах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917-1991 годы). Ульяновск, 2007. 968 с.; Он же. Святые, в земле Симбирской просиявшие. Ульяновск, 2009. 240 с.

Эти факты отражают радикальные религиозные изменения в регионе. Город Мелекес в 30-х гг. становится ульяновским епархиальным центром, так как сохраняет приверженность сергианскому церковному укладу. Но уже в 1933 г. у епархии не остается правящих архиереев: «Епископ Митрофан был арестован, а его викарий епископ Мелекесский Амвросий скончался». Поскольку храмов в Ульяновске у «сергиевской» епархии не было, митрополит Сергей назначил управляющим Ульяновской епархией епископа Мелекесского, которым стал епископ Пугачевский Серафим (Зборовский). В 1933 году его перемещают в Чувашию, а в Мелекес епископом Ульяновским назначают преосвященного Стефана (Знамировского). На заявление владыки Стефана с просьбой его регистрации власти отвечать отказом не стали. Он получил следующий ответ: «Знамировский Стефан зарегистрирован в Ульяновском городском совете как управляющий Ульяновской епархией, допущен к исполнению этой должности с местом постоянного жительства в г. Ульяновске без права личного совершения церковных служб и обрядов». Учитывая отсутствие в Ульяновске храмов Патриаршей Церкви и невозможность посещать Мелекес, подобная регистрация была просто фикцией. Архиерея лишили возможности служить и рукополагать новых священнослужителей, которых с каждым днем становилось все меньше. Разумеется, такое положение дел было недопустимо. Об этом епископ Стефан незамедлительно доложил в Патриархию, а в октябре уже был переведен в Вологду. До 1934 года временное управление епархией было передано Чувашскому преосвященному Серафиму (Зборовскому)¹¹². Отсутствие архиереев делает епархию беззащитной и уязвимой для репрессий. Но также сами иерархи оказываются в тяжелом положении, так как их тоже репрессируют и убивают¹¹³. Например, епископ Ульяновский и Мелекесский

---

¹¹² См. подробнее: *Косых И. Н., Ястребов В. В.* Бог есть любовь: Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии. 1832-2016 годы. Ульяновск, 2016. 204 с.

¹¹³ См. подробнее: *Скала А., прот.* Церковь в узах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917-1991 годы). Ульяновск, 2007.; Он же. Святые, в земле Симбирской просиявшие. Ульяновск, 2009.

Владимир (Горьковский) руководил работой епархии с 1935 г., но чуть позже его обвинят в шпионской деятельности, и в 1938 г. расстреляют.

Архиереи потеряли свои политические права с 1920 года. Уже к концу 1924 г. каждый архиерей прибывает в ссылку. Все развивается очень быстро и агрессивно. Исследователи А. Л. Худобородов и М. А. Яшина пишут, что активные репрессии на мирян начинаются с 1930-х гг., но «часто тот, кто подвергся репрессиям в конце 20-х-начале 30-х годов, снова был гоним уже в 1937 г., а многие уже были взяты “на заметку” органами в 1921-1922 гг. в период активного противодействия обновленцам, когда составлялись списки заведомо “неблагонадежного” духовенства»¹¹⁴. Форма религиозных репрессий была похожа на политические гонения, так как людей уничтожали за инакомыслие, хотя в стране была свобода слова и вероисповедания¹¹⁵.

Важно отметить, деятельность Патриарха Тихона, который пытается в начале 20-х гг. вступить за Церковь и защитить ее от гонений. Весной 1918 г. была организована Делегация Высшего церковного управления с целью защиты имущественных и прочих прав Православной Церкви. В 1919 г. в документах зафиксированы разные взгляды в правительстве насчет свободы совести в России:

- Письмо в СНК о недопустимости освидетельствования мощей преподобного Сергия (март 1919 г.), в котором Патриарх Тихон апеллирует к тексту вышеупомянутого Декрета: «Производимое ныне органами Советской Власти освидетельствование святых мощей... <...> является актом, противоречащим объявленной декретом Советской Власти свободы религиозной совести»¹¹⁶.

---

¹¹⁴ Худобородов А. Л., Яшина М. А. Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. 2011. №30. С. 63.

¹¹⁵ См. подробнее: Губкин О. Русская Православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. СПб., 2006.; Мельгунов С. П. Красный террор в России. (1918-1923 гг.) М.: РИЦО; Р. S., 1990. 203 с.; Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах урала : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. - Екатеринбург, 2006.

¹¹⁶ Письмо Патриарха Тихона в СНК о недопустимости освидетельствования мощей преподобного Сергия // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального отдела ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. Разд. II. С. 534-535.

•Заявление председателю СНК В.И. Ленину о предполагаемом изъятии мощей преподобного Сергия 24 марта 1920 г. Святейший Патриарх Тихон задает в нем ряд вопросов, формулировки которых также отражают проблему свободы совести: «Для чего это новое оскорбление веры... <...> Для чего после неоднократного заявления власти о свободе веры народа и о свободном удовлетворении его религиозных нужд... <...> я во имя объявленного права народа на веру в свободу полной веры, во имя блага народа и для успокоения верующих... <...> убедительно прошу Вас, г. Председатель, сделать непосредственное от себя распоряжение о приостановлении изъятия останков Преподобного Сергия»¹¹⁷.

•От Патриарха Тихона к председателю СНК В. И. Ленину было написано письмо о несоблюдении закона о свободе совести от 9 августа 1920 г. Автор аргументирует свою позицию на основании законов, четко обозначено несоответствие законов и действий со стороны властей по отношению к религиозным организациям. Св. Патриарх пишет: «Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа. И ныне во имя попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власть имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: “Какое дело государству (особенно атеистическому) до Церкви”. Постановлением VI Всероссийского Съезда Советов от 8 ноября 1918 года... <...> постановлением Совета Обороны от 8 декабря... <...> и письмом Ленина к рабочим (урок третий см. Известия ВЦИК от 28 августа 1919 г. № 190) под страхом строгой ответственности вменяется всем в обязанность точное соблюдение изданных советской властью законов Р.С.Ф.С.Р. и изданных центральной властью постановлений... декрет об отделении Церкви не только запрещает “издавать какие либо законы и постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести” (п. 2), но даже обеспечивает “свободное исполнение

---

¹¹⁷ Заявление Патриарха Тихона Председателю СНК В. И. Ленину о предполагаемом изъятии мощей преподобного Сергия // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального отдела ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. Разд. II. С. 587-588.

религиозных обрядов, поскольку они не нарушают порядка” (п. 5)... <...> Если допустить возможность гонений на религиозный культ в РСФСР, то как же можно это согласить с Конституцией (ст. 21) предоставляющей в России, “право убежища за религиозные преступления”»¹¹⁸. Святейший Патриарх Тихон апеллирует к юридическим формулировкам, так как его задачей является отразить несоответствие законов и действий со стороны властей.

В связи с написанным выше, можно сказать о том, что это были обще религиозные предпосылки для гонений верующих в СССР. Но как было отмечено, что «местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности»¹¹⁹, поэтому на местах местная власть могла находить разные вариации по взаимодействию с верующими. На примере Симбирской губернии, можно сказать, что местная власть активно занимается репрессией верующего населения различных конфессий согласно с политикой партии и законом о «свободе совести»¹²⁰.

В связи с гонениями на Церковь есть важный элемент управления людьми и трансформации их мировоззрения. Советская власть, начинает делать территориальные изменения, так как люди кооперировались поднимали бунты и боролись за свой прежний устоявшийся уклад жизни: «В марте-апреле 1919 г. на территории губернии прошли крестьянские волнения, названные “Чапанная война”. 27 мая 1920 года, в связи с образованием Татарская АССР и Чувашской автономной области, из состава губернии был исключен Буинский уезд, а из Спасского уезда ТАССР к Мелекесскому уезду Симбирской губернии были переданы ряд волостей: Жедяевский,

---

¹¹⁸ Письмо Патриарха Тихона к Председателю СНК В. И. Ленину о несоблюдении закона о свободе совести // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального отдела ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. Разд. II. С. 601-602.

¹¹⁹ Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. М.: Политиздат, 1957-1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. / подгот. С. Н. Валк и др. С. 373.

¹²⁰ *Максачева А. Е., Тихонова А. Ю.* Антирелигиозная пропаганда в Симбирско-Ульяновском крае в 1917-1930-е гг. // Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ульяновск, 2022. С.139-140.

Матвеевский, Юрткульский»¹²¹. Каждый уезд был передан под управление в новой администрации. Это позволяло улучшить контроль людей местной администрацией. Так же изменение территориального деления в губернии во многом было связано с тем, что властям было важно артикулировать населению, что новая власть перестраивает полностью страну, тем самым меняя физическое представление о мироустройстве. Все это также тесно связано с религиозностью региона¹²². Симбирская губерния была многонациональным регионом. У каждого из народов была своя вера, которая создавала религиозный плюрализм региона¹²³. Местная власть активно работала с атеистической пропагандой среди верующих, а также регулярно устраивала рейды по изъятию церковного имущества, земель, а также периодически убивая священнослужителей на местах¹²⁴.

Быт человека в земледельческом регионе был погружен в традиционный ритм, связанный с религией, верой и обрядовостью. В связи этим Н. Л. Лопатина говорит следующий тезис: «Советская власть провозгласила культурную революцию как необходимое условие для построения социализма. Идеолог культурной революции Ленин поставил задачу – формирование нового человека на основе новых социокультурных ценностей. Для этого требовалось истребить «пережитки прошлого», в том числе религию, и утвердить революционную и интернациональную культуру. Особое внимание Ленин уделял деревне, считая крестьян консервативными и закостенелыми в традициях членами общества»¹²⁵. Мелекесская епархия представляла собой преимущественно небольшие деревни и города, поэтому

---

¹²¹ Список населенных мест Ульяновской губ. / [Ульян. губ. план. комис.]. Ульяновск, 1924. [2], XX. С. 6.

¹²² См. подробнее: Раннесоветское общество как социальный проект, (1917-1930-е гг.): монография: в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт.; под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

¹²³ См. подробнее: Кобзев А. В. Институты мусульманской общины Симбирского-Ульяновского Поволжья в 1920-1930-е гг. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(4). С. 959-984; Максачева А. Е., Тихонова А. Ю. Антирелигиозная пропаганда в Симбирско-Ульяновском крае в 1917-1930-е гг. // Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ульяновск, 2022. С.139-146.

¹²⁴ Леонов С. В. Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2016. Вып. 6 (73). С. 84.

¹²⁵ Лопатина Н. Л. Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. // Идеи и идеалы. 2018. № 4, т. 1. С. 51.

жители этого региона находились в приоритете по борьбе с «религиозными предрассудками». Религия противоречила коммунистическим представлениям советской власти, так как было важно воспитывать в людях иного атеистического человека.

Таким образом, можно сказать, что предпосылки гонений в Мелекесской епархии были обусловлены трансформацией религиозного ориентира в регионе, законодательством советской власти, а также самоуправством местных властей, которые формировали агрессивное поведение по отношению к священнослужителям и верующим. В этот период российская общественность 20-х гг. XX в. находилась в процессе обсуждения текущего законодательства о свободе вероисповедания. Церковь пытается отстаивать свою право в рамках закона «О свободе совести» учрежденной советской властью. Но кардинально антирелигиозная политика власти не меняется, и наоборот становится жесткой и тоталитарной. В связи с этим, Церковь и верующие переживают в Мелекесской епархии сложное время религиозных гонений, фактически меняется территориально-административное деление в регионе, происходит много церковных перемен (григорианство), уничтожаются церковные иерархи, что подрывает руководство в епархии.

1.2. Состояние церковной жизни и антирелигиозная политика большевизма на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) в 1930-е годы

К 1929 году на территории нынешней Ульяновской области действовали три епархии разных течений Российского православия, которые управлялись в Ульяновске тремя архиереями. Патриаршую Церковь

возглавлял архиепископ Ульяновский Иоаким (Благовидов) (1860-1930 гг.)¹²⁶. Владыкой Иоакимом управлялось приблизительно 30% из имевшихся на то время на территории Ульяновского округа Средне-Волжской области¹²⁷ чуть более шестиста приходов.

Ульяновский Епархиальный Совет («григорианцы»), возглавляемый «архиепископом» Иоанникием (Соколовским) (1889-1938 гг.), контролировал около 60% православных приходов. Данная ситуация сложилась в результате деятельности епископа Виссариона (Зорнина Василия Павловича) (1878-1937 гг.). В 1924 году он был назначен Патриархом Тихоном правящим архиереем в Ульяновскую епархию. С его появлением начался массовый выход приходов из подчинения обновленческого «архиепископа» Иоанна (Никольского) (1864-1937 гг.). Однако в конце 1925 года епископ Виссарион, а также епископ Иоанникий (Соколовский), который в 1928 году заменит епископа Виссариона на посту правящего архиерея, а также архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский) (1866-1932 гг.) и еще 8 архиереев создают Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), который, по замыслу группы иерархов, должен был управлять Церковью до времени избрания Патриарха, либо до тех пор, пока не вступит в свои права Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) (1862-1937 гг.), арестованный в конце декабря 1925 года¹²⁸. К тому же принявшему на себя обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому) (1867-1944 гг.) решением ГПУ было запрещено покидать г. Нижний Новгород, вследствие чего он не мог прибыть в Москву и начать свою деятельность в роли главы Российского

---

¹²⁶ Акты Святейшего Тихона. С. 951.

¹²⁷ В 1928 году Ульяновская губерния была упразднена. Вместе с Самарской, Пензенской и Оренбургской губерниями она вошла в состав новообразованной Средне-Волжской области с административным центром в Самаре. Эта область включала в себя 9 округов (Мордовский, Самарский, Бугурусланский, Бузулукский, Пензенский, Сызранский, Оренбургский, Кузнецкий и Ульяновский) (См.: Мухамедов Р. А., Вильчик А. А. Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 106). Сызрань в качестве центра самостоятельного административного округа не подчинялась Ульяновскому епископу, а Мелекесс, ранее входивший в состав Самарской губернии, стал викариатством Ульяновской епархии.

¹²⁸ Акты Святейшего Тихона. С. 423-426.

Православия. ВВЦС получил регистрацию 2 января 1926 года – так появилось новое раскольническое течение в Российской Православии, названное «григорианским». Епископ Виссарион входил в Совет девяти архиереев ВВЦС (епископ Иоанникий в Совет не вошел), и уже как «григорианский» епископ возвращается в Ульяновскую епархию к исполнению своих обязанностей. Более того, он получил благословление от митрополита Петра (Полянского). Только спустя некоторое время, когда митрополит Сергей в своем письме объяснит митрополиту Петру обстоятельства возникновения ВВЦС, последний будет лишен каких-либо канонических прав, а в отношении организаторов ВВЦС будет установлен запрет в священнослужении. Тем не менее, епископ Виссарион прибывает в Ульяновск как «законный» глава епархии, поскольку был назначен на кафедру Патриархом Тихоном, и подтверждено это было каноническим его преемником митрополитом Петром. И даже после того, как ВВЦС окажется вне закона с точки зрения канонов Церкви, эти два назначения послужат объединению вокруг возглавляемого епископом Виссарионом Епархиального Управления большинства приходов староцерковного течения на многие годы. В дальнейшем епископ Виссарион раскается в своем участии в организации ВВЦС, о чем напишет в письме митрополиту Сергию 14 марта 1926 года, и получит прощение. Снова став архиереем староцерковного патриаршего течения, он продолжит плодотворную работу по объединению приходов. Однако спустя почти год, 16 февраля 1927 года, он снова вернулся в григорианский ВВЦС. Более того, на съезде духовенства и мирян в г. Карсуне 23 марта 1927 года он был избран архиепископом Ульяновским и Карсунским, также было принято решение о переходе всей староцерковной епархии в юрисдикцию григорианского ВВЦС. В результате между приходами и верующими староцерковной ориентации произошло разделение – одни поддерживали епископа Виссариона, а другие – епископа Иоакима (Благовидова) (в сентябре 1927 года назначен епископом Ульяновским) и архиепископа Александра (Трапицына), которые признавали единственной канонической властью власть митрополита Сергия и назначенных

им епископов. Впоследствии архиепископ Виссарион (Зорин) откажется от управления «григорианской» Ульяновской епархией, возглавит ВВЦС и станет митрополитом Московским и Ярославским. Таким образом, к концу 1920-х годов под влиянием «григорианского» ВВЦС находилось около 60% православных приходов Ульяновской епархии.

Итак, в конце 1929 года «архиепископ»-григорианец Иоанникий (Соколовский) в документах уже ставит свою подпись как митрополит. Таким образом, в Ульяновске (Симбирске) появился второй за всю историю кафедры правящий архипастырь в сане «митрополита» (первым был управлявший епархией в 1923 году Тихон (Василевский) (1867-1926 гг.)).

В июне 1933 года ставленник ВВЦС «митрополит» Иоанникий (Соколовский) ушел на покой¹²⁹. На его место в августе 1933 года в Ульяновск прибыл епископ Иоасаф (в миру Иосиф Федорович Борисов) (1892-? гг.). Епископ Иоасаф пытался объединить все «григорианские» приходы епархии. И это ему отчасти удалось, поскольку бывший управляющий «митрополит» Иоанникий ранее часто отлучался из Ульяновска, и многие проблемы оставались нерешенными.

8 июня 1934 года в Ульяновске епископ Иоасаф (Борисов) был арестован. Его обвинили в проведении «антисоветской агитации» и приговорили к пяти годам лишения свободы. Точных сведений о дальнейшей судьбе нет¹³⁰. Вместо епископа Иоасафа в Ульяновск был назначен новый архиерей – епископ Феодосий (в миру Борисов - Григорович Петр Георгиевич) (1900-? гг.)¹³¹. Этот епископ развернул активную деятельность по укреплению своих позиций в Ульяновской епархии. Он посещал приходы в недалеком расстоянии от города, часто служил, говорил проповеди, наладил деятельность Епархиального Совета¹³².

---

¹²⁹ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 492.

¹³⁰ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 24.

¹³¹ Акты Святейшего Тихона. С. 951.

¹³² Косых И. Н., Ястребов В. В. Бог есть любовь: Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии. 1832-2016 годы. Ульяновск, 2016. С. 127.

В 1936 году на Ульяновскую кафедру неожиданно вновь прибыл находившийся до того времени на покое «митрополит» Иоанникий (Соколовский). Но официального назначения в Ульяновск от ВВЦС он не имел. Поэтому в городе были назначенный еще в 1934 году и ставший к описываемому времени уже «архиепископом» архиерей Феодосий (Борисов-Григорович) и «митрополит» Иоанникий. Причем второй «архиепископ» также планировал управлять епархией. Сферы влияния были разделены следующим образом: «митрополит» управлял епархией, «архиепископ» становился председателем Епархиального совета¹³³.

Епархиальным Управлением обновленцев (ВЦС) еще с 1924 года руководил архиепископ Иоанн (Никольский) (1864-1938 гг.). В составе обновленческой епархии было не более 10% всех имевшихся в то время на территории нынешней Ульяновской епархии православных приходов.

В епархии ульяновских «сергиевцев» 29 октября 1930 года управлять патриаршими приходами Ульяновской епархии стал епископ Алатырский Митрофан (Гринев) (1873-1938 гг.)¹³⁴, поскольку 18 октября 1930 года на семьдесят первом году жизни скончался архиепископ Ульяновский Иоаким (Благовидов) (1860-1930 гг.). Архиепископ Иоаким много сил отдал в противостоянии «обновленцам» и «григорианцам»¹³⁵.

В 1931 году все храмы «сергиевцев» в Ульяновске были закрыты, епископ Митрофан (Гринев) более не имел места служения в своем епархиальном граде. В дальнейшем это стало основной причиной распространения влияния ВВЦС в правобережной части епархии - в следующем 1932 году кафедра Ульяновского епарха «тихоновского» течения переместится в Мелекесс, второй кафедральный город епархии. С этих пор Мелекесс фактически становится центром Ульяновской епархии. Именно

---

¹³³ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 548.

¹³⁴ Акты Святейшего Тихона. С. 951.

¹³⁵ Подробнее о жизни и деятельности архиепископа Ульяновского Иоакима (Благовидова) см.: Макаров Д. В., Казюханов А. В. Архиепископ Иоаким (Благовидов): один против всех. // Симбирский центр православной культуры. 02.08.2016. Ульяновск. 2016. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://sepk.cerkov.ru/2016/08/02/arxiepiskop-ioakim-blagovidov-odin-protiv-vsex/> (дата обращения: 10.03.2017).

поэтому в левобережной части округа абсолютное большинство приходов будут принадлежать именно этому, истинному течению Российского Православия, а в правобережье будут доминировать григорианцы.

Следует отметить, что город Мелекес (с 1972 года - Димитровград) до 1926 года входил в состав Ставропольского уезда Самарской губернии, а 6 января 1926 года Мелекесский уезд вошел в состав Ульяновской губернии. В результате нового административно-территориального деления 1928 года Мелекес стал районным центром, а Мелекесский район вошел в состав Ульяновского округа. Летом 1928 года Указом Патриаршего Синода епископ Мелекесский стал викарием Ульяновской епархии. И Мелекесская кафедра, образованная в 1923 году, теперь стала подчиняться епископу Иоакиму (Благовидову)¹³⁶.

В 1932 году епископа Митрофана арестовали, а его викарий епископ Мелекесский Амвросий (1860-1933 гг.) скончался. Так, епархия лишилась двух архиереев.

Поскольку Ульяновск не имел храма «сергиевского» течения, а в Мелекесе такой храм был, то именно сюда и был назначен епископом Мелекесским Серафим (Зборовский) (1895-1937 гг.), который ранее был викарием Саратовской епархии. Теперь он имел право управлять всей Ульяновской епархией¹³⁷.

Однако в 1933 году в управлении епархией продолжились изменения. Епископ Мелекесский Серафим (Зборовский), управлявший патриаршими приходами, был назначен управлять Чувашско-Чебоксарской епархией и Алатырским викариатством Ульяновской епархии. На его место в июне 1933 года был назначен епископ Стефан (Знамировский) (1879-1937 гг.)¹³⁸.

---

¹³⁶ В результате нового районирования Мелекесский уезд был упразднен и разделен на несколько районов: Мелекесский (1928 г.), Новомалыклинский (1935 г.), Старомайский (1928 г.), Чердаклинский (1928 г.). Эти районы, а также правобережные Тереньгульский (1935 г.) и Сенгилеевский (1928 г.) районы впоследствии определяют административные границы Мелекесской епархии в составе Симбирской митрополии (2012 г.).

¹³⁷ Акты Святейшего Тихона. С. 951.

¹³⁸ Епископ Стефан (в миру Николай Иванович) родился в 1879 году. В 1904 году окончил Казанскую духовную академию и до 1919 года был инспектором и преподавателем Пермской духовной семинарии. Затем служил приходским священником. В 1924 году рукоположен во епископа (Шадринского), викария

Но епископ Стефан недолго управлял Ульяновской епархией. Спустя несколько месяцев в октябре 1932 года он направляется в Вологду. И управление епархией на два года снова возлагается на епископа Чувашского и Чебоксарского Серафима (Зборовского).

27 апреля 1934 года члены Патриаршего Священного Синода и иерархи Русской Православной Церкви Московского Патриархата подписали акт о новом титуловании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Горьковского Сергия¹³⁹, согласно которому он был возведен с титулом митрополита на патриаршую (Московскую) кафедру. Более того, несмотря на то что во главе Русского Православия продолжал оставаться Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский), находившийся в заключении, фактически этот акт признавал митрополита Сергия Предстоятелем всей Церкви¹⁴⁰.

Акт о титуловании подписали одиннадцать иерархов, и еще тринадцать архиереев прислали свое согласие на присоединение своих подписей к акту. Однако важно то, что среди подписавших акт и присоединившихся к ним архиереев имени Ульяновского архипастыря нет¹⁴¹. Епископа с таким титулом просто не существовало. В Ульяновске не было даже Епархиального Совета «патриаршей» ориентации.

Положение иерархического безвластия в епархии, где, доминировали григорианцы и обновленцы, не устраивало никого, и в первую очередь Московскую Патриархию. Но и сама обстановка в Ульяновске не способствовала улучшению положения храмов «Тихоновской» ориентации.

Свердловской епархии. С 1925 года был епископом Пермским, где вел борьбу с обновленческим расколом. 16.09.1927 г. назначен епископом Калужским. После опубликования Декларации митрополита Сергия отделился от него и попал под запрещение в священнослужении. 24.04.1929 г. назначен епископом Вятским. 13.02.1933 г. был назначен епископом Мелекесским, управляющим Ульяновской епархией. Он был расстрелян в 1937 году.

¹³⁹ Акты Святейшего Тихона. С. 704.

¹⁴⁰ Лишь 27 декабря 1936 г. в Москве Священным Синодом составляется «акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию». А 12 сентября 1943 г., по избранию собора 19 епископов (весь наличный состав иерархии того времени), он становится Святейшим Патриархом Московским и всея Руси (См.: Акты Святейшего Тихона. С. 832).

¹⁴¹ См.: Акты Святейшего Тихона. С. 702-703.

Фактическое отсутствие церквей в самом городе, запрещение архиерею совершать богослужения, переход массы сельских приходов, сохранивших верность истинной Церкви, в юрисдикцию архиереев «сергиевского» течения в соседних с Ульяновской епархиях¹⁴² — все это усугубляло тяжелую ситуацию. Именно поэтому попытки вновь наладить епархиальную жизнь со стороны митрополита Сергия опять не увенчались успехом. И указом от 14 февраля 1934 года митрополит Сергей направляет в Ульяновск управлять епархией епископа Артемона (Евстратова) (1889-1937 гг.)¹⁴³.

Но спустя полгода епископа Артемона уже переводят в Уфимскую епархию, где он служит с титулом «Мелекесский», номинально продолжая числиться епископом Ульяновской епархии. Сведений о том, что этот архиерей находился и служил в Мелекесе, нет. Епархия продолжала оставаться без епископской власти.

Изменения также затронули Сызранскую кафедру, временно ответственную за управление частью приходов Ульяновской епархии. 26 июня 1934 года был уволен на покой семидесятилетний епископ Сызранский Фостирий (Максимовский). Его задержат в декабре 1937 года, обвинив в попытке взорвать мост. В январе 1938 года, во время транспортировки заключенных из Ветлужской тюрьмы в город Варнавин, он погиб от обморожения¹⁴⁴.

Вместо ушедшего на покой епископа Фостирия в Сызрань прибыл епископ Петр (Федор Степанович Гасилов) (1869-1938 гг.). Он будет активно управлять значительной частью патриарших приходов правобережной части Ульяновской епархии. Именно поэтому его архипастырская деятельность может рассматриваться также и как служение архиерея Ульяновской епархии.

---

¹⁴² Так, например, в связи с отсутствием в Ульяновске правящего архиерея в 1932 году от патриаршей Церкви, многие находившиеся в непосредственной близости от Сызрани православные «сергиевские» приходы Ульяновской епархии перешли под окормление Сызранского vicария Самарской епархии.

¹⁴³ Епископ Артемон (Евстратов) продолжал числиться Мелекесским до 30.09.1935 года, когда был назначен епископом Елецким, vicарием Орловской епархии. С декабря 1935 года – епископ Курский и Обоянский. С 1937 года епархиями не управлял, и дальнейшая судьба его не известна.

¹⁴⁴ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 528.

30 сентября 1935 года епископом Мелекесским, управляющим Ульяновской епархией, стал вернувшийся из ссылки бывший Свердловский архипастырь епископ Аркадий (Ершов) (1878-1937 гг.). Однако, по некоторым сведениям, накануне подписания указа, 29 сентября, епископ Аркадий был арестован. По другим сведениям, он не смог выехать на место назначения и проживал в п. Балмошная в г. Перми. 22 октября 1935 года епископ Аркадий был уволен на покой¹⁴⁵.

Новым правящим архиереем 22 октября 1935 года стал епископ Владимир (в миру Василий Петрович Горьковский) (1864-1938 гг.)¹⁴⁶. Поскольку в Ульяновске негде было разместить даже канцелярию епископа, и не было храма, где правящий епархией архиерей мог бы совершать богослужения, епископ Владимир обосновался в Мелекесе, где действовала «сергиевская» Никольская церковь, которая и стала с конца 1935 года кафедральным храмом епархии.

Епископ Владимир начинает свою деятельность в качестве епархиального архиерея. Но территориальное расположение места его пребывания не способствовало распространению его епископской власти на все районы правобережной части округа. Там приходы подчинялись григорианскому епископу Феодосию (Борисову - Григоровичу). Небольшая часть церквей признавала власть обновленческого архиепископа Иоанна (Никольского). Но в левобережной части епархии положение было совершенно другое - здесь, особенно после приезда епископа Владимира, «григорианских» и обновленческих приходов почти не было. Таким образом, в Ульяновской епархии вновь появляется три правящих архиерея трех православных течений. Такая ситуация сохранится на протяжении еще двух лет.

---

¹⁴⁵ В дальнейшем 21 января 1937 года епископ Аркадий был арестован и постановлением Особого совещания НКВД приговорен к пяти годам лишения свободы. 28 октября 1937 года постановлением тройки УНКВД по Новосибирской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в ноябре 1937 года в Новосибирске. Епископ Аркадий прославлен в сонме Новомучеников и Исповедников Российских Архиерейским Собором РПЦ в августе 2000 года.

¹⁴⁶ *Косых И. Н., Ястребов В. В.* Бог есть любовь: Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии. 1832-2016 годы. Ульяновск, 2016. С. 128.

В 1936 году большая часть «сергиевских» приходов Карсунского, Барышского и Кузоватовского районов продолжала находиться под духовным окормлением Сызранского епископа Петра (Гасилова), который определял на приходские места священнослужителей, рассылал по храмам циркулярные постановления и собирал взносы на содержание своего викариального и Куйбышевского епархиального управлений, а также Московской Патриархии. Небольшая часть этих приходов находилась в иерархическом подчинении непосредственно Куйбышевского архиепископа Иренея (Шульмина) (1893-1938 гг.) и собственно Ульяновского епископа Владимира (Горьковского), архиерейская власть которого в основном распространялась на приходы левобережной части епархии.

Что касается управления Ульяновской епархией после 1936 года, то здесь кратко отметим следующее. К концу 1937 года в связи с репрессиями против представителей духовенства в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, большинство служащего и заштатного духовенства, проживавшие в селах монахини, а также наиболее активные из членов церковных советов. В связи с этим к указанному времени Ульяновская епархия, как таковая, прекратила свое существование.

О страшной трагедии, произошедшей в 1937 году в Ульяновской епархии и в Мелекесском викариатстве, в частности, подробно будет сказано при описании конкретных уголовных дел¹⁴⁷.

Управление Ульяновской епархией осуществлялось в жестких и жестоких условиях усилившейся антирелигиозной кампании. Репрессии против духовенства и верующих можно считать ее кульминацией. Однако в этой кампании, продолжавшейся с конца 1920-х – начала 1940-х годов можно выделить две основные составляющие: организационно-административную и агитационно-пропагандистскую¹⁴⁸. Далее мы рассмотрим организационно-

---

¹⁴⁷ Подробнее данный вопрос будет рассмотрен во второй главе.

¹⁴⁸ Агитационно-пропагандистская сторона антирелигиозной кампании в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) будет рассмотрена в третьем параграфе первой главы.

административные меры в борьбе советской власти с религией и религиозными объединениями.

Одной из форм борьбы с религией и верующими была регистрация религиозных объединений, осуществляемая ОГПУ. В постановлении «О религиозных объединениях» и инструкции НКВД (октябрь 1929 г.) за Русской Православной Церковью не признавались права юридического лица. Все религиозные объединения, а также их члены, в обязательном порядке должны были пройти регистрацию. Причем они могли получить отказ без объяснений от местных органов власти. Границы церковной жизни определялись стенами храмов, в которых совершались богослужения. Не обладая правами юридического лица, Церковь не могла заключать договоры на выполнение каких-либо работ, например, ремонт здания. Поэтому договоры заключались с кем-либо из прихожан. В результате таких действий, которые расценивались властями как предпринимательство, значительно увеличивалось налогообложение. В итоге священники, ограниченные в политических и гражданских правах, вынуждены были выплачивать государству с 1930 года 75% со всех «нетрудовых доходов», к которым относились и выплаты за отправление религиозного культа. Более того, их лишали квартир и устанавливали высокую квартплату (вплоть до 1943 года).

Все приходы были обязаны районным властям предоставить списки верующих. Также предоставлялась информация об управляющем епархией, местном благочинном, духовенстве храма и сведения о том, к какому течению принадлежал тот или иной храм. Более того, на приходских собраниях избиралась так называемая «двадцатка» - церковные учредители, из числа которых формировали исполнительный орган прихода из трех человек, выбирали председателя (церковного старосту) и ревизионную комиссию также в составе троих верующих. Настоятель храма лишался всяческой власти в приходе и становился наемным требоисполнителем, без права вмешательства в церковные дела. Все указанные документы сдавались в административный отдел, откуда присылали комиссию, которая проводила

ревизию имущества храма и по описи передавала его в пользование исполнительного органа прихода. Ни сам храм, ни церковная утварь православной общине не принадлежали, а являлись общенародной (или государственной) собственностью¹⁴⁹. Нужно отметить, что именно в период сбора подписей верующих под заявлением о перерегистрации возникало множество конфликтов между верующими активистами и местными властями. Любые хождения по домам представителей церкви должны были производиться только с разрешения местного совета депутатов или сельского совета¹⁵⁰. А представители советской власти были крайне не заинтересованы в перерегистрации церковных общин и продолжении богослужений в местных храмах. Поэтому разрешения на сбор подписей очень часто не давались, а против самостоятельно обходивших дома односельчан членов церковного актива возбуждались уголовные дела по обвинению последних в проведении контрреволюционной агитации в домах граждан. При этом как идейный вдохновитель антисоветской работы на селе арестовывался и местный священник. Но даже при наличии всех необходимых документов власти иногда отказывались перерегистрировать приходскую общину, ссылаясь на какие-либо ошибки, неточности или помарки в предоставленных материалах. Если же община не была вновь зарегистрирована, то это становилось предлогом для закрытия храма. Часто этой же цели служили и проводимые местными гражданскими органами мероприятия по недопущению массовой подписки крестьянами заявлений о перерегистрации. В ход шли методы запугивания, повсеместной антирелигиозной агитации и налоговые репрессии.

Так, в селе Аппаково Мелекесского района священник Данилов Герасим Иванович, заручившись официальным разрешением сельсовета, в течение нескольких дней ходил по селу с опросом, кто же из сельчан является верующим. Это было необходимо для перерегистрации общины верующих.

---

¹⁴⁹ Законодательство о религиозных культах. С. 10.

¹⁵⁰ Там же. С. 22.

Затем на собрании были избраны руководящие органы прихода и его устав¹⁵¹. Однако это мероприятие совпало с деятельностью сельской власти по организации колхоза. Сомнения крестьян о вступлении в колхоз сельсоветом было связано с «систематической антисоветской агитацией, направленной против колхозов»¹⁵², которую якобы вел священник. После его ареста 21 декабря сельсовет отрицал, что давал официальное разрешение на обход священником села. Отец Герасим своей вины не признал, а также заявлял о своей неосведомленности о каких-либо мероприятиях по организации колхоза. Тем не менее, 16 февраля 1930 года осужден тройкой по ст. 58-10 УК РСФСР к 5 годам концлагеря.

Другой формой борьбы власти большевиков с религией и церковью были массовые закрытия храмов. Этому способствовали и установленные местными Советами для выплаты церковными органами зачастую непомерно большие страховые сборы на церковные здания. В случае их неуплаты договоры на пользование зданиями храмов расторгались. И уже 20 июня 1930 года в инструкции к Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 года отмечается, что на местах часто встречается нарушения религиозного законодательства. В частности, речь шла о нарушениях, связанных с изъятием у верующих молитвенных зданий, а также расторжением договоров о пользовании этими зданиями, высоким налогообложением, лишением духовенства жилой площади и «разного рода других нарушениях революционной законности, препятствующих служителям культов отправлению культов»¹⁵³.

Если же несколько конкретизировать цифры налогообложения, то приведем следующие данные. В среднем рабочий на предприятиях в 1930 году получал около 35 – 60 рублей в месяц, что отражено в «Докладной записке ИНФО ОГПУ по вопросам зарплаты на госпредприятиях за январь - август

---

¹⁵¹ Архив Управления ФСБ по Ульяновской области (далее - АУФСБ УО). Ф. 8. Д. 1536. Л. 20.

¹⁵² Там же. Д. 1536. Л. 40.

¹⁵³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 282.

1930 г.»¹⁵⁴. А в «Памятной записке Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР»¹⁵⁵ от 19.02.1930, адресованной председателю Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П. Е. Смидовичу, можно обнаружить примерные цифры налогообложения духовенства: «... в Ижевске, на епископа Синезия (Зарубина) наложено 10 300 рублей и потом еще 7 000 рублей с сотнями в качестве аванса на будущий год»¹⁵⁶. Причем, как правило, требуемые суммы священнослужители должны были собрать в кратчайшие сроки. Сам епископ Ижевский Синезий получал содержание в размере 120 руб. в месяц¹⁵⁷.

Так, в деле священников Д. П. Зорина и А. П. Писарева (Барышский р-н, 1931 г.), якобы организовавших массовые выступления¹⁵⁸, обнаруживаем, что церковь в селе Жадовка была закрыта, поскольку церковный совет не смог погасить наложенный сельскими властями налог в размере 3 782 рубля¹⁵⁹.

Безусловно, в распоряжении ни у священников, ни у православных общин денег на погашение налогов не было. Вследствие чего сельские советы отправляли «наверх» рекомендации закрыть храм, а священно-, церковнослужителей этого храма снять с регистрации. При этом помощь

---

¹⁵⁴ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): [1930 г.] / отв. ред. А. Н. Сахаров, и др.; сост. Н. Е. Быстрова, и др. М., 2008. С. 490-498.

¹⁵⁵ Усилия митрополита Сергия (Страгородского), в том числе отраженные в «Памятной записке» дали положительный результат. Так, в циркуляре Наркомфина от 20 февраля 1931 г. были установлены ставки налогообложения духовенства: «По доходам от сельского хозяйства налог со священнослужителя не должен превышать налог крестьянина с таким же доходом более чем на 100%. Сумма общего налога по «нетрудовым доходам» (содержание, выплачиваемое приходом) не может превышать налог 1928-1929 гг. больше чем на 75%» (Цит. по: *Марченко А. Н.* Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 107). По мнению Д. В. Поспеловского, «приблизительно на 5 лет сельское духовенство, а в какой-то степени и вся Церковь, получили относительную передышку» (*Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 162).

¹⁵⁶ Акты Святейшего Тихона. С. 690.

¹⁵⁷ *Марченко А. Н.* Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 106.

¹⁵⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2388. Л. 23.

¹⁵⁹ На сумму в размере 3 782 руб. в июне 1931 года в Ульяновске на колхозном рынке можно было купить 4 202 кг ржаного печеного хлеба (0,9 р./кг), 756,4 кг говядины (5 р./кг), 9 455 литров молока (0,4 р./л.), 25 210 яиц (1,5 р./10 шт.) (См.: Динамические таблицы ЦУНХУ Госплана СССР учета базарных цен на сельскохозяйственные продукты и предметы потребления по 31 городу СССР за 1913-1936 гг. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://istmat.info/node/48622> (дата обращения: 23.11.2018 года)). В настоящее время (23.11.1918 г.) такое же количества хлеба в Ульяновске можно купить за 176 484 р. (42 р./кг.), говядины - 302 560 р. (400 р./кг.), молока - 425 475 р. (45 р./л.), яиц - 126 050 р. (50 р./10шт.).

прихожан в уплате налогов считалась незаконными поборами с населения, после чего, как правило, следовало возбуждение уголовного дела. И в том, и в другом случаях властями достигалась конечная цель - закрытие храмов либо ввиду невыплаты налогов, либо же из-за отсутствия в церкви священника, осужденного за противоправные действия.

Церкви местные власти закрывали, не дожидаясь решения краевого центра. «Проект Циркуляра Президиума ВЦИК об искажениях и нарушениях законодательства о культах» от 10 июня 1932 г. свидетельствует о том, что власти знали о «перегибах на местах», что случаи изъятия у верующих молитвенных зданий случались не только до решения Президиумом ВЦИК'а, но и до соответствующих решений ЦИК'ов АССР, краевых и областных исполкомов. Более того, в налогообложении не соблюдались нормы, которые были установлены, как предельные, «циркуляром НКФ № 68». В Проекте отмечается, что «твердые задания по заготовкам даются без учета мощности хозяйства и на продукты, не вырабатываемые в хозяйстве»¹⁶⁰.

Порядок закрытия церквей был следующим: сначала решение принималось рабочими или колхозниками, затем оно рассматривалось в сельсовете или районном совете города, после изучалось региональными властями, после чего становилось предметом рассмотрения Президиума ВЦИК.

Так, в 1929 году в октябрьском номере газеты «Пролетарский Путь» рабочие железнодорожного депо «Самарка» решили закрыть церковь, находящуюся в рабочем районе, и отдать ее под детский сад. И только шесть человек выступили против закрытия – это были, как подчеркивает автор, «семидесятилетние старухи». В статье также отмечается обеспокоенность действиями священников и членов церковного совета, которые для сохранения церкви «употребляют все методы», среди которых были обходы домов, беседы, «святые лекции», распространение «нелепых слухов»¹⁶¹.

---

¹⁶⁰ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 294.

¹⁶¹ Юдин. Требуем закрыть церковь // Пролетарский Путь. 1929. 26 октября. № 249 (2047). С. 3.

В действительности, закрытия церквей часто проходило незаконно. Более того, в свидетельствах обнаруживается распространенная тогда в стране практика решения проблем: инициатива граждан «утверждалась и оформлялась в высших инстанциях и превращалась в норму закона»¹⁶². А поскольку время для обжалования решения о закрытии храма ограничивалось двумя неделями, то попытки опротестовать его, как правило, были неудачными. По прошествии двух недель жалобы просто не рассматривались¹⁶³.

Так, уже в марте 1930 года в Троицком кафедральном соборе в Ульяновске расположилось архивохранилище¹⁶⁴. В ульяновской прессе, в частности, в газете «Пролетарский путь» развернулась кампания, нацеленная на закрытие церквей в городе. Причем инициатива о закрытии церквей якобы исходила от рабочих типографии и сотрудников издательства данной газеты. Типография и издательство были выбраны не случайно - «Пролетарский путь» был органом местных коммунистов, а типография подчинялась непосредственно окружному совету. В начале августа 1931 года решение рабочих и служащих издательства и типографии было опубликовано все в той же газете «Пролетарский путь».

В этой газете почти в каждом номере присутствовали призывы разных коллективов рабочих: «Кирпич церквей - на нужды пятилетки», «Материал церквей - на новостройки», «За город без очагов дурмана!», «Церкви - под культурные очаги». «Мы, рабочие и служащие маталлома, цветметзолота и гощвеймашины, требуем от горсовета скорейшего закрытия церквей!»; «1-я объединенная школа требует немедленного закрытия всех церквей»; «Дайте рабочему клубы и новые заводы», «Вместо церквей – культурные очаги»¹⁶⁵.

---

¹⁶² Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х-начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2017. С. 108.

¹⁶³ Там же. С. 112.

¹⁶⁴ Косых И.Н., Ястребов В.В. Указ. соч. С. 129.

¹⁶⁵ Рабочий-ударник. Массы требуют закрытия пустующих церквей // Пролетарский путь. 1931. 18 августа. № 180 (2584). С. 3.

Или более конкретные призывы закрыть: «зимний и летний кафедральный соборы, Германовскую, Всехсвятскую и женский монастырь»¹⁶⁶.

Власти города сначала никаких действий не предпринимали. Инициировав подобное «народное движение», они способствовали усилению «революционной настойчивости» трудящихся с тем, чтобы с особым усердием осуществить волю пролетариата.

Президиум Ульяновского горсовета, опираясь на требования рабочих и трудящихся масс города о немедленном закрытии большинства церквей и молитвенных домов в городе, постановил закрыть 7 из 14 действующих на тот момент ульяновских храмов. В их число вошли Всесвятская, Иверская, Ильинская церкви, Никольский зимний и Троицкий летний (богослужения в котором к тому времени уже не совершались) кафедральные соборы, Германовский собор, Казанская часовня и Тихвинский храм. Также было предписано продолжить использование зданий храмов в качестве мест для осуществления культов. Имущество церквей, которые были закрыты, должно было быть передано в государственный фонд в соответствии с актом правительственной комиссии. При этом имущество, не имеющее «государственной ценности», подлежало использованию для погашения налоговых задолженностей, устанавливаемых в упраздняемых приходах¹⁶⁷.

В 1930 году на территории бывшего Мелекесского уезда были закрыты: в Мелекесском районе – 21 храм, Старомайнском районе – 11 храмов, Новомалыклинском районе – 8 храмов, Чердаклинском районе – 13 храмов¹⁶⁸.

В Ульяновске в 1931 году было всего 7 действующих храмов¹⁶⁹. Это были принадлежащие «григорианцам» из ВВЦС Неопалимовский храм, Воскресенская кладбищенская церковь, Смоленская церковь и Казанская (Никольская) церковь в слободе Нижняя Часовня в Заволжье, Благовещенский

---

¹⁶⁶ Президиум общих собраний типографии № 1 и издательства «Пролет. Путь». Пустующие церкви закрыть // Пролетарский путь. 1931. 16 августа. № 178 (2582). С.3.

¹⁶⁷ Скала А., прот. Церковь в узах. С. 353.

¹⁶⁸ Там же. С. 239-240.

¹⁶⁹ Косых И. Н., Ястребов В. В. Указ. соч. С. 121.

храм бывшего Покровского монастыря, а также Вознесенский собор и Богоявленский храм. Однако вскоре Богоявленский храм станет кафедральным собором григорианцев. Но ненадолго - его вскоре также закроют. «Сергиевцы» в Ульяновске своих храмов больше не имели. Епископ Митрофан (Гринев) более не имел места служения в своем епархиальном граде. И, как было уже выше сказано, в 1932 году кафедра Ульяновского епарха «тихоновского» течения переместится в Мелекесс, второй кафедральный город епархии.

Такое широкое «движение трудящихся» за закрытие храмов было характерно для всей епархии. Местные органы власти проводили собрания в трудовых коллективах в поселках и селах, на которых трудящиеся выступали с призывом ликвидировать в том или ином месте храм и прекратить в нем богослужения. Принятые решения публиковались в местной прессе, а протокол собрания направлялся в вышестоящие инстанции. Вот, например, заметка в номере газеты «Пролетарский путь», опубликованная накануне Рождества под названием «Закреть очаг дурмана»: «Мы, граждане села Сельдь, колхозники и единоличники, обращаемся в горсовет с настойчивым требованием о закрытии церкви в селе Сельдь»¹⁷⁰. Далее в заметке говорится о том, что Церковь, священники всегда служили «верой и правдой» царю, буржуазии для порабощения трудящихся. В церковные праздники священнослужители усиливают работу по натравливанию несознательной части трудящихся против мероприятий советской власти, что вызывает «мракобесие», «темноту», «невежество», а праздники происходят «пьянки», вследствие чего рабочие просят не только церковь закрыть, но и на месте закрытой церкви создать «очаг культуры», а колокола предоставить на нужды промышленности. Средства, вырученные от продажи колоколов, они предлагают использовать на культурные нужды. В заметке говорится, что имеется уже более половины необходимых для закрытия церкви подписей, и

---

¹⁷⁰ Раков, В. Андреев, Щукин, Сергеева. Закреть очаг дурмана // Пролетарский путь. 1931. 23 декабря. № 291 (2595). С. 4.

завершается статья призывом: «Ни одного прогула в дни рождества! Напряженной работой на всех участках социалистического строительства ответим на поповские вылазки!»¹⁷¹.

В 1932 году в Ульяновске началось разрушение закрытых в прошлом году храмов. Решением малого президиума Ульяновского горсоветов 14 апреля 1932 года здания Спасского и Иверского храмов закрытого Спасского женского монастыря были переданы Ульяновской Краснознаменной школе им. Ленина «как строительный материал для разборки»¹⁷².

В мае 1932 года был закрыт Спасо-Вознесенский собор, здание которого начали сначала перестраивать под фабрику-кухню для организации питания студентов, а затем просто разобрали. Этот храм был обновленческим кафедральным собором. Роль главного храма обновленцев стала выполнять церковь на городском кладбище по улице К. Маркса, где и проводил свои службы архиепископ Иоанн (Никольский).

Подвергся разрушению в 1932 году и Николаевский зимний кафедральный собор, находившийся «в списке особо охраняемых архитектурных памятников г. Ульяновска как яркий пример русского стиля в церковном зодчестве»¹⁷³. В этом же году начали разбирать и Богоявленский храм. Впоследствии на фундаменте храма было построено здание управления «Спиртотреста». Богоявленская церковь до закрытия некоторое время была кафедральным храмом григорианцев, которые после ее закрытия вынуждены были перебраться в церковь в честь иконы Богородицы «Неопалимая Купина», или, как ее называли в народе, Неопалимовскую церковь. С тех пор этот небольшой деревянный храм стал кафедральным собором православного течения ВВЦС.

---

¹⁷¹ Раков, В. Андреев, Щукин, Сергеева. Закрыть очаг дурмана // Пролетарский путь. 1931. 23 декабря. № 291 (2595). С. 4.

¹⁷² Краткий обзор исторической застройки города Симбирска-Ульяновска. Ульяновск: Государственный историко-мемориальный заповедник «Родина В.И. Ленина», 1999. С. 51.

¹⁷³ Косых И. Н., Ястребов В. В. Указ. соч. С. 123.

В это же время была закрыта Владимирская (Ильинская) церковь, которая до 1968 года использовалась чулочной фабрикой. Кирпичи разобранной в 1932 году Всесвятской церкви пошли на починку здания конвойной школы. Были закрыты и разобраны Смоленская церковь, Тихвинская церковь. К 1932 году была разобрана колокольня Троицкой церкви, а здание храма было передано Краснознаменной школе.

К концу 1932 года во всем городе оставались действующими только Воскресенская кладбищенская церковь, бывшая кафедральным храмом обновленцев, Неопалимовская церковь, бывшая кафедральным храмом григорианцев, и Никольский храм в Слободе Нижняя Часовня в Заволжье, также принадлежавший ВВЦС.

Недалеко от Ульяновска находился Христорождественский храм Мостовой Слободы. Этот храм посещало большое количество людей, как из Ульяновска, так и из близлежащих сел и деревень. В ответ на запрос Ульяновского горсовета Мостовской сельсовет осенью 1933 года сообщил следующее: «По с. Мостовой Слободе церковь работает непрерывно. Служитель религиозного культа посещает из гор. Ульяновск по причине той, потому что в г. Ульяновске Церквя закрыты. Колокольной звон в с. Мостовой еще существует. Пред. с/сов. (подпись), секретарь (подпись)». Чуть ниже и чуть позже внизу документа сделана приписка: «В настоящий момент церковь закрыта»¹⁷⁴. Таков итог деятельности большевиков по закрытию церквей в Ульяновской епархии (Мелекесском викариатстве).

Следующей формой борьбы большевиков с Церковью являлась антиколокольная кампания. «Антиколокольная кампания» приобрела огромные масштабы. Согласно осеннему постановлению, ВЦИК 1929 года объявлялось, что колокольный звон, производимый в храмах не только «противоречит принципу отделения церкви от государства»¹⁷⁵, но также

---

¹⁷⁴ Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 491.

¹⁷⁵ Цит. по: Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М., 2008. С. 253.

мешает трудящимся отдыхать. Более того, звонить во все колокола было запрещено. Колокола теперь снимались и отправлялись на «нужды промышленности». Борьба с колоколами началась в сельской местности, а затем распространилась и на города. Причем изъятие колоколов сопровождалось, с одной стороны, огромным количеством жалоб мирян, а с другой в периодической печати в письмах трудящихся высказывалось одобрение данных мероприятий. Данная кампания основывалась также и на инструкции исполнителям постановления ВЦИК, согласно которой необходимо было провести «подготовительную кампанию»¹⁷⁶. Последняя предполагала жесткие организационные действия, угрозы, преследования.

Директива СНК СССР (8.10.1930) определяла нормы сбора колокольного лома: в РСФСР (последний квартал 1930 г. – первая половина 1931 г.) - 20 тыс. тонн, на Украине - 4 тыс. тонн, в Белоруссии - 1 тыс. тонн¹⁷⁷. Причем возрастающие нужды промышленности существенно сокращали сроки сбора лома. Был также сформулирован план пятилетки: «на 1929/30 г. ожидалось поступление 15 тыс. тонн лома, в 1930/31 г. - 30 тыс., в 1931/32 г. - 45 тыс., в 1932/33 г. - 40 тыс. тонн»¹⁷⁸.

15 декабря 1929 г. Секретариат Президиума ВЦИК решил: «В связи с новым распределением трудовых процессов в рамках непрерывной недели, выдвигающим по-новому вопрос о пользовании колокольным звоном для религиозных целей, предоставить право регулирования колокольного звона при отправлении культовых служб горсоветам и районным комитетам с правом обжалования соответствующих постановлений и РИКов до окрисполкомов включительно»¹⁷⁹. Отметим, что решения местных органов

---

¹⁷⁶ Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 38.

¹⁷⁷ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 286.

¹⁷⁸ Русская Православная Церковь. XX век. С. 256.

¹⁷⁹ Цит. по: Приказчикова О. Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929-1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. II: 2 (31). С. 49.

власти (горсоветов, райисполкомов) можно было пересмотреть, но постановления окрисполкомов оспорить было нельзя¹⁸⁰.

«Изъятие излишних колоколов необходимо осуществлять, по возможности, быстрее, (т.к. мы решили их использовать в первую очередь для чеканки мелкой разменной монеты, которая до сих пор чеканилась из импортной меди), не придавая этому политического значения и излишней огласки»¹⁸¹, - это слова председателя СНК СССР А. И. Рыкова, обращенные 8 октября 1930 г. к председателям СНК союзных республик.

8 октября 1929 года в ульяновской газете «Пролетарский Путь» (газета была органом ульяновского окружного комитета ВКП(б), и антирелигиозные призывы которой распространялись по всему ульяновскому округу, в том числе и по районам, входившим в Мелекесское викариатство) в рамках подготовительной кампании по снятию колоколов Н. Иванов обращался к активистам-безбожникам с призывом начать массовую работу среди населения, разъясняющей необходимость снимать колокола и передавать их в фонд коллективизации. Аргументы Н. Иванова в пользу проведения данной кампании сводились к следующему: для усиления фонда коллективизации нужны большие средства, источником таких средств могут стать церковные колокола, поскольку «без всякой пользы и чьей-либо надобности (кроме попов) у нас пропадают сотни тысяч пудов меди в колоколах»¹⁸², а колокола могут послужить созданию новых тракторов, сельскохозяйственных машин и т.д.

Ульяновский горсовет принимает решение о снятии колоколов с городских храмов в декабре 1929 года, основываясь на требованиях граждан о снятии колоколов в фонд тракторизации. Решением Ульяновского горсовета,

---

¹⁸⁰ См. также о проблеме колоколов и колокольного звона: *Батченко В. С.* Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929-1931 гг. (на материалах Западной области): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2015. С. 60 - 62.

¹⁸¹ Цит. по: *Васильева О. Ю.* Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. - 1 февр. 1997 г.: Материалы. М., 1997. С. 183.

¹⁸² *Иванов Н.* Религия – враг урожая и коллективизации // Пролетарский Путь. 1929. 8 октября. № 233 (2031). С. 2.

основанным на «общемассовых требованиях», колокола всех ульяновских храмов подлежали передаче в фонд тракторизации (дело N 0/096)¹⁸³.

С конца 1929-го до конца 1930-го года колоколов лишились все церкви Ульяновска. В частности, в 228 пудов колоколов изъяли у Покровского монастыря, 575 пудов забрали у Спасского женского монастыря, 715 пудов отняли у Вознесенского собора, 875 пудов сняли с кафедрального собора - (самый большой из колоколов весил 404 пуда - более 6,5 тонны), с Богоявленской церкви - 300 пудов, с Владимирской церкви - 295 пудов, с Германовского собора - 1003 пуда (самый большой из колоколов весил около 10 тонн!). Массовое снятие колоколов с церквей имело место и по всей епархии. К примеру, в 1929-1930 годах только с шестнадцати храмов в Старомайнском районе (учитывая и закрытые церкви) было снято колоколов общим весом в 2 тысячи 327 пудов, или около 37,5 тонны¹⁸⁴.

Разумеется, верующее население сопротивлялось снятию колоколов. Так, в феврале 1931 года в селе Головкино Старомайнского района на общем собрании сельчан было принято решение о снятии с местного храма колоколов. Несмотря на это решение, верующая часть сельчан на протяжении полутора недель ежедневно осаждала сельсовет с требованием оставить колокола¹⁸⁵. На какое-то время колокола оставили, но действия мирян без последствий не оставили. Инициатором данного сопротивления посчитали местного священника Корнишина Андрея Андриановича (1982-? гг.), который был незамедлительно арестован и в мае 1932 года полгода осужден тройкой к 5 годам лишения свободы. На допросе о. Андрей вины своей не признал¹⁸⁶.

Большевики не прошли мимо икон святых. Некоторые самые ценные и древние из них были переданы в музеи, в том числе и антирелигиозные. В некоторых случаях иконы просто сожгли. В Ульяновске иконы отправлялись

---

¹⁸³ Главный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. Р-1624. Оп. 1. Д. 185. Л. 152.

¹⁸⁴ ГАУО. Ф. Р-1624. Оп. 1. Д. 185. Л. 152.

¹⁸⁵ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 923. Л. 90.

¹⁸⁶ Там же. Д. 923. Л. 73.

в специальную столярную мастерскую, где после удаления священных изображений рубанком, из иконных досок изготавливали мебель¹⁸⁷.

Борьба большевиков за коллективизацию также сопровождалась преследованием духовенства и активных верующих. 11 февраля 1930 года Президиум ЦИК СССР утвердил Постановление ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». В этом Постановлении предлагалось правительствам союзных республик направить поручения органам, регистрировавшим религиозные объединения, убрать из состава руководителей этих объединений «враждебных элементов». В Постановлении обращалось внимание на то, чтобы не допускалось проникновения в руководящие органы указанных выше лиц, «систематически отказывая в регистрации им религиозных объединений при наличии упомянутых выше условий»¹⁸⁸. Так появилась еще одна причина ликвидации православных общин и начала гонений на церковные активы.

Итак, «церковники» были причислены к контрреволюционерам, а духовенство впоследствии - к кулакам. Причисленные к контрреволюционерам или кулакам священники и церковный актив отправлялись в концлагеря, где их расстреливали, или выселялись в северные районы страны. «Кампании по выселению кулаков и их семейств проводятся в первую очередь в следующих районах СССР: ... Средневожский край – выселяется 8-10 тысяч семейств»¹⁸⁹. Был дан план – выселить в Сибирь до десяти тысяч семей крестьян-тружеников.

Операция советской власти по ликвидации кулачества как класса и начавшаяся в Средне-Волжском крае сплошная коллективизация давала большевикам возможность одновременно ликвидировать и духовенство

---

¹⁸⁷ Скала А., прот. Церковь в узах. С. 354.

¹⁸⁸ Цит. по: *Одинцов М. И.* Путь длиной в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (церковно-государственные отношения в истории советского общества). Сборник статей / под ред. Д. Е. Фурмана, о. Марка (Смирнова). М., 1989. С. 48.

¹⁸⁹ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 2. С. 373.

вместе с наиболее активными прихожанами. Объявив «де-юре» всех «церковников» врагами коллективизации, большевики начали активную подготовку общественного мнения. Для этой цели практически во всех печатных периодических изданиях регулярно стали появляться статьи о священнослужителях как о врагах социалистического строительства на селе и врагах трудового крестьянства.

Очередной этап антирелигиозной кампании начался в связи с принятием Конституции СССР 5 декабря 1936 года. Эта Конституция дала надежду как светским гражданам, так и верующим, на справедливые отношения между государством и обществом и оказала влияние на подъем религиозных чувств верующих. Все больше появляется инициатив, направленных на открытие храмов, их реставрацию. Но надежды православных (впрочем, как и инославных и иноверных) граждан страны вскоре сменились разочарованием.

Один из лидеров комсомольского движения того времени А. Косарев в своей статье, опубликованной в центральной газете «Правда» и перепечатанной затем практически всеми главными местными газетами, утверждал: «Абсурдно представление, что слова, запечатленные в Конституции СССР о свободе отправления религиозных культов, означают сигнал к прекращению антирелигиозной пропаганды. Разве этот закон изменяет что-либо в отношении коммунистов к религии? Разве до сих пор советская власть когда-нибудь и кому-нибудь запрещала верить в бога и посещать церковь?»¹⁹⁰. В этой же статье сказано, что многие комсомольские организации и работники антирелигиозного фронта отнеслись «своеобразно» к статье 124 Конституции 1936 года и сделали из этой статьи «совершенно неправильные выводы», которые заключались в том, что если свобода религиозных верований признана и узаконена советской Конституцией, то можно на «законном» основании не заниматься антирелигиозной

---

¹⁹⁰ Косарев А. Антирелигиозная пропаганда и задачи комсомола // Правда. 1937. 15 апреля. № 104. С. 3.

пропагандой. «Нужно быть прожженным чиновником, а не коммунистом, чтобы так толковать сталинскую Конституцию»¹⁹¹ - негодует А. Косарев.

Действительно, после принятия Конституции 1936 года наблюдалась активизация деятельности верующих, направленная на открытие храмов. В той же статье Косарева мы обнаружим данные об активизации деятельности по открытию церквей в Куйбышевской области, а именно: если до революции на данной территории было свыше 2 200 церквей, молелен, мечетей, то в годы революции были закрыты 1173, действующих храмов было 325. По сообщению Косарева, в областные организации стали поступать ходатайства об открытии примерно 300 церквей. «Ходоков по открытию церквей в области в 1935 году было 60 человек, а в 1936 году – 336»¹⁹² - отмечает комсомолец Косарев. А если быть точнее, то с января по август 1936 года количество жалоб по Куйбышевской области в Комиссию культов ЦИК было 477¹⁹³. Таким образом, верующие, действительно, активизировались, добивались возобновления богослужений в тех храмах, которые еще не были разрушены или перестроены «под культнужды». И следует отметить, что апелляции верующих к Конституции иногда имела воздействия.

В соответствие с заявленной продолжающейся идейной борьбой государства с Церковью, в Ульяновской епархии, наряду с несколькими вновь открытыми храмами, продолжают сноситься и перестраиваться десятки других, ранее действовавших. Так, например, в 1936 году Ульяновск окончательно лишился одного из главных своих украшений и святынь - был разрушен Троицкий кафедральный собор.

Некоторые успехи «церковников» и отстаивание ими своих конституционных прав беспокоили местные власти. Так, в ульяновской газете «Пролетарский путь» в статье под названием «Предвыборные маневры церковников» (в следующем 1937 году в стране должны были пройти выборы

---

¹⁹¹ Косарев А. Антирелигиозная пропаганда и задачи комсомола // Правда. 1937. 15 апреля. № 104. С. 2.

¹⁹² Там же. С. 2.

¹⁹³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 307.

в Верховный Совет СССР и местные Советы депутатов) сообщалось: «Пользуясь беспечностью и ротозейством наших организаций, реакционная поповщина «истолковывает» Конституцию, извращает ее в интересах классовых врагов»¹⁹⁴. И далее отмечалось, что все религиозно настроенные люди «неправильно» истолковывают статью 124 Конституции СССР, где речь идет о свободе совести, поскольку эта статья не означает изменения политического курса в сторону «признания религии». «Неправильное» толкование также касается и свободы религиозной пропаганды в СССР, которой также не было места в стране.

В статье отмечалось, что религия есть «дурман, опиум (для) народа»; она враждебна науке и научному знанию, она мешает социалистическому строительству и является орудием в руках антисоветских элементов, а священники не являются трудящимися, но остаются эксплуататорами, «тунеядцами» и «мракобесами». Поэтому советская власть вела и будет вести против религии «идейную борьбу», и никакой свободы религиозной пропаганде, а тем более никакого запрещения антирелигиозной пропаганды, Конституция, разумеется, не провозглашает, полагает автор статьи. Более того, в статье говорится о недопустимости различных административных мер в борьбе с религией, поскольку это может вызвать негативное отношение к советской власти у верующих трудящихся. В то время, когда с религией необходимо бороться при помощи антирелигиозной пропаганды, то с «реакционным духовенством», теми, «кто своей профессией избрал обман трудящихся при помощи религии» следует вести «решительную непримиримую борьбу»¹⁹⁵. И, как мы увидим из анализа конкретных следственных дел, большая их часть будет инициирована через некоторое время после публикации данной статьи.

---

¹⁹⁴ Олещук Ф. Предвыборные маневры церковников // Пролетарский путь. 1937. 17 августа. № 187 (3271). С. 2.

¹⁹⁵ Так же.

1.3. Агитационно-пропагандистская деятельность большевиков на территории Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) 1930-х годов XX века

Антирелигиозная политика советской власти на территории Мелекесской епархии в 1920–1930-е гг. обнаруживает, с одной стороны, общероссийские черты, а с другой – местные особенности реализации атеистических программ по искоренению религиозного сознания у граждан, связанные, прежде всего, с бытовавшей идеологемой «Родина Ленина». Как считают ульяновские ученые А. Ю. Тихонова, А. В. Голотин, в Симбирске (Ульяновске) – родине В. И. Ленина – атеистическая пропаганда, а также борьба против деятельности религиозных организаций проводилась «более четко и последовательно»¹⁹⁶. В своем фундаментальном труде по истории Ульяновской епархии протоиерей Алексей (Скала) также утверждает, что после закрытия большинства церквей в Ульяновске в 1932 году «сам древний Симбирск становился “Родиной Ленина – городом атеизма”»¹⁹⁷.

Однако роль образа Ленина как символа революционного атеизма в истории Ульяновского края и Мелекесской епархии в означенный период истории представляется неочевидной. И здесь следует различать влияние образа вождя мирового пролетариата на атеистическую пропаганду, антирелигиозную политику с одной стороны, а с другой – влияние на историческое развитие города Ульяновска.

Действительно, агитационно-пропагандистский механизм ВКП(б) заработал на следующий день после смерти Ленина. Ленин должен был стать центральной культовой фигурой новой революционной веры. Уже при жизни

---

¹⁹⁶ Тихонова А. Ю., Голотин А. В. Культура симбирской (ульяновской) губернии в 20-е годы XX века: история, процессы, проблемы. Ульяновск, 2015. С. 95.

¹⁹⁷ Скала А., прот. Церковь в узах. С. 436.

образ Ленина приобретал сакральные черты. Этот культ был неразрывно связан с реализацией идей Октября, со становлением нового государства.

При постоянном контроле партии и государства создавался двойственный героизированный и мифологизированный образ Ульянова-Ленина – «самого человеческого человека», «добротного дедушки» и «вождя мирового пролетариата, гения революции». Такой образ шел и от народа, которому надо было во что-то верить, который столкнулся с величайшей катастрофой и стал участником героической революционной трагедии, именно поэтому образ гения и вождя революции обретает черты устойчивого имиджа и становится в ряде мест основой для формирования идентичности¹⁹⁸.

Так, Ленинград отождествлялся с революционными событиями («колыбель революции»), Шушенское – с местом ссылки Ленина, а Ульяновск, бывший Симбирск, идентифицировался с местом рождения. И чем больше фигура Владимира Ильича подвергалась сакрализации, тем большую значимость приобретало подобное отождествление. Эти места становятся местами паломничества всех неравнодушных к Революции.

Кратко перечислим некоторые моменты в истории становления «Родины Ленина – городом атеизма». Прежде всего, следует отметить переименование города. Относительно нового названия Симбирска выдвигались различные предложения. Должностные служащие администрации города, а также представители крестьянства, Красной армии и РКСМ по причине скорби даже предлагали переименовать Симбирск в Ленинск¹⁹⁹. Однако Декретом ЦИК от 9 мая 1924 г. город Симбирск переименовывался в Ульяновск, а Симбирская губерния - в губернию Ульяновскую. Газета «Пролетарский путь» писала: «Осиновый кол в

---

¹⁹⁸ Качкина Т. Б. Ульяновск родина Ленина: от идеологического символа к туристскому бренду (к проблеме идентичности места) // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти историка С. Л. Сытина. Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г. Ч. 1 / ред.-сост. Липатова Н. В. Ульяновск, 2015. С. 124.

¹⁹⁹ Орлов С. О. Симбирск – Ленинск // Пролетарский Путь. 1924. 30 января. № 24 (669). С. 2.

дворянский Симбирск! Да здравствует родина Ильича!»²⁰⁰. Так начал формироваться новый имидж города – идеологизированный образ Родины Ленина.

В декабре 1923 г. по инициативе бюро Истпарта Симбирского губкома РКП(б) в доме № 48 по Московской улице был открыт историко-революционный музей им. В. И. Ленина, называвшийся сначала «Музеем симбирского бюро Истпарта». В записке заведующего музеем в марте 1924 г. отмечалось, что «центром внимания, продолжающимся до сего времени, музей стал со дня смерти В. И. Ленина», и что «экскурсии посещают музей ежедневно по 2 – 3 экскурсии в день, посетителей было около 800 человек в месяц, в среднем наиболее всех интересуется отдел с материалами о В. И. Ленине»²⁰¹.

Ульяновску отводилась роль витрины достижений социализма, по крайней мере, в представлении областных властей. Так, летом 1937 года родину Ленина посетил уполномоченный комиссии партийного контроля Куйбышевского обкома ВКП(б) А. Френкель. В местной газете был представлен его отзыв, согласно которому руководству городом следует приложить больше усилий, чтобы Ульяновск был достоин имени Ленина. А для этого достаточно там, где возможно (улицы, площади, дома, культурные и образовательные учреждения и т.п.), поместить статуи, портреты Владимира Ильича совместно с родными, коллегами. В завершение своего доклада Френкель призывает местные власти «сделать ныне запущенный и отсталый Ульяновск передовым городом, достойным великого имени гения Ленина»²⁰².

Таким образом, внешний вид Ульяновска вызывал обеспокоенность у партийных руководителей. Так, спустя три дня после опубликования доклада Френкеля в той же газете отмечалось, что родину Ленина каждый год

---

²⁰⁰ Нет Симбирска! Есть Ульянов // Пролетарский путь. 1924. 11 мая. № 106 (841). С. 1.

²⁰¹ Культура Симбирского-Ульяновского края: сборник документов и материалов / Авт. сост. Н. В. Забалухина, А. Г. Пашкин, О. А. Полянская, Л. М. Сергуненкова / под ред. канд. ист. наук. А. Г. Пашкина. Ульяновск, 2014. С. 55.

²⁰² Френкель А. Превратить Ульяновск в город, достойный имени Ленина // Пролетарский Путь. 1937. 18 августа. № 188 (3272). С. 1.

посещают тысячи людей со всей страны, что этот город обладает большим количеством исторических памятников, что он перестал быть «сонным Симбирском», а стал «новым советским городом» с активной новой жизнью. Тем не менее, в конце статьи с сожалением говорится о том, что внешний облик города оставляет у гостей «не лестное впечатление». «Пусть это мелочи, но они заметны и бьют сильно в глаза»²⁰³.

Даже Н. К. Крупская (1869-1939 гг.) не осталась равнодушной к родине своего покойного мужа. В конце 1938 года она просит молодое поколение Ульяновска превратить город «в настоящий культурный центр, влияющий на всю округу»²⁰⁴.

Действительно, Ульяновску требовались серьезные мероприятия по его облагораживанию. И уже летом 1937 года создается специальное управление по очистке города. Глава этого управления Е. М. Самсонова посетила Москву с целью ознакомления с последними достижениями в области урбанистики у ведущих ученых и специалистов. Примечателен тот факт, что для Ульяновска была выделена для обустройства новая спецтехника²⁰⁵.

Тем не менее, серьезных мероприятий, которые бы закрепили в сознании граждан отождествление Ульяновска с родиной «вождя мирового пролетариата», пожалуй, не было. Исключением может быть атеистическая пропаганда, которая проводилась органами советской власти, Союзом воинствующих безбожников, ВЛКСМ и часто носила формальный характер.

Крупной промышленности в Ульяновске практически не было. Провинциальный уездный город, где 85% построек деревянные, где в 1920-1930-е гг. было снесено большинство каменных храмов, которые архитектурно «держали» центр города, Ульяновск напоминал большую деревню. (Отметим, правда, что со второй половины в 1930-х гг. в экономике

---

²⁰³ Френкель А. Превратить Ульяновск в город, достойный имени Ленина // Пролетарский Путь. 1937. 18 августа. № 188 (3272). С. 1.

²⁰⁴ Крупская Н. К. Музей Ленина и его филиалы // Большевик. 1938. № 9. С. 17.

²⁰⁵ Точеная Н. Г., Точеный Д. С. Улицы родины Ленина во второй половине 30-х гг. XX века - немаловажная деталь интерьера сталинской эпохи // Симбирский научный вестник. 2013. 4 (14). С. 58.

города начинают происходить позитивные сдвиги)²⁰⁶. Более того, в 1928 г. Ульяновск лишился губернского статуса и превратился сначала в центр Ульяновского округа, а с 1930 года после упразднения округов - в районный центр Средневолжского края.

Таким образом, факт переименования города существенным образом не повлиял на его развитие, на отношение к нему в стране, на духовный мир горожан. Интересен тот факт, что даже обсуждение вопроса об установлении памятника Ленину в Ульяновске затянулось на годы. Впервые предложение от имени студентов Симбирского рабфака прозвучало в 1921 г. А 27 января 1924 г. в газете «Пролетарский путь»: «Построим памятник Владимиру Ильичу. ...Пусть фигура его, нашего Великого земляка, будет вечным напоминанием нам о том, за что он жил и боролся. Пусть те, против которых он боролся, глядя на него, помнят, что и мы враги их, и что нас много, Ленин жив в нас»²⁰⁷. Однако установлен памятник Ленину был только в 1940 году к 70-летию со дня его рождения.

И только во второй половине 1960-х годов ситуация изменилась – город превратился в крупный промышленный центр и своеобразную идеологическую столицу страны, известную далеко за её пределами. Еще в 1943 г. Ульяновск вернул статус областного центра, в городе стала развиваться промышленность в связи с эвакуацией промышленных предприятий. Население в 1967 г. выросло до 294 тыс., тогда как в 1931 году насчитывалось 68 900 жителей. И именно во второй половине 1960-х гг. время Ульяновск превращается в своеобразную туристическую Мекку - только Дом-музей В.И. Ленина принимал по 400 тысяч посетителей в год – по тысяче (а, бывало, и до трех тысяч) в день²⁰⁸.

Таким образом, идеологическая пропаганда в 1920-1930-е гг., направленная на отождествление в сознании граждан Родины Ленина с

---

²⁰⁶ Качкина Т. Б. Указ. соч. С. 126.

²⁰⁷ Китаев. Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 27 января. № 22 (667). С. 4.

²⁰⁸ Качкина Т. Б. Указ. соч. С. 130.

Революцией, идеями Октября, атеизмом в большей степени носила формальный характер, тогда как в 1960-е годы она подкреплялась реальной экономикой, демографическим подъемом, повышением благосостояния населения, что делало ее более действенной.

Итак, если в 1920-1930-е гг. идеологема «Родина Ленина» не имела подкрепления в социально-экономической сфере, то в атеистической пропаганде, в частности, она обрела реальные основания. Если организационно-административная составляющая антирелигиозной кампании большевиков в Ульяновской епархии и Мелекесском викариатстве была рассмотрена в предыдущем параграфе, то далее мы сосредоточимся на агитационно-пропагандистской деятельности большевиков.

Как было ранее сказано, в 1929 году по всей стране развернулось глобальное наступление на религию. Для этого в первую очередь большевиками была задействована и усилена антирелигиозная работа.

Как отмечает Р. В. Ильязова, в регионах антирелигиозной политикой занимались отделы агитации и пропаганды при комитетах ВКП (б) разного уровня. При этом они опирались на постановления и директивы территориальных вышестоящих органов²⁰⁹. Более того, под руководством местных партийных организаций подготавливались партийные агитаторы-антирелигиозники и беспартийные культурные и научные работники – учителя, врачи, агрономы и др. Таким образом, эффективность реализации антирелигиозной работы зависела не только от усилий партийных органов власти, но и от вовлечения в агитационно-пропагандистскую деятельность разного рода общественных организаций, таких как «Союз воинствующих безбожников», Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), пионерская организация и др.

Следует также обратить внимание на другой аспект антирелигиозной пропаганды – создание стереотипного образа священнослужителя или

---

²⁰⁹ *Ильязова Р. В.* Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918-1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 2020. С. 104.

верующего человека. Историк Р. В. Ильязова классифицирует образы в агитационной литературе Симбирского-Ульяновского края²¹⁰. В 20-е гг. пропаганда формировала образы: «поп-обманщик», «верующий-недалекий человек».

В начале 1930-х гг. антирелигиозная риторика в советской поволжской периодической печати становится все более агрессивной²¹¹. Если в период антирелигиозной агитации до начала 30-х гг. советская власть делала ставки на тезис «религия – опиум для народа», что в итоге превратилось в пропаганду классовой борьбы с представителями церковного сословия и верующими к нач. 30-х гг. Этому способствовала напряженная ситуация внутри Церкви, так как именно в Поволжье в начале 1930-х гг. сосредоточились разные ее представители. Об этом было подробнее церковно-политической ситуации было подробнее написано в 1 главе этого диссертационного исследования. Но для примера важно отметить, что разделения внутри Российской Православной Церкви в Поволжье происходили с конца 1920-х гг.

Ситуация с разными епархиями, проводившими различные реформы и имеющими разное влияние на сообщество, создала конфликт интересов. Возникновение Временного Высшего Церковного Совета и формирование нового течения «григорианского» ломали устоявшиеся каноны и вызывали противоречия внутри Церкви. Вмешательство государственных органов, аресты и запреты на священнослужение лишь усугубляли напряженность обстановки. Кажется, что борьба за власть и влияние зашла слишком далеко, когда священнослужители стали подвергаться репрессиям и лишениям своих прав за свои убеждения²¹².

---

²¹⁰ Ильязова Р. В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918-1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 2020. С. 212.

²¹¹ Там же. С. 217.

²¹² См. подробнее: Скала А., прот. Церковь в узах. С. 492; Косых И. Н., Ястребов В. В. Бог есть любовь: из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии. 1832–2016 годы. Ульяновск, 2016. С. 127.

Анализ периодической печати показывает, что формируются антирелигиозные рубрики в популярных для чтения газетах. Это свидетельствует о стремлении советских властей к дезавуированию и ослаблению церковной организации и идеологии в стране²¹³. Также в местной периодике стали появляться статистические данные о доходах духовенства²¹⁴. Такая рубрика была направлена на демонстрацию мелочности и жадности священников, что могло вызвать негативное отношение со стороны населения к Церкви как институту²¹⁵. Эти статьи могли служить для пропаганды антирелигиозных идей и попыток дискредитации духовенства перед общественностью. Разоблачение «поповьего беспредела» могло привести к усилению антицерковной агитации и критике со стороны приверженцев советской власти²¹⁶. Такие материалы могли играть важную роль в формировании общественного мнения и ориентировать людей на поддержку советского режима и антирелигиозной политики. Однако они также могли вызвать раздражение и протесты со стороны прихожан и верующих, что могло усилить социальные напряжения и конфликты в обществе²¹⁷.

В периодической печати антирелигиозная борьба в период советской власти включалась во внутривластную борьбу и направлена была на разоблачение духовенства как защитников интересов кулачества²¹⁸. Важным моментом было лишение «бывших и настоящих служителей культов»²¹⁹ права на пенсию и пособия по безработице, что формально официально признавало их как нетрудовые элементы. Подобные действия показывали жесткую позицию советских властей в отношении религии и духовенства, видя их в качестве препятствия на пути к полной секуляризации общества²²⁰. Вместе с

---

²¹³ Мракобесы хозяйничают в Пасху // Волжский безбожник. 1930. №17. С. 6.

²¹⁴ Дворцов А. Корни поповской ненависти: «заработная плата» духовенства // Пролетарский путь. 1926. 4 января. С. 3.

²¹⁵ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1142. Л. 134.

²¹⁶ Попы гонят самогон // Пролетарский путь. 1928. 31 января. С. 3.

²¹⁷ Румянцев Н. Церковный налет на христиан // Безбожник. №6. С. 7-8.

²¹⁸ Антирелигиозник // 1928. №7. С. 73.

²¹⁹ Антирелигиозник // 1929. №7. С. 8.

²²⁰ Программа большевических действий // Волжская коммуна. 1931. №171. С. 1.

тем сложные взаимоотношения с духовенством могли создавать внутренние противоречия в различных антирелигиозных организациях и коллективах в Советском Союзе²²¹.

«Союз воинствующих безбожников» (СВБ) - организационно оформленное массовое общественное атеистическое движение. Во главе союза был Емельян Ярославский, являвшийся и редактором всех его печатных изданий. У этого союза была своя газета «Безбожник» (выпускалась с 1922 г. по 1941 г.), а также Центральный совет, возглавляемый Е. М. Ярославским. Под руководством совета в 1930 гг. находились 96 тыс. ячеек. Также выпускался журнал «Безбожник у станка». Благодаря в том числе и усилиям периодической печати ряды Союза безбожников за три года (1929-1932 гг.) увеличились с 465,5 тыс. до 8 млн. человек²²². Антирелигиозная деятельность СВБ происходила под девизом - «Борьба с религией есть борьба за социализм». Ущерб от деятельности СВБ и НКВД трудно подсчитать, поскольку огромное количество людей прошло сквозь механизм репрессий, уничтожались и вековые традиции церковного искусства – например, вместе с уничтожением колоколов исчезали и секреты колокольного литья. В стране снизился нравственный уровень населения, что свидетельствует о серьезном моральном уроне для страны.

В 1932 году Союз воинствующих безбожников, во главе которого стоял все тот же Емельян Ярославский, провозгласил девиз «забыть имя Бога», что стало актуализацией концепции «безбожной пятилетки». Основанием «Безбожной пятилетки» было своеобразное «квазибогословие» большевизма, не принимающее любые существующие формы религиозности, о чем говорилось в первом подпараграфе. В практической плоскости на протяжении 20-х годов «безбожную пятилетку» подготавливало активное выполнение

---

²²¹ См. подробнее: *Колкунова К. А.* Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1930-х годов // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2013. №49. С. 113–132; *Слезин А. А.* Антирелигиозное наступление советского государства в 1927–1929 гг. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=615 (дата обращения: 01.05.2024).

²²² Русская Православная Церковь. XX век. С. 251.

ленинских заветов в области пропаганды атеизма. В это время наблюдается рост количества всевозможных атеистических изданий: «Безбожник», «Революция и церковь», «Безбожник у станка», «Антирелигиозник», «Юные безбожники», «Деревенский безбожник» и многие другие. В 1932 году, когда началась «безбожная пятилетка», в Советском Союзе «издавалось 10 газет антирелигиозного содержания и 23 антирелигиозных журнала, функционировали Союз воинствующих безбожников и Государственное антирелигиозное издательство»²²³.

Важным аспектом «безбожной пятилетки», является техника осуществления целей, которые поставила перед собой советская власть²²⁴.

На XVII партийной конференции (30 января - 4 февраля 1932 г.) была определена первостепенная задача второй пятилетки – уничтожить последние буржуазные элементы, ликвидировать основания для классовых различий и эксплуатации, избавиться от пережитков буржуазного прошлого, как в хозяйственной жизни, так и в сознании общества, превратив всех трудящихся СССР «в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества»²²⁵. Основные задачи «безбожной пятилетки» были сформулированы Е. Ярославским в статье «Религия – враг социализма», перепечатанной в ульяновской газете «Пролетарский Путь». Главный лидер безбожников призывал: показать классовую сущность религиозных организаций, внедрения «плановости» во все сферы народного хозяйства (для осознания того, что «составлению и осуществлению их планов никакой бог помешать не может»), вести научно-просветительскую пропаганду и изучать марксистско-ленинскую теорию для уничтожения религиозного мировоззрения²²⁶.

---

²²³ Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009. С. 10.

²²⁴ Подробнее см.: Гурьянов П., свящ. Богословское осмысление большевистской концепции «безбожной пятилетки» («овладение временем» и «техника обезбоживания») [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://www.pravoslavie.ru/104724.html> (дата обращения: 30.06.2017).

²²⁵ Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета: НГ-религии, 2002, 30 октября. С. 5.

²²⁶ Ярославский Е. Религия – враг социализма // Пролетарский Путь. 1932. 25 апреля. № 95 (2796). С. 2.

По мнению С. Л. Фирсова, «сознательные и активные строители нового общества не могли быть носителями “религиозной заразы”. Антирелигиозную деятельность необходимо было усилить. Разумеется, Союз воинствующих безбожников не мог стоять в стороне от этого дела. И действительно, к ноябрю 1931 г. в его рядах числилось уже свыше 5 миллионов членов, объединенных в более чем 60 тысяч ячеек (а ведь в 1926 г. в Союзе было только 87 тысяч человек, в 1929 г. - 465 тысяч, а в 1930 г. - свыше 3,5 миллионов!). Тиражи антирелигиозной литературы также увеличивались год от года: если в 1927 г. организации безбожников издали книг и брошюр общим объемом в 700 тысяч печатных листов-оттисков, то в 1930 г. - уже свыше 50 миллионов. Тираж газеты “Безбожник” в 1931 г. достиг полумиллиона экземпляров, а тираж журнала “Безбожник” - 200 тысяч. Вовсю организовывались кружки юных безбожников (к концу 1931 г. в них было 2 миллиона человек). Кстати сказать, в 1932 г. в государственном антирелигиозном издательстве тиражом 12,5 тысячи экземпляров вышел и первый том пятитомного сборника председателя ЦС СВБ Е.М. Ярославского “Против религии и Церкви”»²²⁷.

Таким образом, печать являлась важным техническим средством реализации «безбожной пятилетки». Важным моментом является то, что в «безбожной» печати сразу возникают мотивы сакрализации В. И. Ленина, а его высказывания на религиозную тему превращались в своеобразный «канон». Так, Емельян Ярославский после смерти вождя издал небольшую книжку «Мысли Ленина о религии»²²⁸, переиздаваемую впоследствии несколько раз. В этой книжке есть примечательные слова: «Мы, безбожники, мы не верим в бессмертие тела Ленина. Но мы знаем, что мысли его, что дела его — бессмертны. Только такого бессмертия должен искать человек, только оно ценно, нетленно»²²⁹. Более того, если обратить внимание на плакаты во время «безбожной пятилетки», то можно обнаружить, что Ленин

---

²²⁷ Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 5.

²²⁸ Ярославский Е. М. Мысли Ленина о религии. М., 1924. 17 с.

²²⁹ Там же. С. 4.

всегда помещен в «красный угол» плаката. Поэтому плакат также стал «обезбоживающим» техническим средством.

Однако итоги безбожной пятилетки были скромные. Согласно переписи населения 1937 года из 30 миллионов неграмотных граждан СССР старше 16 лет лишь 5 миллионов считали себя неверующими, и 38,5 млн. человек из 68,5 млн. грамотных граждан позиционировали себя неверующими²³⁰.

Следовательно, безграмотность была важным барьером для атеистической пропаганды при помощи печати. Как отмечает Ильязова Р. В., в мае 1930 года в окружные и краевые Советы СВБ Средневолжского края было разослано предписание, что «крупнейшим тормозом безбожной работы является безграмотность населения»²³¹. При этом прилагались данные о планируемой ликвидации неграмотности населения: «Самара – 1000 чел., Самарский округ – 2000 чел., Пенза – 3500 чел., Ульяновск – 2500 чел., Сызрань – 1500 чел. и др. Была поставлена задача добиться полной ликвидации неграмотности в каждом районе не позднее 15 декабря 1932 г. В постановлении краевого штаба по культпоходу от 23 ноября 1932 г. отмечалось, что на 7 ноября обучением было охвачено лишь 37% неграмотных, к концу месяца, на 20 ноября – 49%»²³². В числе отстающих районов располагался и Мелекесский.

Однако более совершенным в деле антирелигиозной пропаганды стал кинематограф²³³. Ленинский девиз - «из всех искусств для нас важнейшим является кино»²³⁴ – является тому свидетельством. К тому же и Лев Троцкий в 1923 году в газете «Правда» также обращает внимание на кинематограф, который «развлечет, просветит, поразит воображение образом и освободит от потребности переступить церковный порог. Кинематограф — великий

---

²³⁰ Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 6.

²³¹ Ильязова Р. В. Указ. соч. С. 173.

²³² Там же.

²³³ См.: Гурьянов П. С. Антирелигиозная борьба большевиков в 1920-1930-е гг. при помощи кино // Общество: философия, история, культура. 2018. Краснодар. № 8. С. 131-135.

²³⁴ Болтянский Г. М. Ленин и кино. М., Л., 1925. С.19.

конкурент не только кабака, но и церкви. Вот орудие, которым нам нужно овладеть во что бы то ни стало!»²³⁵. Нравнодушным к кино в деле антирелигиозной пропаганды был И. В. Сталин: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки»²³⁶ (XIII съезд РКП(б) 24 мая 1924 года). Таким образом, Кинематограф расценивался в правящих верхах не только как вид искусства, но и как орудие атеистической пропаганды.

Антирелигиозными кинопоказами занимался, в основном, Союз безбожников²³⁷. Повсеместно распространялись «антирелигиозные кинопередвижки», которыми руководили члены СВБ. Главной задачей воинствующих безбожников на кинопоказах было «руководство политической и идеологической сторонами работы»²³⁸. Эти кинопоказы, а также выступления «безбожных» агитаторов становились мощным средством дискредитации Церкви. На первом окружном съезде безбожников в Ульяновске также была поставлена задача - усилить антирелигиозную работу в округе с использованием кинопоказов, для чего следовало добиться от «советского кино» направления в деревню и клубы антирелигиозных кинофильмов²³⁹.

Тем не менее, антирелигиозная деятельность кинопередвижек, в частности, и просветительская деятельность с помощью кинематографа, в целом, со временем прекращаются, поскольку деятельность СВБ стала ослабевать.

Таким образом, изначальные цели и задачи «безбожной пятилетки» не были достигнуты (о чем свидетельствует перепись населения 1937 года). Но важно отметить, что характерные для нее цели и средства в той или иной

---

²³⁵ Троцкий Л. Водка, церковь и кинематограф // Киноведческие записки. 2000. № 45. С. 188.

²³⁶ Сталин И. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1947. С. 217.

²³⁷ Полтевский А. Н. Антирелигиозная фильма. М., 1930. С. 5.

²³⁸ Шагурин Н. Безбожное кино в деревне. Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино. М., 1930. С. 49.

²³⁹ Ульяновский окружной съезд безбожников. Вып. 1: (1-2 июня 1929 года) / Окружной Совет Союза безбожников. Ульяновск, 1929. С. 19.

форме используются и в настоящее время. В уставе СВБ целью создания организации являлось объединение всех трудящихся СССР для активной систематической и последовательной борьбы с религией во всех ее видах и формах, «как тормозом социалистического строительства и культурной революции»²⁴⁰. Эта общественная организация была не просто объединением безбожников, а действительно воинствующей силой партии большевиков с Церковью. Нужно сразу отметить, что Ярославский также руководил Антирелигиозной комиссией, возникшей еще в 1922 году при ЦК РКП(б) (затем ВКП(б)), в задачи которой входило обеспечение процесса отделения Церкви от государства. Эта комиссия при поддержке ОГПУ принимала непосредственное участие в закрытии храмов, монастырей, контролировала деятельность религиозных организаций по всей стране. Союз безбожников стал как бы общественным фундаментом, основанием всей атеистической работы партии и советского правительства.

В Средне-Волжской области и в Ульяновском округе, в частности, также существовала подобная организация. Так, 1 октября 1929 года в ульяновской газете «Пролетарский Путь» были опубликованы итоги состоявшегося ранее первого областного съезда воинствующих безбожников. На съезде звучали такие тезисы, как «антирелигиозная работа – крупнейшая работа партии и всей общественности», «религиозные общины – это легальная контрреволюционная организация», также был отмечен рост влияния религии (в Средне-Волжской области насчитывалось 36123 верующих в 1927 г., а в 1928 г. – уже 36805 верующих)²⁴¹. На съезде были выдвинуты следующие задачи: сделать организацию безбожников массовой, увеличить число беспартийных членов, создать крепкий актив, наладить просветительскую работу, усилить работу среди детей, наладить связи с зарубежными

---

²⁴⁰ Устав Союза воинствующих безбожников. М., 1930. С. 3.

²⁴¹ С первого областного съезда воинствующих безбожников // Пролетарский Путь. 1929. 1 октября. № 227 (2025). С. 2.

антирелигиозными организациями. Также было выдвинуто предложение издавать областную газету «Безбожник».

В Ульяновске, этом провинциальном городе, где были живы еще православные традиции с соответствующим укладом жизни, в 1927 г. в «Союз безбожников» входили 300 человек. На первом окружном съезде безбожников (1-2 июня 1929 года) отмечалось, что в ульяновском округе имеется 78 ячеек безбожников (28 ячеек находится в Ульяновске, а 16 ячеек – в Мелекесском районе). Всего в округе насчитывалось 2699 безбожников, 1015 из них находились в Ульяновске, а 397 – в Мелекесском районе²⁴². На этом съезде отмечалась неудовлетворительная антирелигиозная работа в округе, что связывалось с все еще высокой посещаемостью верующими церквей. Более того, признавалась активизация священников в противодействии антирелигиозной работе безбожников. В частности, в городе Мелекесе священники обновленческого и тихоновского течений приняли активное участие в диспуте, организованном местной ячейкой СВБ²⁴³.

Благодаря тому, что Ульяновское окружное бюро партии постановило, чтобы все члены партии обязательно вступили в эту организацию, к концу 1929 года ульяновская окружная организация СВБ включала в себя уже 8 районных советов, более 60 ячеек и 10000 членов. В «Отчете Президиума Ульяновского горсовета СВБ к 5-й городской и районной конференции СВБ о работе с 16/XII 1931 года по 15/XII 1932 года» сообщается, что в Ульяновске и ульяновском районе насчитывается 30 тыс. трудящихся, которые стали атеистами, а членами СВБ стали 9 000 человек. Также в отчете сообщается, что в составе организации было 4 245 мужчин, 2 000 женщин, а «юных членов СВБ до 3 000 чел.»²⁴⁴.

В Ульяновске действовал антирелигиозный университет, а в 1929 году в городе был открыт антирелигиозный музей, регулярно стали проводиться

---

²⁴² Ульяновский окружной съезд безбожников. С. 34-35.

²⁴³ Там же. С. 5.

²⁴⁴ Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (далее - ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1115. Л. 52-53.

антирелигиозные вечера, карнавалы, антипасхальные и противорождественские недели и т.д. Местным СВБ распространялась масса атеистической литературы (ее в те годы было выпущено огромное количество - более 9-ти миллионов экземпляров периодических изданий и более 2-х миллионов книг) – например, «Международное безбожное движение», «Николай Чудотворец и его икона в Промзино», «Детский поход на богов», «Ни одного дезертира с производственного фронта в пасхальные дни» и множество других сочинений.

В канун 12-й годовщины революции в Ульяновск поступило распоряжение ЦК СВБ с предписанием, чтобы все организации СВБ приняли активное участие в политической работе, которая будет развернута партией, общественными организациями и советской властью в связи с годовщиной Октября. В этом распоряжении были изложены и основные задачи в предстоящей кампании, где среди первоочередных значились: 1. Разоблачение контрреволюционной роли религиозных организаций в гражданской войне и в подготовке будущей войны против СССР; 2. Популяризация пятилетнего плана хозяйственного строительства и разоблачение «контрреволюционной» роли религии и церкви «как тормоза в осуществлении пятилетки, проведении непрерывной недели и т.д.»²⁴⁵. В Ульяновске подобные призывы приобретали максималистский характер: «...фронт церковников и сектантских организаций еще крепок и борьба с религией в нашем районе во 2-й пятилетке должна быть максимально развернута»²⁴⁶.

Если работа, проводимая воинствующими безбожниками против Церкви, иногда не справлялась с верой людей взрослых, то воспитанию юных безбожников уделялось особое внимание. Еще на первом окружном съезде безбожников в Ульяновске в 1929 году было предложено ячейкам СВБ обратить «серьезнейшее внимание» на организацию юнсекций при Союзе безбожников из молодежи возрастом от 14 до 17 лет. Задача юнсекций

---

²⁴⁵ Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 190.

²⁴⁶ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1115. Л. 52-53.

заключалась в том, чтобы при помощи легких бесед, несложных докладов сформировать у молодежи «безбожное мировоззрение» и подготовить для вступления в Союз безбожников²⁴⁷. В «безбожную пятилетку» увеличились масштабы детского безбожного движения. В «Отчете Президиума Ульяновского горсовета СВБ» сообщается, что в Ульяновске насчитывается 36 ячеек, членами которых были 2 500 юных воинствующих безбожников²⁴⁸. В этом отчете ставится цель более эффективной организации работы совместно с комсомольскими и пионерскими организациями – вовлечь «100 % всех школьников в ячейки СВБ»²⁴⁹.

Школьникам вменялось в обязанность проведение атеистической агитации и у себя в семье, и среди соседей. О проделанной работе ученики должны были рапортовать в школе, написав соответствующие отчеты. В одном из отчетов говорилось, что юный безбожник, ученик 4-й группы Кайдалов, после того как вступил в ряды СВБ, выпросил у мамы икону и сжег ее в печи, а стекло вставил в окно. Затем вместе с братом после споров с мамой о Боге выпросили и другую большую икону, которую также уничтожили. В другом отчете сообщается: «В городе Ульяновске у нас умер ребенок. Тогда хотели призвать попа. Но мы его не приняли. И когда он подошел к дверям, то мы сказали, что нам не надо. Он опять ушел домой. Мы похоронили с музыкой»²⁵⁰. Причем резолюции на подобных сочинениях свидетельствуют о том, что их изучали в соответствующих инстанциях и на их основе принимались решения.

Также школьники следили за учителями, сверстниками, родителями и доносили друг на друга. К тем, кто был уличен в религиозном поведении или симпатии к религии, в школах применялись различные меры общественной

---

²⁴⁷ Ульяновский окружной съезд безбожников. С. 25.

²⁴⁸ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1115. Л. 52-53.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Цит. по: *Скала А., прот.* Церковь в узах. С. 190.

критики: заметки в стенгазете, показательные суды, изгнание из рядов пионеров и комсомольцев²⁵¹.

Создание СВБ было одним из пунктов реализации изданного в начале 1929 года секретного циркуляра ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором борьба с религией приравнивалась к классово-политической. Проект указанного циркуляра был подготовлен Ярославским и секретарем ЦК Лазарем Моисеевичем Кагановичем, а в черновике согласован с Крупской и Смидовичем. 24 января 1929 года ЦК ВКП(б) утвердил окончательный текст циркуляра, и он был разослан во все руководящие партийные инстанции на местах. Этот документ положил начало новой волне гонений на Церковь и ее служителей. В частности, в этом документе было сказано, что в ответ на усиление социалистического строительства, а также борьбы с «кулацко-нэпманскими элементами» происходит сопротивление «буржуазно-капиталистических слоев», к которым причислялись и религиозные организации. В связи с чем наркому внутренних дел и ОГПУ приказывается не допускать нарушения советского законодательства религиозными организациями, поскольку «религиозные организации... являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»²⁵². Возросшее количество уголовных дел с этого времени по всей стране является свидетельством того, что циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы» реальное и действенное воплощение.

Атеистическая пропаганда являлась одним из главных направлений антирелигиозной политики большевиков. Церковь находилась под тотальным контролем как советских органов власти, так и общественных активистов СВБ. Воинствующие безбожники не только следили за жизнью общин

---

²⁵¹ Ильязова Р. В. Указ. соч. С. 178.

²⁵² О мерах по усилению антирелигиозной работы. (Окончательная редакция, принятая комиссией ПБ на основании постановления ПБ от 24 января 1929 г. протокол № 61, п. 4). Приложение № 1 к п. 4 пр. ПБ № 61. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://istmat.info/node/59437> (дата обращения: 25.03.2018).

верующих и за происходящими в них событиями, но и постоянно докладывали в вышестоящие инстанции о том, как обстоит дело с религиозной обстановкой в том или ином селе. Так члены Союза воинствующих безбожников становились секретными сотрудниками карательных органов.

Полученные данные от рядовых членов СВБ использовались местными органами советской власти для ужесточения атеистической борьбы и проведения антирелигиозной работы. На основе этих данных в газетах публиковались разгромные статьи, которые, в свою очередь, становились основой для принятия мер административного воздействия к местным руководителям советов и партийных организаций за пробелы в антирелигиозной работе. Органы ОГПУ и НКВД на основе полученных сведений предъявляли обвинения священно- и церковнослужителям в контрреволюционной деятельности и в антисоветской агитации.

В связи с начавшейся в 1932 году «безбожной пятилеткой» перед Ульяновским горсоветом СВБ были сформулированы задачи, связанные с формированием у граждан марксистско-ленинского мировоззрения и уничтожением традиционного религиозного. Также требовалось использование более эффективных форм и методов работы, в частности, распространение «безбожных» курсов. В целом, планировалось превратить «организации на основе этих задач в массовую организацию города и района с охватом членства в ближайший год не менее 20000 чел.»²⁵³.

Сразу началась активная кампания по закрытию церквей. Духовенство начало облагаться огромными суммами налогов. Доносы на священнослужителей становились причиной уголовного преследования. Других представителей духовенства, кого еще не арестовали, принудительно направляли на общественные работы, которые заключались в исполнении тяжелых работ. Повсеместное распространение такой практики вынудило ВЦИК издать специальный циркуляр № 2, согласно которому принудительные

---

²⁵³ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1115. Л. 52-53.

отправки священников на тяжелые работы «не допустимы», поскольку «отсталая часть населения» воспринимала их «страдальцами за веру», что только укрепляло их авторитет²⁵⁴.

К 1934 году активность Союза Воинствующих безбожников постепенно ослабевает. Иногда в документах того времени встречаются сведения о почти полном прекращении работы СВБ на местах. Одной из причин этого была убежденность в том, что основная работа по уничтожению идеологического противника завершена. Освободившись от принудительного членства в СВБ, многие из «безбожников» начали покидать ряды своей организации. Свидетельством тому является то, что суммы членских взносов, собранных в 1935 году, были в 10 раз меньше сумм взносов, поступавших в казну СВБ в прошлые годы. А в «Постановлении Куйбышевского Краевого Комитета ВКП(б) от 21 октября 1936 года “О политической агитации и антирелигиозной работе в крае”» говорится о неудовлетворительной работе, следствием которой стало усиление «контрреволюционной» активности «церковников и сектантов»²⁵⁵. Перед местными исполнительными органами была поставлена задача «законно оформить закрытие фактически бездействующих церквей, строго соблюдая при этом советское законодательство»²⁵⁶. Следовательно, несмотря на ослабление деятельности воинствующих безбожников в Куйбышевском крае²⁵⁷, в состав которого входил бывший Ульяновский округ²⁵⁸, советские органы власти все еще оставались активными участниками антирелигиозной борьбы.

В Постановлении бюро Куйбышевского областного комитета ВКП(б) от 5 сентября 1938 года «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Безенчукском, Литвиновском и Чапаевском районах» мы можем обнаружить

---

²⁵⁴ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 438.

²⁵⁵ ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 183-183 об.

²⁵⁶ ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 183-183 об.

²⁵⁷ С принятием Конституции СССР 5 декабря 1936 года Мордовская АССР вышла из состава Куйбышевского края, вследствие чего он был преобразован в Куйбышевскую область.

²⁵⁸ 30 июля 1930 года Ульяновский округ, как и большинство остальных округов СССР, был упразднен. Его районы отошли в прямое подчинение Средне-Волжского края.

свидетельства о том, что деятельность СВБ на территории нынешней Мелекесской епархии носила ослабевающий характер, рост численности безбожников был незначительным, пропагандистская работа при помощи лекций, бесед, печати также имела неудовлетворительный характер. В тексте Постановления виновниками неэффективности антирелигиозной борьбы объявлялись «горкомы, райкомы ВКП(б) и первичные парторганизации...»²⁵⁹.

В качестве мер, направленных на усиление атеистической пропаганды, было предложено секретарям райкомов и горкомов ВКП(б) и председателям райсоветов СВБ организовать в 1938 году семинары по подготовке руководящего актива в следующих городах: Куйбышеве, Ульяновске, Мелекесе, Чапаевске, Кузнецке, Сызрани²⁶⁰. К тому же предлагалось организовать областные месячные курсы для обучения 100 человек, регулярно проводить кружки безбожников, научно-просветительские кружки с привлечением лучших лекторов, делиться позитивными результатами работы в газетах, «организовать работу антирелигиозного музея»²⁶¹.

Таким образом, мы видим, что снижение эффективности антирелигиозной работы было связано как со спадом деятельности Союза безбожников, так и с мероприятиями самой советской власти. Последнее выражается и в несистематическом финансировании, и в нехватке квалифицированных кадров, и в репрессиях среди самих безбожников. Тем не менее, роль СВБ в распространении коммунистических взглядов среди молодого населения страны нельзя недооценивать²⁶².

Подводя итоги атеистической деятельности большевиков, отметим, что в результате переписи населения 1937 года численность неверующих возросла до 42,2 млн. человек – это 43,3 % взрослого населения. Следует учитывать, что среди этих людей были и те, кто из-за страха за свою жизнь вынуждены были называться атеистами. Более того, новое мировоззрение советских граждан

---

²⁵⁹ ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 74.

²⁶⁰ ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 75.

²⁶¹ ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 76.

²⁶² Яковлева Ж. В. Указ. соч. С. 189.

часто носило эклектичный характер, т. е. в нем уживались и религиозные взгляды, и отрицание существования Бога. Так, некий Жирихин после проверки членов ВКП(б) Барышского района сообщает, что у многих коммунистов имеются иконы в доме, распространены являются крещения детей или участие на крестинах, в свадьбах, оправления религиозных праздников со всеми ритуальными обычаями и т.д.²⁶³. А в Постановлении бюро Куйбышевского областного комитета ВКП(б) от 5 сентября 1938 года «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Безенчукском, Литвиновском и Чапаевском районах» сообщается, что сельчане справляют религиозные праздники во время уборочных и других полевых работ, «не ведут решительной борьбы с такими пережитками, как умыкание девушек и др.»²⁶⁴.

В «Записке отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП(б) Кагановичу Л. М., Андрееву А. А., Ежову Н. И. о состоянии антирелигиозной работы» в феврале 1937 г. можно увидеть своеобразный итог деятельности СВБ к 1937 г.: «Союз безбожников СССР перестал противостоять церковникам и сектантам в качестве серьезной силы»²⁶⁵. И далее приводятся конкретные цифры. В 1932 г. Союз безбожников имел 50 тыс. ячеек, около 7 миллионов членов, два миллиона из них в группах «юных воинствующих безбожников». В 1937 г. ячейки и районные советы Союза безбожников почти повсеместно развалились. Членов общества осталось около 350-400 тыс. Членские взносы в 1933 году были 200 тыс. рублей, а в дальнейшем сократились до 35 тыс. рублей в год. Более того, в записке отмечается, что «советы безбожников» в поисках средств стали заниматься «сомнительными коммерческими махинациями» (Крым, Сев. Кавказ, Узбекистан), в некоторых местах Союз безбожников «засорен троцкистами и другими преступными элементами...»²⁶⁶. Эта записка Тамаркина

---

²⁶³ ГАНИ УО. Ф. 26. Оп.1. Д. 36. Л.19-20.

²⁶⁴ ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 74-76.

²⁶⁵ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 320.

²⁶⁶ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 320.

свидетельствует также о начавшихся репрессиях в отношении руководителей СВБ.

Дальнейшая судьба организаций СВБ на территории Ульяновской епархии неразрывно связана с эволюцией этой организации по всей стране - по мнению С.В. Покровской, это период «посмертного существования»²⁶⁷. Влияние СВБ на жизнь страны уменьшалось.

В завершение параграфа кратко отметим, что помимо СВБ в антирелигиозной работе принял активное участие Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи, который систематически руководил процессом искоренения «религиозных и семейно-бытовых предрассудков, в первую очередь среди самих комсомольцев и пионеров»²⁶⁸. Тем самым ВЛКСМ оказывал значительное влияние на широкие массы подрастающего поколения. Так, согласно переписи населения 1937 года, преимущественное количество неверующих приходилось на молодых людей от 16 до 19 лет - 6 млн. 116 тыс. чел.²⁶⁹, - тогда как общее количество неверующих составляло 42,2 млн. человек²⁷⁰. 14 % молодых людей от общего числа неверующих – это значительный показатель. Следует также учитывать, что дети до 16 лет в данном опросе не участвовали, но как ранее было показано, вели активную антирелигиозную работу.

***

Проведенный анализ позволяет утверждать, что большевизм как антирелигиозная идеология достигла своей точки радикализации с течением времени. Эта идеология имела свое философское обоснование в

---

²⁶⁷ Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность: (1925-1947 гг.): дис. ... канд. ист. наук М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2007. С. 111.

²⁶⁸ Ильязова Р. В. Указ. соч. С. 130.

²⁶⁹ Там же. С. 204.

²⁷⁰ Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 г.: (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. М., 2000. № 1. С. 107.

материалистическом видении устройства общества. К. Маркс имел антирелигиозные настроения, считая, что религиозное сознание должно перестать существовать после материалистической революции. Однако положения основателей коммунистической теории были радикализованы В. Лениным и Ф. Энгельсом на почве российского общества. Призыв к свержению буржуазного класса не терпел компромиссов со смежными с государством институциями. Религия в их представлении превратилась в «пропагандистскую идеологию», места которой в революционном обществе большевиков не оказалось.

Таким образом, основой религиозной политики большевиков стал воинствующий атеизм, большевизм как антирелигиозная идеология был нацелен на тотальное переустройство общества, на радикальную борьбу с Церковью, ассоциированной с «орудием угнетающего класса». Следствием такого подхода стала радикальная борьба против всех конкурирующих с материализмом мировоззрений. Это и стало «генеральной линией партии» в стране в 20-30-е годы XX века, определив тем самым судьбы духовенства и верующих различных вероисповеданий.

Советское законодательство о религии существенно отличалось от его применения, что было исторически обусловлено. Меры, направленные на уничтожение религии в стране в 1929-1941 годах, в некоторых случаях опирались на советское право, а в других не имели законных оснований. Свидетельством таких расхождений является судьба репрессированных священнослужителей. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 года для советской власти имело стратегическое значение, поскольку действовало оно до 1990 года.

К 1929 году на территории нынешней Ульяновской области действовали три епархии разных течений Российского православия: истинно-каноническое течение Патриаршей Церкви под омофором Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) (30%, или 600, приходов), Ульяновский Епархиальный

Совет, находившийся под юрисдикцией ВВЦС («григорианцы») управлял около 60% всех православных приходов, Епархиальное Управление обновленцев (ВЦС) руководило не более 10% всех имевшихся в то время на территории нынешней Ульяновской епархии православных приходов. В Ульяновске в то время пребывали три правящих архиерея, что обусловит, в целом, положение иерархического безвластия в епархии вплоть до 1936 года. К концу 1937 года в связи с репрессиями духовенства Ульяновская епархия, как и Мелекесское викариатство, прекращают свое существование.

В 1931 году все храмы «сергиевцев» в Ульяновске были закрыты, кафедра Ульяновского епарха «тихоновского» течения переместится в Мелекес, второй кафедральный город епархии. С этих пор Мелекес фактически становится центром Ульяновской епархии. Именно поэтому в левобережной части округа абсолютное большинство приходов стали принадлежать истинному течению Российского Православия, а в правобережье доминировали григорианцы.

В антирелигиозной кампании, продолжавшейся с конца 1920-х – начала 1940-х годов можно выделить две основные составляющие: организационно-административную и агитационно-пропагандистскую. Организационно-административные меры в борьбе советской власти с религией и религиозными объединениями включали регистрацию религиозных объединений, в результате которой священники лишались мест служения, а храмы закрывались. Так, к началу 1940-х гг. в Ульяновске оставался действующим лишь один небольшой Воскресенский кладбищенский храм, причем несколько лет он не действовал. По всей епархии оставались действующими лишь три храма - Никольский храм в г. Мелекесе, церковь в с. Ивановка Чердаклинского района и церковь в с. Малая Хомутерь Барышского р-на. С конца 1929 по осень 1930 года колоколов лишились практически все церкви Ульяновска. Наиболее ценные и древние иконы передавались в музеи, в том числе и антирелигиозные, а из остальных икон делали мебель.

Операция советской власти по ликвидации кулачества как класса и начавшаяся в Средне-Волжском крае сплошная коллективизация давала большевикам возможность одновременно ликвидировать и духовенство вместе с наиболее активными прихожанами. «Церковники» были причислены к контрреволюционерам, а духовенство впоследствии - к кулакам. Причисленные к контрреволюционерам или кулакам священники и церковный актив отправлялись в концлагеря, где их расстреливали, или выселялись в северные районы страны.

Новый виток антирелигиозной борьбы связан с принятием Конституции СССР 1936 года. Конституция дала надежду, как светским гражданам, так и верующим, на справедливые отношения между государством и обществом и оказала влияние на подъем религиозных чувств верующих. Все больше появляется инициатив, направленных на открытие храмов, их реставрацию. И следует отметить, что апелляции верующих к Конституции иногда имела воздействия.

Идеологическая пропаганда в 1920-1930-е гг., направленная на отождествление в сознании граждан Родины Ленина – Ульяновска - с Революцией, идеями Октября в большей степени носила формальный характер, тогда как в 1960-е годы она подкреплялась реальной экономикой, демографическим подъемом, повышением благосостояния населения, что делало ее более действенной. Если идеологема «Родина Ленина» в 1920-1930-е гг. не отражала реальных перемен в социально-экономической и частично культурной (например, городская культура) сферах, то в антирелигиозной кампании и атеистической пропаганде, в частности, она обрела реальные основания. И связано это с деятельностью «Союза воинствующих безбожников».

К концу 1929 года ульяновская окружная организация СВБ включала в себя уже 8 районных советов, более 60 ячеек и 10000 членов. Следует признать, что СВБ оказал значительное влияние на разрушение религиозного мировоззрения, замену традиционной веры эклектическим мировоззрением.

Более того, заметная часть населения, особенно молодое поколение, заменило в своем сознании религиозные представления на коммунистические.

Сравнительный анализ антирелигиозной политики большевиков в различных регионах страны позволяет сделать вывод, что региональные различия («Родина Ленина») имели значение, однако они отходили на задний план по сравнению с борьбой советской власти за коллективизацию, индустриализацию, насаждению атеистического мировоззрения и искоренению препятствий проведению данного курса.

ГЛАВА 2. ОБЩИЙ ХОД И ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В МЕЛЕКЕССКОЙ ЕПАРХИИ В 1930-Е ГОДЫ

2.1. Судебные дела в отношении православного духовенства и мирян в общем контексте сталинских репрессий 1930-х годов

2.1.1. Репрессии конца 1920-х – начала 1930-х годов

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года стало основанием для ужесточения религиозного политического курса государства в отношении Церкви, духовенства и активных верующих. Необходимость сбора подписей для прохождения религиозными организациями государственной перерегистрации и выплаты ими непосильных налогов при активном противодействии местных властей, а также закрытие храмов и борьба со святынями – все это создавало условия «законного» преследования духовенства и активных верующих и, как следствие, возбуждения против них уголовных дел. Так, против самостоятельно обходивших дома односельчан членов церковного актива возбуждались уголовные дела по обвинению последних в проведении контрреволюционной агитации в домах граждан. При этом как идейный вдохновитель антисоветской работы на селе арестовывался и местный священник. Свидетельством тому является множество уголовных дел, о которых пойдет речь ниже.

В декабре 1927 года в Москве завершил работу XV съезд ВКП(б), одоббивший директивы по первому пятилетнему плану и провозгласивший курс на коллективизацию. Всех противников коллективизации объявили не просто врагами, а контрреволюционерами. В апреле 1928 года был принят закон о едином сельскохозяйственном налоге, которым были расширены льготы для колхозников и увеличен налог для единоличников и кулаков. По данным ОГПУ с января 1928 по декабрь 1929 года было зафиксировано 13 000 бунтов и массовых крестьянских выступлений во всей стране, во время

которых десятки тысяч крестьян были арестованы²⁷¹, что свидетельствует о сопротивлении крестьян политике коллективизации. Любое слово, сказанное против коллективизации, даже высказанная вслух жалоба на бесправие крестьян назывались антисоветской пропагандой и карались по всей строгости закона. В ход шла 58-я статья Уголовного кодекса²⁷², по которой судили всех «антисоветчиков». 27 ноября 1929 года И. Сталин объявил о переходе от «ограничения эксплуататорских тенденций кулаков» к «полной ликвидации кулачества как класса». Это означало лишь одно - начинался государственный террор в отношении крестьянства, и в том числе в отношении сельского духовенства, которое также занималось сельским хозяйством.

Так, за распространение «провокационных слухов» и подготовку массовых выступлений в 1929 году был арестован и осужден на пять лет ссылки в северный край настоятель храма в селе Большая Кандаля Старомайнского района Средневолжского края Александр Сунгуров (1863-1937 гг.)²⁷³. Что действительно сделал о. Александр, так это ходил по селу и спрашивал у прихожан лошадь, чтобы перевезти свое имущество, поскольку власти его из собственного дома выселили и приказали в кратчайшее время освободить дом и подворье. Однако жители забеспокоились о том, что храм закроют, а священника арестуют, и в количестве ста человек выступили в защиту о. Александра²⁷⁴. Несмотря на то, что жителям села сначала удалось отстоять священника, через месяц его все-таки арестовали. После освобождения о. Александра снова арестовали и за «сокрытие церковных ценностей», а также за «антисоветскую агитацию и контрреволюционную

---

²⁷¹ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 195.

²⁷² Статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. и более поздних редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность. 58-10 - Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.58-2 - 58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой - лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. 58-11- Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе контрреволюционных преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям (См.: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 1018-1022.).

²⁷³ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 552.

²⁷⁴ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2315. Л. 19.

пропаганду» 26 августа 1937 года по статье 58-10 УК РСФСР тройкой при УНКВД по Куйбышевской области получил расстрельный приговор и 12 октября 1937 был расстрелян²⁷⁵.

2 февраля 1930 года ОГПУ издает совершенно секретный приказ за № 44/21, который так и называется «О ликвидации кулака как класса»²⁷⁶, подписанный зам. председателя ОГПУ Генрихом Ягодой. В преамбуле этого приказа сказано, что в целях более организованного проведения ликвидации кулачества как класса, особенно в районах сплошной коллективизации, по зажиточным крестьянам, обозначенным как «активная, контрреволюционная часть», должен быть нанесен «сокрушительный удар»²⁷⁷. Борьба с этой контрреволюционной силой предполагала следующие мероприятия. Во-первых, следовало немедленно ликвидировать контрреволюционный кулацкий актив, а также те лица, которые состояли в «действующих к.-р. и повстанческих организациях» — это была первая категория репрессируемых. Во-вторых, предполагалось «массовое выселение наиболее богатых кулаков», из которых «формируется к.-р. актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов»²⁷⁸. Это была вторая категория.

Поскольку «Сибирь оказалась неподготовленной» для принятия высланных семей, то Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) № 222 от 5 февраля 1930 г. было решено «разбить операцию на три очереди» и выселить сначала 60 тысяч семейств до апреля 1930 г.²⁷⁹.

И уже 7 марта 1930 года в «Записке И.В. Сталина членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК, членам Президиума ЦКК...» (№ 224) ставится вопрос

---

²⁷⁵ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2315. Л. 32.

²⁷⁶ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930-1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 163-167.

²⁷⁷ Там же. С. 163.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партии и государственной власти. (Янв. 1922 дек. 1936 гг.) / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 220.

«об извращении партийной линии в области колхозного строительства», что свидетельствует о действительных «перегибах на местах»²⁸⁰.

Спустя год Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) № 257 от 25 марта 1931 года было решено выселить в Северные районы Западной Сибири 40 тыс. кулацких хозяйств, а в Казахстан – 150 тыс.²⁸¹.

Из «Спецсообщения Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о завершении операции по выселению кулачества» от 15 октября 1931 года мы узнаем, что в 1930 году было перевезено всего 77 795 семей (371 645 чел.), с 20 марта по 13 сентября 1931 года было выселено 162 962 семьи (787341 чел.), всего же было выселено 240 757 семей (1 158 986 чел.)²⁸².

Для рассмотрения во внесудебном порядке этим же приказом было постановлено создать при ПП ОГПУ тройки, состоящие из представителей самого краевого руководства ОГПУ, крайкома ВКП(б) и прокуратуры. Эти тройки определяли судьбы людей до 1938 года.

После ликвидации кулацких хозяйств имущество шло на погашение долгов кулаков, а также в фонды колхозов в качестве взноса бедняков, которые вступали в колхозы. Так формировалась колхозная собственность, реформировалось сельское хозяйство в стране.

В основе этих мероприятий лежало также еще ранее изданное, совершенно секретное постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»²⁸³. Именно на нем основывался приказ ОГПУ, из него были взяты и цифры. Но в этом же постановлении есть и еще несколько пунктов, которые стали основой усиления преследований духовенства и церковных активов, а также массового закрытия храмов, а именно: «Срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях в духе полного исключения

---

²⁸⁰ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина... С. 226.

²⁸¹ Там же. С. 265.

²⁸² Там же. С. 267.

²⁸³ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М, 2000. С. 126-130.

какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений (церковные советы, сектантские общины и пр.) в опорные пункты кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов»²⁸⁴. Было решено закрывать церкви, молитвенные дома, усилить борьбу с религиозным и сектанским движением, также с возникающими при этом препятствиями.

Так, в феврале 1930 года была обнаружена «кулацкая группировка» в селе Красная Река Старомайнского района Средневолжского края. В нее входили четверо зажиточных крестьян и священник Иаков Семенович Кольчин (1889-1930 гг.)²⁸⁵. Согласно показаниям свидетелей, священник оказывал сопротивление снятию колоколов с храма, произносил антисоветские проповеди, а также вел пропаганду обновления икон в домах верующих²⁸⁶. В обвинительном заключении Уполномоченного ИНФО ПП ОГПУ Сафронова сказано, что священник Кольчин И. С. и четверо мирян (Ф. И. Ильин, Н. Жидяевский, А. Белов, Н. Е. Борисов) оказывали активное содействие белым против красных, на нелегальных совещаниях обсуждали вопрос – «как противодействовать мероприятиям, проводимым на селе», вели агитацию против кампании хлебозаготовок и сбора задатков на трактора, «запугивали бедноту и актив села, ввиду чего задержалась коллективизация села и проводимые кампании», «активно способствовали белым и задерживали наступления красных, сжигая мосты»²⁸⁷. Священник Иаков на допросе предъявляемые обвинения не признавал, утверждая, что «проповеди еженедельно говорил и исключительно на тему поучений из Евангелия, антисоветской агитации никогда не вел и во время проповедей в церкви против советской власти и ее мероприятий не выступал»²⁸⁸. Несмотря на отсутствие доказательств противозаконных действий о. Иакова, его осудили и по постановлению тройки ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10 УК

---

²⁸⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939... С. 130.

²⁸⁵ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 545.

²⁸⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5264. Л. 86.

²⁸⁷ Там же. Л. 98.

²⁸⁸ Там же. Л. 55.

РСФСР через два месяца после ареста расстреляли вместе с Ф. П. Ильиным²⁸⁹. Такой приговор довольно редко встречается в судебных делах в отношении священно-, церковнослужителей в начале 1930-х годов²⁹⁰.

Если в селах духовенство преследовалось как пособник кулачества и враг колхозного строительства, о чем уже говорилось выше, то в отношении городских священнослужителей ОГПУ приходилось действовать иным образом. В городах начали выявлять некие контрреволюционные ячейки и группы, которые якобы имели влияние на деревню²⁹¹. Специальным секретным предписанием полномочного представителя ОГПУ по Средневолжскому краю от 16.10.1930 г. всем отделам ОГПУ, начальникам опергрупп и горотделов приказано «очистить города от всего антисоветского элемента». Согласно с этим предписанием «подлежали изъятию... лица, представляющие из себя социально-вредный элемент в политическом отношении»²⁹². Разумеется, в числе первых в эту категорию попадали служители Церкви. Попадало духовенство и в число иных «элементов», а именно: тех, кто «не занимается общественно-полезным трудом за все время существования советской власти». После закрытия большинства городских храмов священнослужители остались безработными и, по причине своего бывшего служения Церкви, не могли устроиться ни на какую иную работу (если не считать получение «прощения» от власти после публичного отречения от веры и Церкви), и они подпадали и под третью категорию врагов: «Безработные, которые не могут быть допущены на работу по политическим мотивам (по классовому признаку и проч.)». В случае невозможности отнесения активных верующих к перечисленным категориям вырочала отдельная статья: «Проявляющие активную антисоветскую деятельность, члены церковно-приходских советов...». В этом предписании ПП ОГПУ есть

---

²⁸⁹ Остальные подозреваемые миряне были отправлены в концлагерь. См.: АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5264. Л. 98.

²⁹⁰ На территории Мелекесского викариата в означенный период было два «расстрельных» приговора. В 1930 году также был расстрелян священник Гневушев Александр Федорович, о котором будет сказано ниже.

²⁹¹ Подробнее о «контрреволюционных» судебных делах будет сказано во втором параграфе данной главы.

²⁹² Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 358.

и еще одно характерное положение: «...надо подбирать на каждое лицо компрометирующий материал, содержащий в себе достаточно оснований для заключения в концлагерь и исправительно-трудовые дома»²⁹³. В этом на помощь ОГПУ приходили доносчики из Союза воинствующих безбожников. Но иногда для законного оформления уголовного расследования необходимы были зафиксированные показания свидетелей. И главный чекист края предписывает заранее подготовить таких свидетелей, которые могли бы давать нужные следствию показания.

Так, в городе Сингелей Сингелеевского района за «злостную контрреволюционную агитацию» летом 1931 года были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком на три года протоиерей Лебязьев Михаил Николаевич (1865-? гг.)²⁹⁴, диакон Грачев Иоанн Феоктистович (1884-? гг.)²⁹⁵, а также двое активных верующих (Д. И. Яшин и А. М. Терехин). В обвинительном заключении Уполномоченного первого отделения ОГПУ Тимофеева причины осуждения указываются следующим образом: «в целях борьбы с мероприятиями Советской власти, проводимыми на селе, вели усиленную агитацию против таковой, а также агитировали против проводимой кампании по закрытию церкви»²⁹⁶. Никто из обвиняемых виновными себя в предъявленном им обвинении не признали.

В целом, за период с 1929 года по 1932 год на территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком от 3 до 10 лет 63 священника и церковных служителей, а также 25 активных мирян. Два священника были расстреляны²⁹⁷.

---

²⁹³ Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 358.

²⁹⁴ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 510.

²⁹⁵ Там же. С. 502.

²⁹⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4799. Л. 91.

²⁹⁷ Данные расчеты были произведены на основе данных в «Книге памяти жертв политических репрессий».

2.1.2. «Ослабление репрессий» 1933–1934 годов

В 1933–1934 гг. произошли изменения в репрессивной политике государства. Репрессии в отношении крестьянства привели к нехватке трудовых ресурсов на селе. Одновременно с кулачеством под репрессии попали лучшие и здоровые крестьянские силы.

В связи с этим 8 мая 1933 года за подписью Председателя Совета Народных комиссаров СССР В. Молотова и Секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина появляется секретная инструкция, адресованная всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры. В ней отмечается успешность реформирования сельского хозяйства, коллективизации и борьбы с кулаками. Однако помимо успехов сказано еще и о том, что репрессии задели не только «кулаков, но и единоличников, и часть колхозников»²⁹⁸. Следовательно, от них нужно отказаться, хотя в документе и сказано, что в них советская власть «не нуждается».

Отмечаются в инструкции и перегибы, такие, например, как «массовые беспорядочные аресты в деревне». Причем арестовывали все, кто только мог: председатели колхозов, члены правлений колхозов, председатели сельсоветов, секретари ячеек, районные и краевые уполномоченные. В результате широко распространенной практики арестов теми, кто не имел на это права, органы, обладающие этим правом (органы ОГПУ, милиция), арестовывали еще больше и «зачастую проводят аресты без всякого основания, действуя по правилу: сначала арестовать, а потом разобраться»²⁹⁹.

Далее в инструкции дано четкое указание: «ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют: немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян». Однако несколькими строчками ниже читаем пояснения: «Выселение допустить только из следующих областей и в следующих предельных количествах: ... Средняя Волга – 1 тыс. хозяйств»³⁰⁰.

---

²⁹⁸ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 747.

²⁹⁹ Там же. С. 747.

³⁰⁰ Там же. С. 748.

В инструкции также заявлено о необходимости изменения меры наказаний в отношении уже осужденных: заключенным в лагеря на срок до трех лет заменить наказание принудительными работами на 1 год, а остальной срок считать условным; осужденные на срок от 3 до 5 лет направлялись из лагерей в трудовые поселки³⁰¹.

Вслед за инструкцией ЦК ВКП(б) и СНК появляется секретное распоряжение ЦК Контрольной комиссия ВКП(б) для наркомов юстиции союзных республик и ОГПУ. В этом документе, в частности, говорится о том, что «чрезвычайные» масштабы судебных репрессий обусловили переполнение мест лишения свободы, а также перегрузке всех органов следствия, суда и прокуратуры, качество работы которых, в конечном итоге, снизилось. Все это приводит к выводу авторов документа, что произошло «направление удара судебной репрессии мимо цели»³⁰².

Эти документы свидетельствуют об обеспокоенности руководства страны. На основании принятых решений партии и правительства из мест заключения стали досрочно возвращаться крестьяне. Вместе с ними домой из концлагерей и ссылок стали приезжать и священнослужители.

На территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии было возбуждено пять судебных дел в отношении православного духовенства и активных верующих в 1933 году (в 1934 судебных дел на данной территории возбуждено не было). В обвинительных заключениях были стандартные формулировки, такие как «антисоветская и антиобщественная деятельность», религиозная, антисоветская, антиколхозная пропаганда, агитация. Так, в 1933 году в селе Кокрять Старомайнского района за антисоветскую агитацию были осуждены к заключению в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) сроком на 3 года (условно) псаломщик Одинцов А. М. и председатель церковного совета Лопанов И. Ф. Также двух монахинь выслали в Казахстан с прикреплением

---

³⁰¹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 749.

³⁰² Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. Лондон, 1992. С. 424.

там на жительство. Псаломщику Данилину И. Ф. зачли в наказание срок предварительного заключения с августа по ноябрь 1933 года³⁰³. Такие относительно мягкие приговоры в этом деле связаны, с одной стороны, со слабостью обвинительного заключения, поскольку кроме доносов на фигурантов дела реальных фактов их противоправной деятельности найдено не было, а с другой – с общим ослаблением репрессивного курса в стране.

Всего в означенный период на территории Мелекесского викариатства были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком от 3 до 5 лет 9 священников и церковных служителей, а также один активный мирянин³⁰⁴.

Итак, масштаб репрессий с 1933 года уменьшился. В последующие несколько лет число осужденных по церковным делам значительно снизится. Но не исчезнет совсем.

2.1.3. Нарастание и пик репрессий в 1935–1938 годах

С новой силой репрессии против духовенства и активных мирян продолжились в 1935–1938 годах. Так, Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 14 февраля 1935 года была введена уголовная ответственность за совершение религиозного обряда над детьми без согласия родителей, в результате чего самое основное таинство Церкви, коим является крещение, стало уголовным преступлением. В этом постановлении совершение религиозного обряды классифицировалось как социально опасное действие, которое влечет за собой уголовную ответственность по ст. ст. 16 и 123 Уголовного кодекса³⁰⁵.

---

³⁰³ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5145. Л. 55-56.

³⁰⁴ См.: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. 1024 с.

³⁰⁵ Приказчикова О. Б. Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929-1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. II: 2 (31). С. 48.

Продолжались преследования духовенства и активных верующих за антисоветскую агитацию. В 1935 году на территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии по данному обвинению были осуждены и приговорены к высылке в Красноярский край сроком на 5 лет священник Тихонов Ефим Иванович (1862-?), а также 7 мирян. Один мирянин был отправлен в ИТЛ сроком на 3 года. Согласно обвинительному заключению, эти люди собирались в сторожке Криушинской церкви в селе Криуши Сенгилеевского района и в «контрреволюционном духе» истолковывали Священное Писание и пели антисоветские стихи. В этих собраниях также принимали участие жители других сел Сингилеевского и Ульяновского районов, число участников иногда доходило до 80 человек³⁰⁶. Религиозные песнопения, в которых тема Страшного Суда являлась одной из главных, очевидно, принимали контрреволюционную окраску, а распространители стихов становились врагами народа³⁰⁷.

Также за участие в «нелегальных сходках» - «антисоветских религиозных сборищах контрреволюционной организации», на которых проводилась «контрреволюционная, антиколхозная агитация», в 1936 году были арестованы иеромонах Иннокентий (Ромашев И.Д.), а также 4 активных мирян – жители села Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского района. В обвинительном заключении сказано, что Ромашев И.Д. систематически занимался контрреволюционной агитацией среди населения, преследуя «цель развала колхоза, распространяя провокационные слухи о скорой гибели советской власти, - т.е. в действиях, предусмотренных ст. 58-10 УК»³⁰⁸. Несмотря на то, что обвиняемые отрицали свое участие в вымышленной контрреволюционной организации, они были приговорены к заключению в ИТЛ сроком от 1 до 5 лет³⁰⁹.

---

³⁰⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4829. Л. 78.

³⁰⁷ Там же. Д. 4829. Л. 77.

³⁰⁸ Там же. Д. 5234. Л. 182-183.

³⁰⁹ Там же. Л. 182-186.

В 1936 году была принята новая конституция страны, получившая именование «сталинской». Она была более демократичная, чем предыдущие конституции 1918 и 1924 гг. Следует отметить, что важное отличие Конституции 1936 года от предыдущих конституций заключалось в уравнивании статуса граждан, закреплении всеобщности прав и свобод. В первых советских конституциях в число тех, кто не может избирать и быть избранным, были включены «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов», и духовенство ограничивалось в своих правах наравне с «буржуазными элементами», душевнобольными, преступниками³¹⁰. Согласно Статье 135 Конституции 1936 года выборы объявлялись всеобщими, и ни вероисповедание, ни социальное происхождение теперь не являлись препятствием для осуществления священнослужителями права участвовать в выборах депутатов и быть избранными депутатами Верховного Совета СССР (если они не находились в местах лишения свободы)³¹¹. И, как ранее уже отмечалось, власти опасались того, что представители духовенства примут активное участие в выборах в Верховный Совет СССР в декабре 1937 года. Поэтому репрессии в отношении духовенства в 1937 году усиливаются, а надежды духовенства на благоприятные изменения в жизни в связи с новой Конституцией сменились разочарованием.

Показательным в этом отношении является дело «О пораженческой антисоветской агитации, проводимой священником с. Новая Сахча

---

³¹⁰ Статья 69 Конституции РСФСР 1925 года гласила: «Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией; д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок» (Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/ (дата обращения: 23.08.2018 года).

³¹¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 23.08.2018 года).

Мелекесского района о. Симеоном Тюлиным» (1937 год). Отец Симеон надеялся, что после принятия Конституции 1936 года в селе удастся вновь открыть храм. Более того, он отправлял ходатайство в Москву. Он зачитывал членам церковного совета положения основного закона, где гражданам гарантировалась свобода вероисповедания. В обвинительном заключении отмечено, что Тюлин С.В. в 1936 году собрал 5-6 чел. и потребовал от них провожатого, чтобы «поехать самому в Куйбышев хлопотать об открытии церкви. Верующие были вынуждены под влиянием его агитации дать ему провожатого и деньги»³¹². Священника Симеона Тюлина, 58-летнего инвалида, приговорили к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Сведений о дальнейшей его судьбе нет³¹³.

С 1937 года начались масштабные репрессии в стране, затронувшие не только Российскую Православную Церковь, но и другие конфессии. Репрессиям подвергались и обновленческое движение, и григорианцы, несмотря на первоначальную поддержку со стороны государства³¹⁴.

Ранее уже отмечалось расхождение между советским законодательством о религии и его реализацией. Но для более глубокого понимания развития отношений между государством и Церковью в 30-е годы XX века отметим несколько существенных моментов.

С 1929 года священнослужители, как лица, лишённые избирательных прав, в соответствии с действующей тогда конституцией не могли быть учредителями религиозных объединений, поскольку быть учредителем означало исполнять определенные гражданские обязанности. Но даже после принятия в 1936 году Конституции СССР, символизировавшей победу социализма и дарующей всем гражданам равные права, постановление 1929 года, несмотря на обнаружившиеся противоречия с ней, отменено не было,

---

³¹² АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2783. Л. 22.

³¹³ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 388.

³¹⁴ Подробнее см.: *Полозова К. А., Федотов А. А.* Репрессии против православного и обновленческого духовенства в России в 1936-1937 годах в контексте государственного законодательства (по материалам Ивановской области) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 214-222.

более того, оно просуществовало до 1990 года.

Именно репрессии 1937 года и стали главным способом устранения данного противоречия. Более того, противоречия в законодательстве позволяли использовать те законодательные акты, которые были тактически более подходящими.

Интересен тот факт, что в 1937 году в высшем руководстве страны распространенным было мнение, что законы, определяющие деятельность религиозных организаций, следовало отменить. Это в полной мере относилось и к постановлению 1929 года. Основанием для подобного взгляда являлась данная законом возможность верующим создать «сетевую враждебную советской власти легальную организацию, в связи с этим выдвигалось и требование упразднения органов церковного управления»³¹⁵.

К тому же в 1937 году руководство страны в своей антирелигиозной политике могло не обращаться за поддержкой к раскольническим течениям, обновленцам или григорианцам. Ставка теперь делалась на атеистов, Союз воинствующих безбожников.

После принятия новой Конституции СССР в 1936 году многие граждане надеялись, что в стране начнутся демократические преобразования, что при помощи выборов депутатов можно повлиять и на политику государства. Духовенство также надеялось. В частности, некоторые обновленческие священнослужители полагали, что участие в выборах в качестве кандидатов в депутаты позволит изменить прежнее репрессивное законодательство о религии.

Выборы в Верховный Совет СССР должны были состояться в декабре 1937 года, выборы в республиканские и местные Советы - в 1938-1939 гг. Оказалось, что среди кандидатов в депутаты в некоторых регионах страны были представители духовенства.

Реакция на подобное положение дел была незамедлительной. Союз

---

³¹⁵ Полозова К. А. Указ. соч. С. 53.

воинствующих безбожников активизировал работу среди партийных организаций, призывая к усилению антирелигиозной работы, что впоследствии также оказало влияние и на репрессии против мирян и духовенства, и на закрытие храмов и др. Так, в окружной ульяновской газете «Пролетарский Путь» в рубрике «Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР» конкретизируется возможность выдвижения религиозными объединениями своих кандидатов в депутаты – «такого права религиозные объединения иметь не могут»³¹⁶. Дело в том, что, согласно официальной позиции, религиозные объединения не только не отвечают интересам трудящихся в плане развития политической активности, но и «преследуют антиобщественные цели»³¹⁷. Не могут религиозные объединения выставлять своих кандидатов на выборах еще и потому, что эти объединения не пользовались правом юридического лица, более того, это стало бы нарушением статьи 124 Конституции 1936 года, где было сказано: «церковь в СССР отделена от государства»³¹⁸. А через несколько дней в той же газете и в той же рубрике «Ответы читателям...» имеются пояснения о возможности участия в выборах лиц, находящихся под стражей, - все эти лица (вне зависимости от того, отбывают ли они наказание или находятся под следствием) являются пораженными в правах и не могут принимать участия в выборах весь период заключения³¹⁹. Таким образом, от участия в выборах были отстранены не только представители духовенства, но и активные миряне, находящиеся под следствием.

В конечном итоге, депутатов-священнослужителей не было, так как благодаря НКВД «многие потенциальные кандидаты были арестованы еще накануне их выдвижения»³²⁰. Воспользоваться своими гражданскими

---

³¹⁶ Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР // Пролетарский Путь. 1937. 12 августа. № 183 (3267). С. 2.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР // Пролетарский Путь. 1937. 16 августа. № 186 (3270). С. 2.

³²⁰ Там же. С. 128.

правами, данными Конституцией 1936 года, духовенству не дали. Официально об этом говорить было невозможно, поэтому в недрах НКВД разрабатывались разнообразные основания для масштабных репрессий. Как покажет анализ следственных дел против священников и мирян Мелекесского викариатства, в рассматриваемый период число обвинений в «контрреволюционной деятельности» резко возрастает.

2 июля 1937 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП (б) № П51/94 «Об антисоветских элементах», в котором была предопределена участь духовенства и активных мирян, которые находились в ссылках, в заключении или на свободе. В телеграмме, направленной секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и подписанной самим Сталиным, мы читаем: «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»³²¹.

На следующий день народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов получил от И. В. Сталина выписку из протокола прошедшего ранее заседания с соответствующими поручениями. Начались массовые расстрельные репрессии политических заключенных, в том числе духовенства и активных мирян.

30 июля 1937 года наркомом внутренних дел СССР Н. Ежовым был подписан совершенно секретный оперативный приказ за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В преамбуле этого приказа было сказано, что в деревне находится значительное количество бывших репрессированных, скрывшихся от репрессий, а также бежавших из лагерей. В деревне также большое количество «в прошлом репрессированных церковников и

---

³²¹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 от 2 июля 1937 г. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://old.memo.ru/history/document/pbkulaki.htm> (дата обращения: 17.02.2017).

сектантов... Из-за недостаточности борьбы с этим уголовным контингентом создались условия безнаказанности, способствующие преступной деятельности»³²². После обозначения причин предстоящих репрессий нарком предписывает подчиненным ему органам внутренних дел перейти к практическим действиям, а именно: «беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов». Для этого Ежов приказал с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях «начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников»³²³.

Все подлежащие репрессиям «антисоветские элементы» были разбиты на две категории. К первой относились «наиболее враждебные» из них. Этих граждан, после рассмотрения их дел тройками, расстреливали. Вторую категорию составляли «менее активные, но все же враждебные элементы», то есть все остальные граждане. Их надлежало арестовывать и отправлять в концлагеря на срок от 8 до 10 лет. И здесь же был утвержден количественный «план» репрессируемых. Так, по Куйбышевской области (в ее состав тогда входил и укрупненный Ульяновский район, и Мелекесский район) предписывалось расстрелять 1000 человек, а 4000 осудить на длительные сроки заключения³²⁴. Здесь необходимо провести некоторое уточнение. В состав Средне-Волжского края (в 1935 году переименованного в Куйбышевский край, а затем в Куйбышевскую область) входили территории нынешних Пензенской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской областей. Указанные выше цифры относились ко всей Куйбышевской области. Но вот что было в реальности: только на территории нынешней Ульяновской области

---

³²² № 13 Оперативный приказ Народного комиссара Внутренних Дел Союза С.С.Р. № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов [Электронный ресурс] // Дмитриев В. Симбирская Голгофа. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://archo73.ru/Russian/20vek/golgofa/documenti/pricas13.htm> (дата обращения: 15.09.2017).

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

было расстреляно более 1500 человек, а всего репрессировано около 8000 человек³²⁵.

Согласно предписаниям сразу начались массовые аресты. Обвинения арестованным тогда предъявлялись, можно сказать, фантастические: в заговорах, шпионаже, саботаже, терроре.

Так, в статье «Шпионы в рясах», опубликованной в «Известиях» и перепечатанной в ульяновской газете «Пролетарский Путь», все религиозные организации СССР представлены как агенты иностранных разведок, а члены религиозных объединений – настоящие или возможные шпионы. Данное утверждение подкрепляется в статье ссылкой на многовековой шпионский опыт, как католической церкви, так и православной церкви дореволюционной России. После Октябрьской революции вокруг Церкви и «сектантских молелен» стали объединяться антисоветские силы – это и агенты буржуазных разведок, и белогвардейская контрразведка. В качестве подтверждения рассматривается «шпионская» деятельность патриарха Тихона, киевского митрополита Антония (Храповицкого), новочеркасского архиепископа Митрофана. А поскольку после гражданской войны среди эмигрантов были и представители духовенства, то, согласно официальной «легенде», они и стали «наемниками» иностранных разведок, поскольку на Родине у них оставалась обширная сеть знакомств. Ответ на вопрос, почему священники становились шпионами и стремились навредить Стране Советов, приводится в статье в якобы имевшем место призыве митрополита Антония (Храповицкого): «... убивай коммунистов. Не оставляй в живых и детенышей змеиных»³²⁶. Таким образом, по всему СССР органами НКВД обнаруживались «шпионы в рясах». Не была исключением и Куйбышевская область, на территории которой находилось Мелекесское викариатство. Эта шпионская организация возглавлялась бывшим крупным домовладельцем Исаевым и имела свою штаб-квартиру в Куйбышеве. «Контрреволюционеры» имели связь с

---

³²⁵ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 552-553.

³²⁶ Цит. по: Кандидов Б. Шпионы в рясах // Пролетарский Путь. 1937. 11 августа. № 182 (3266). С. 2.

московскими «церковниками» и готовили террористические акты против партийных и советских работников. Данная организация, как сообщает автор статьи, была раскрыта, ликвидирована. А все участники были осуждены. Статья заканчивается призывом «следить за церковниками», быть бдительными и «всюду распознавать врага»³²⁷. Тема шпионской деятельности представителей духовенства, их связи с «буржуазными» разведками становится одной из главных в антирелигиозной борьбе на страницах периодической печати. Прошло меньше месяца, прежде чем на страницах «Пролетарского Пути» появилась новая статья из «Комсомольской Правды» о шпионских разоблачениях «церковников»³²⁸.

Как справедливо утверждает Ю. Р. Такала, в репрессивной политике советской власти существовал «шпионский дискурс», который особенно был «востребован» в приграничных районах страны³²⁹. Как показывает анализ следственных дел в отношении священнослужителей, «шпионский дискурс» обнаруживает себя в вымышленных делах о «контрреволюционных» организациях во главе с духовенством, имеющим тесную связь с зарубежными врагами советской власти. Священники, ранее проживающие за границей или имеющие там родственников, также становились «шпионами».

Показательным в этом отношении является дело священника Ткачука А. Л., проживавшего в селе Русская Темрязань Кузоватовского р-на. Дело начато и окончено 27 октября 1931 г. Сызранским ОС ОГПУ. По настоящему делу постановлением «тройки» священник Ткачук Антоний Лукич был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 3 года.

Арестовали священника Антония Ткачука 6 февраля 1931 г. по подозрению в шпионаже, поскольку он был родом из «буржуазной» Польши и долго проживал на ее территории. Несмотря на то, что никаких конкретных

---

³²⁷ Кандидов Б. Шпионы в рясах // Пролетарский Путь. 1937. 11 августа. № 182 (3266). С. 3.

³²⁸ См.: Церковь на службе у буржуазных разведок // Пролетарский Путь. 1937. 11 августа. № 201 (3285). С. 2, 4.

³²⁹ См.: Takala J. "Border Locked!" Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // Revue d'histoire nordique — Nordic Historical Review. 2015. № 19. P. 103-127.

данных о шпионской деятельности отца Антония следствию установить не удалось, тем не менее, были найдены свидетельства его антисоветской деятельности. Так, в обвинительном заключении было указано, что: «в своих проповедях Ткачук часто призывал молиться за пострадавших, говоря, что скоро настанет момент, когда пострадавшим будет воздано, а те, которые причиняли им эти бедствия, получают по заслугам»³³⁰.

Еще в 1925 году отец Антоний обращался в Польскую дипломатическую миссию с просьбой о выдаче ему разрешения на въезд в Польшу для встречи с двумя братьями. Также и в октябре 1930 года он подал в дипломатическую миссию необходимые документы. Через некоторое время его арестовали и приговорили к трем годам концлагерей. Сведений о дальнейшей его судьбе нет.

Для большей эффективности проводимых репрессий против духовенства членов церковных советов НКВД объединяло репрессируемых в различные антисоветские организации, которые официально спланировали всех указанных граждан в «борьбе против существующего социалистического строя». И обвинения в контрреволюционной деятельности стали распространенным явлением. Так, согласно обвинениям, архиепископ Смоленский Серафим (Остроумов) (1880-1937) был «организатором» банды контрреволюционеров. Такими же «организаторами» контрреволюционных группировок стали митрополит Горьковский Феофан (Туляков) (1864-1937), епископ Орловский Иннокентий (Никифоров) (1879-1937). Арестованных епископов чаще всего расстреливали³³¹.

За участие в контрреволюционной группе был приговорен к пяти годам исправительно-трудового лагеря и архимандрит Гавриил (Игошкин)³³² (1988-

---

³³⁰ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 692. Л. 19.

³³¹ Русская Православная Церковь. XX век. С. 287.

³³² Архимандрит Гавриил (Игошкин) (1988-1959 гг.) с 1946 года был настоятелем Неопалимовской церкви г. Ульяновска, а с 1947 года - Никольского храма г. Мелекесса. До этого в молодости был послушником Жадовской пустыни в Симбирской епархии (1903-1909 гг.), после службы в армии и участия в Первой мировой войне в 1921 году был рукоположен во диакона к Свято-Троицкому храму г. Покровска Саратовской губернии, в 1922 г. был хиротонисан во священника и переехал в Москву, где служил в Покровском храме Марфо-Мариинской обители милосердия, а с 1929 года – в Никольском храме в Пыжах г. Москвы. В

1959 г.), который был прославлен в сонме святых Новомученников и исповедников Российских Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года³³³.

Поскольку духовенство часто обвиняли в организации контрреволюционной деятельности, следует сделать несколько замечаний об этом феномене.

Для К. Маркса, определившего парадигму революционного мышления в нашей стране, революционные и контрреволюционные процессы являются взаимосвязанными: революция порождает контрреволюцию, их столкновение двигает революцию, обуславливая общественный и политический прогресс. Контрреволюция начиналась тогда, когда старый класс начинал оказывать сопротивление, а новый победивший класс решил остановить развитие революции³³⁴.

Успехи большевиков в Революции и сохранении ее достижений, в Гражданской войне стали, в том числе, результатом вынесенного опыта и выводов из ошибок якобинской диктатуры и Парижской коммуны 1871 года. Можно сказать, что революционное мышление предполагало, «ожидало» и тем самым «создавало» контрреволюцию. Так, понятие контрреволюции и границы контрреволюционной деятельности в законодательстве РСФСР и позже в праве СССР определил УК РСФСР от 1926 года в ст. 58.1: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к

1934 году был возведен в сан архимандрита. Был арестован несколько раз: в 1931 году - по подозрению в активной контрреволюционной деятельности – приговорен к трем годам заключения в концлагерь, в 1934 г. – по подозрению в причастности к тайной контрреволюционной церковно-монархической организации, но спустя два месяца был освобожден без суда, в 1936 году – за участие в контрреволюционной группе приговорен к пяти годам ИТЛ, в 1949 году – по ложному доносу был обвинен во «враждебном настроении к политике ВКП(б) и Советского правительства и проведении на протяжении ряда лет среди своего окружения враждебной работы» и приговорен к 10 годам лишения свободы (освобожден досрочно через 5,5 лет). В день памяти святого преподобноисповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского, 18 октября 2000 года его мощи были обреты и перенесены в Никольский храм г. Димитровграда, где положены были в раку для всеобщего поклонения (подробнее см.: *Скала А., прот.* Святые, в земле Симбирской просиявшие. Ульяновск, 2009. С. 204-234.)

³³³ *Скала А., прот.* Церковь в узах. С. 835.

³³⁴ *Шульц Э. Э.* «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) (рус.) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 160.

свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов ...»³³⁵.

Однако следует отметить противоречивый характер понимания «контрреволюции». Так, в трактовке Троцкого политическая практика советского государства конца 1920-1930-х гг. являлась «контрреволюционной». В своем труде «Преданная революция», который был написан им в эмиграции в 1936 году, он замечает процесс бюрократизации коммунистической партии и отчуждение широких народных масс от участия в управлении государством в период правления Сталина. Суть контрреволюции («советского Термидора») автор видит в том, что «бюрократия победила не только левую оппозицию», но также и «большевистскую партию», «программу Ленина», и «свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции»³³⁶.

Тем не менее, для советской власти контрреволюционной однозначно объявлялась всякая деятельность, направленная против завоеваний пролетарской революции.

В контрреволюции можно выделить сильную и слабую стороны. Действия, направленные против революционных завоеваний, противодействия органам власти обнаруживают сильную сторону контрреволюции. Пассивное недовольство граждан, не принимающих активных действий против власти, можно обозначить слабой стороной контрреволюции. Подобное разделение, несмотря на довольно условный характер, необходимо, поскольку значительная часть сфальсифицированных судебных дел о «контрреволюционной деятельности» в 1930-е годы возникли вследствие «неразличения», другими словами, приравнивания сильной стороны контрреволюции к слабой.

---

³³⁵ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 1018.

³³⁶ *Троцкий Л. Д.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: Литрес, 2009. С. 53. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138457 (дата обращения: 05.06.2018).

В 1930-е годы контрреволюционные организации на территории современной Мелекесской епархии, зачастую лишь существовали на бумаге, создаваясь в управлении НКВД Куйбышевской области. Согласно разработанной в документах легенде, все духовенство и последователи сект перекочевали в созданную областную фашистско-повстанческую церковно-монархическую контрреволюционную организацию с архиепископом Куйбышевским Иринеем (Шульминым) (1893-1938) во главе. Главной целью этой организации якобы было свержение советской власти³³⁷.

Разветвленная сеть организации на местах руководилась епархиальными архиереями, которым в свою очередь подчинялись «группы», «группировки» и «ячейки» в городских и сельских приходах. В случае если на местах действующих храмов не было, руководство контрреволюционерами приписывалось проживавшим заштатным священнослужителям. Таким образом, иерархическая структура в Церкви переносилась в вымышленную контрреволюционную организацию. Следует заметить, что в эту организацию НКВД включили не только православных верующих всех существующих на то время течений, но и старообрядцев, и всевозможных сектантов. Согласно легенде, все церковники объединились для борьбы с советской властью, несмотря на внутренние противоречия и расколы. И это становилось основанием репрессировать всех без исключения активных верующих и священнослужителей.

В Ульяновском горотделе НКВД в начале осени 1937 года появились копии многостраничных «признательных» показаний арестованного в Куйбышеве архиепископа Иринея (Шульмина). В его показаниях фигурировали имена «активных членов» контрреволюционной областной организации - местных архиереев и наиболее известных священников. В результате были арестованы: ульяновский обновленческий «архиепископ» Иоанн (Никольский), «григорианский» «митрополит» Иоанникий

---

³³⁷ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 553.

(Соколовский) и «архиепископ» Феодосий (Борисов-Григорович), епископ-«сергиевец» Митрофан (Гринева). В Мелекесе арестовали правящего архиерея епархии от Московского Патриархата епископа Владимира (Горьковского) и находившегося в этом городе в ссылке епископа Вениамина (Троицкого). В Карсунском районе был арестован проживавший там на покое «епископ» от ВВЦС Иринарх (Павлов)³³⁸. Были арестованы также и те священники, которые были в непосредственном подчинении своих епископов. В ходе допросов появлялась новая информация о мифической организации «контрреволюционеров», некоторые арестованные оговаривали себя и называли имена других «заговорщиков» из среды духовенства и мирян. Многие аресты в Ульяновске, Мелекесе и в районах нынешней Ульяновской области потом происходили на основании добытых в местном отделе НКВД показаний, в том числе «признаний» архиепископа Иоанна (Никольского) и епископа Митрофана (Гринева), а также некоторых других наиболее известных священнослужителей. Следует отметить, что все эти признания и показания были сфальсифицированы и написаны заранее самими следователями. Подписи под такими признаниями часто получали при помощи пыток. Так, в шифрограмме от Сталина, датируемой 20.01.1939 г., когда начались судебные процессы над теми, кто вел следствия в том страшном 1937 году, читаем: «ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП...»³³⁹. Также в документе сообщается, что подобная практика оказалась результативной, более эффективной. К тому же «все буржуазные разведки» также используют

---

³³⁸ Лавринов В., *прот.* Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской православной церкви (1925-1945). М.: Общество любителей церковной истории. С. 110.

³³⁹ Заключительное слово И. В. Сталина на пленуме Центрального комитета ВКП(Б) 5 марта 1937 года (стенографический вариант) [Электронный ресурс] // Дмитриев В. Симбирская Голгофа Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://archo73.ru/Russian/20vek/golgofa/documenti/stalin.htm> (дата обращения: 15.09.2017).

практику насилия в самом «безобразном» виде в отношении «представителей социалистического пролетариата». В итоге постулируется, что метод физического воздействия является «правильным и целесообразным» и должен применяться и далее в отношении «врагов народа».

Таким образом, в 1937 году репрессивная политика государства ужесточилась, а масштаб репрессий в отношении граждан страны, в том числе и духовенства, достиг своего апогея. Если кратко охарактеризовать судебные дела в отношении православного духовенства и активных верующих в этот период на территории Мелекесского викариатства, то большая часть обвинений была связана с контрреволюционной деятельностью, агитацией - 14 дел, в семи делах в обвинительных заключениях встречаются стандартные формулировки – «антисоветская деятельность», «антисоветская пропаганда», одно дело возбуждено в связи с «сопротивлением власти», также одно дело возбуждено в отношении «кулацкой» группировки, ведущей «антиколхозную агитацию»³⁴⁰.

На территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии в 1935-1936 гг. два священника и 12 мирян были приговорены к лишению свободы на срок от 1 года до 8 лет. В 1937 году репрессиям подверглись 56 священников и церковных служителей, из них были расстреляны 33 человека. Остальные были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет. Также были подвергнуты репрессиям 60 активных мирян, среди которых 22 человека были расстреляны, а 38 человек были лишены свободы сроком от 8 до 10 лет. В 1938 году возбужденных судебных дел в отношении православного духовенства и мирян на рассматриваемой территории обнаружено не было³⁴¹.

---

³⁴⁰ См.: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 561-777.

³⁴¹ См.: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1.

2.1.4. Репрессии в конце 1930-х годов

Конец 1938 года ознаменовался завершением периода активного наступления на Церковь. После того, как был отстранен от руководства НКВД Н. И. Ежов, стали пересматриваться многие следственные дела, и сотни священнослужителей были освобождены.

По мнению Н.Е. Емельянова, спад в гонениях конца 1938 – начала 1939 гг. связан с заменой руководителей ОГПУ - НКВД. Возможно, новые руководители уничтожали аппарат предыдущих. И как только новый правитель набирает силы, гонения становятся еще более массовыми. В подтверждение данного наблюдения можно посмотреть годы нахождения у власти комиссаров внутренних дел. 1) Дзержинский (комиссар в 1917-26 гг.) - пик 1918 года и пик 1922 года (изъятие ценностей), тайным руководителем которого являлся Троцкий (Бронштейн). 2) Менжинский (1926-34 гг.) - пик 1930 года. 3) Ягода (Иегуда) (1934-36) - пик 1935 года. 4) Ежов (1936-38) - пик 1937 года. 5) Берия (1938-53) - пик 1941 года³⁴². Можно согласиться и с мнением Ф. Н. Козлова, что «репрессии в РСФСР и СССР нельзя представлять как константу с выраженной сеткой координат, они скорее напоминали своего рода маятник с то возрастающими, то затухающими колебаниями»³⁴³.

Как ранее отмечалось, к началу Великой Отечественной войны около 90 % действующих храмов находились на включенных в состав СССР западных территориях. «На остальной территории страны церковная организация была разрушена: в 1939 г. оставалось всего 4 кафедры, занятых архиереями, включая главу Церкви митрополита Московского и Коломенского, около 100 приходов и ни одного монастыря»³⁴⁴. Как признают

---

³⁴² Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917-1952 годы) [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 17.03.2018).

³⁴³ Козлов Ф. Н. «Большой террор» в отношении духовенства и верующих (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) // Россия в условиях кризисов XIX-XX веков. Сборник статей Межд. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах / науч. ред. / Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург. 2017. С. 243.

³⁴⁴ Цытин В., прот. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997. С. 216.

большинство исследователей, религиозная жизнь продолжала существовать в советском обществе. Она существовала и в бесчисленных лагерях, в которых священники-исповедники продолжали свое служение. Перед войной репрессии против духовенства и активных мирян ослабли, хотя и не прекратились совсем. По мнению В. Цыпина, именно приближающаяся война не дала советской власти нанести «последний удар» по Церкви, советское руководство понимало, что сражаться и приносить жертвы люди могут только ради родины, поэтому «коммунистические вожди обратились к патриотическим чувствам граждан. Предвоенными тревожными ожиданиями и страхами объясним спад богоборческой злобы»³⁴⁵.

На территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии в 1939 году был приговорен по ст.ст. 58-10, 58-13 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 5 лет дьякон Павлов Е.С. (1879-?), а псаломщик Зубарев Я.Г. (1871-?) по ст. 58-10 УК РСФСР был выслан в Северный край сроком на 5 лет³⁴⁶. Таким образом, репрессии продолжались, пусть и в меньших масштабах.

В целом, в 1939 году размах репрессий в отношении православного духовенства, но и представителей других конфессий, уменьшился – 1500 репрессированных, тогда как в 1937 было репрессировано 136900 человек, а в 1938 – 28300. Данные обстоятельства породили споры в церковной среде³⁴⁷, среди светских интеллектуалов и даже в исторической науке о «либеральном повороте» политического курса И. В. Сталина в отношении Церкви. Поводом для развернувшейся дискуссии стали опубликованные в 1999 году в печати заявления о том, что в 1939 году наступила «церковная оттепель». При этом журналист В. М. Марков, занимавшийся подготовкой к публикации мемуаров маршала СССР Д. Т. Язова, упоминает «Выписку из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года», согласно которой

---

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 382, 543.

³⁴⁷ Мановцев А. А. Сталин-2 и Русская Православная Церковь [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/4979048.html> (дата обращения: 20.07.2017).

«указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г.» и «все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей Русской православной церкви и православно верующих»³⁴⁸ отменялись. Упоминает он также и «справку наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии» от 22 декабря 1939 года, в которой упоминается об освобождении 24000 человек, о планируемом освобождении 15000 заключенных, а также говорится о «пересмотре дел заключенных, отбывающих наказание»³⁴⁹.

Теория «церковной оттепели», возникшая на основе приведенных данных Маркова - Язова, стала распространяться и в государственных образовательных программах³⁵⁰.

Подтверждением изменения сталинского курса в 1939 г. в отношении Русской Православной Церкви, «церковной оттепели» В. В. Шкаровский считает наличие указаний в различных циркулярах 1938 года о том, что при уничтожении храмов необходимо «проявлять сдержанность»³⁵¹. Однако И. А. Курляндский утверждает, что подобные указания встречались довольно часто на фоне антирелигиозной деятельности большевиков, вследствие чего они не являются свидетельством изменения государственной политики в отношении Церкви. Единственное, что свидетельствует об относительном послаблении антирелигиозного курса с 1939 года, так это более осмотрительная политика в отношении православной диаспоры на включенных в состав СССР новых областей. Однако все это не является «изменением» или «серьезной переменой», поскольку преследование духовенства и верующих имело место и в 1939-1941 гг., о чем красноречиво говорят факты³⁵². Придерживаясь

---

³⁴⁸ См.: Курляндский И. А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 5.

³⁴⁹ Там же. С. 4.

³⁵⁰ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938-2002. М. 2003. С. 37. Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности 020700 История; Они же. История России. 1917-2004. М. 2005. С. 303. Рекомендовано УМС по истории и искусствоведению, УМС по классическому университетскому образованию, обучающихся по специальности 020700 История; Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 2. М. 2004. С. 99, 100. Допущено Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История».

³⁵¹ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 95.

³⁵² Курляндский И. А. Указ. соч. С. 7.

утвердившейся в историографии точки зрения, согласно которой перемена сталинской религиозной политики вызвана Великой Отечественной войной, Курляндский проводит заслуживающий внимание анализ используемых в подтверждение «теории церковной оттепели» материалов на предмет их подлинности и делает следующие выводы³⁵³.

1. Массовая амнистия заключенных в 1939-1941 гг. отсутствовала, в чем можно удостовериться, ознакомившись с результатами преследований верующих, опубликованными на сайте Православного Свято-Тихоновского института³⁵⁴. Масштаб гонений уменьшился в это время в связи с пересмотром деятельности Ежова и завершением массовых репрессий. Но это не является кардинальным поворотом в религиозном политическом курсе большевиков. Следовательно, «справка наркома внутренних дел СССР Л. П. Бериин», «указание Ленина от 1 мая 1919 г.» и «постановление Политбюро от 11 ноября 1939 г.» являются неподлинными.

2. Об отсутствии «либерального поворота» в религиозной политике Сталина красноречиво свидетельствуют продолжившиеся в 1940-1942 годах репрессии в отношении представителей духовенства и мирян. Конечно, масштаб репрессий в сравнении с 1937-1938 гг. был меньше (поскольку и самих священно-, церковнослужителей стало меньше), но эти репрессии не прекратились.

3. Антирелигиозная пропаганда также продолжается в начале 1940-х годов. Примером продолжения антирелигиозного курса может служить изданный 27 февраля 1940 года приказ Наркомпроса РСФСР «Об антирелигиозной пропаганде в школах».

Таким образом, «либеральный» поворот в религиозной политике в 1939 г. в СССР — это фикция, которая основывалась на сфабрикованных материалах, и целью которой было конструирование образа «православного»

---

³⁵³ Подробнее см.: Там же. С. 3-16.

³⁵⁴ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 20.07.2017).

Сталина. Тем не менее, следует признать, что перемены были, но связаны они не с изменением религиозной позиции Сталина. В целом, акценты в государственной идеологии сместились. Если до середины 1930-х годов превалировали интернационалистские устремления, то с середины 1930-х годов в связи с возможным началом войны на первый план в идеологии вышел советский патриотизм, затронувший также и религиозную политику государства.

2.2. Судебные дела в отношении православного духовенства и мирян, связанные с религиозной политикой большевиков в 1930-е годы

Представителей православного духовенства и мирян преследовали по 58 статье Уголовного кодекса РСФСР за антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность. В данном параграфе мы рассмотрим судебные дела, в которых обвинения во всеобъемлющей формулировке «антисоветская агитация», «антиобщественная деятельность» и «религиозная пропаганда» имели религиозную основу, вследствие чего связаны с антирелигиозной политикой большевиков. Таких дел большинство среди проанализированного автором материала. В представленных ниже делах также обнаруживаются конкретные примеры «стойкости в вере и мужестве пастырей, готовых нести свой тяжкий крест, невзирая на применяемое насилие»³⁵⁵.

Как упоминалось ранее, одной из форм административно-организационной составляющей антирелигиозной кампании в Ульяновской епархии и в Мелекесском викариатстве, в частности, была регистрация религиозных объединений. В соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. все религиозные объединения проходили государственную перерегистрацию. Церковь не обладала правами юридического лица и, соответственно, вынуждена была

---

³⁵⁵ Козлов Ф. Н. Указ. соч. С. 247.

заключать договоры на выполнение какой-либо деятельности с прихожанами храмов, что расценивалось властями как коммерческие сделки и становилось основанием для высокого налогообложения. Как отмечает Д. В. Поспеловский, «для того чтобы выжить, церковным органам приходилось обходить эти законы и жить в постоянном страхе, что их уличат в незаконных действиях»³⁵⁶. Действительно, в большинстве случаев приходы не имели возможности погасить налоги, поэтому закрытие храма и снятие с регистрации священнослужителя становилось вопросом времени. Причем и миряне не могли помочь средствами, поскольку это могло быть расценено как незаконные поборы со стороны священника и стать поводом для возбуждения уголовного дела против него.

Так, в деле о «злостной антисоветской агитации», проводимой группой кулаков и лишенцев в с. Русская Бектяшка Сингелеевского района (1930 г.) описывается типичная ситуация. Местному священнику Земскову Николаю Антоновичу (1897-?)³⁵⁷ было предложено сельскими властями выплатить некий целевой взнос на нужды колхоза (о. Николай в колхозе не состоял), а также взнос на покупку тракторов. Священник не мог выплатить заявленную сумму, так как до этого у него были отобраны дом, скотина и все личное имущество, о чем и было заявлено им в сельсовет³⁵⁸. Что касается его связи с кулацкой группировкой, то также проходящие по этому делу кулаки были прихожанами местного храма и, следовательно, были знакомыми с настоятелем храма. Сам о. Николай на допросе сообщил следующее: «Не так давно мне предъявил сельсовет целевой взнос в 150 рублей, который мной уплачен из средств помощи общества около 30 рублей, а остальную сумму я выплатил от продажи швейной машинки. А неделю тому назад, т.е. во второй половине января, мне предъявили дополнительно на тракторную колонну 500

---

³⁵⁶ Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 291.

³⁵⁷ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 505.

³⁵⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4218. Л. 1.

рублей³⁵⁹. Этих денег я уплатить не в состоянии, а сельсовет как хочет, так и поступает, а я платить не в состоянии, о чем я так сельсовету и заявил. Председатель сельсовета заявил, что будет опись имущества, которое у меня отсутствует кроме мелких вещей и носильной одежды, которой может набраться от силы на 200-250 рублей. Больше у меня нет ничего»³⁶⁰. Таким образом, священник и четверо мирян были обвинены в том, что вели «злостную» антисоветскую агитацию, противодействовали кампании по хлебозаготовкам и организации колхозов, вследствие чего эти кампании «задерживались», а также «угрожали отдельным беднякам-активистам, дезорганизовали 2 собрания; использовали для антисоветской агитации отдельных бедняков и середняков»³⁶¹. Земсков Н. А. был приговорен тройкой ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10 УК РСФСР к заключению в концлагерь сроком на три года, а храм впоследствии закрыли.

Рассматривая дело «Об антисоветской группе в с. Белый Яр Сенгилеевского района» (1930 г.), обнаруживаем, что в конце 1929 года настоятель храма в селе Белый Яр Александр Меньшов был подвергнут штрафу в 30 рублей за несвоевременную регистрацию, также с него был взыскан целевой сбор на трактор в сумме 80 рублей (эти суммы были выплачены). Более того, с о. Александра потребовали для сдачи колхозу 100 пудов сена (1630 кг), которое ему пришлось покупать за 55 копеек за килограмм³⁶², а сдавать в сельсовет по 25 копеек за килограмм. Тогда же он заплатил подоходный налог в сумме 36 рублей, но в середине января 1930 года ему предписали выплатить еще 250 рублей. Когда о. Александр сообщил, что у него нет средств, сельские власти увеличили эту сумму в два раза и потребовали ее выплатить в течение трех дней³⁶³. К тому же в тот же срок

---

³⁵⁹ Как показали расчеты в первом параграфе второй главы для того, чтобы найти приблизительный эквивалент денежной сумме 1931 года в настоящее время, необходимо эту сумму увеличить в 50-100 раз.

³⁶⁰ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4218. Л. 25.

³⁶¹ Там же. Д. 4218. Л. 58.

³⁶² См.: Таблицы порайонных средних городских розничных цен на сельскохозяйственные товары с 1 января по 1 июня 1930 г. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://istmat.info/node/45248> (дата обращения: 15.03.2018).

³⁶³ Там же. Д. 5184. Л. 130-131.

следовало сдать 20 пудов ржи, которую ему также следовало купить по цене 2,5 рублей за килограмм³⁶⁴. В итоге, о. Александру следовало найти сумму в размере 2196 рублей. Понимая, что эту сумму не удастся найти, о. Александр в конце января оставляет место служения и отправляется в Ульяновск. Там он и был арестован. Также были арестованы диакон Туарминский Н.И. и церковный староста Кудряшов Н.Т. Все осужденные по этому делу были привлечены к ответственности за то, что они вели антисоветскую агитацию против колхоза, против власти в целом, распространяя провокационные слухи о том, что власть скоро будет свергнута, а церковь будет властью разграблена. Также они угрожали активу села «как анонимками, так и открыто». Им также приписывалась организация «сборища женщин в 300 человек и мужчин 150 человек с провокацией» и противодействие колхозному строительству, в результате чего «в колхозы вступило 17% хозяйств»³⁶⁵. Всего по делу были осуждены и приговорены тройкой ОГПУ 12 человек. Протоиерей Меньшов А.А. был приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, Туарминский Н. И. – 10 лет (следствием был определен как руководитель группировки), Кудряшев Н. Т. – 5 лет³⁶⁶.

В связи с закрытием церквей часто происходили массовые выступления верующих, и, как правило, организаторами их считались священнослужители несмотря на то, что они к этим стихийным событиям могли не иметь никакого отношения. В деле об организации массовых выступлений верующих священником с. Слобода Выходцево Мелекесского р-на Бельским А.А. (1929 год) отмечается, что за неуплату так называемого «налога на священнослужителя» в количестве 150 пудов зерна в сельсовете было принято решение изъять у о. Александра имущество³⁶⁷. При производстве описи имущества священника Александра Бельского возле его

---

³⁶⁴ См.: Таблицы порайонных средних городских розничных цен на сельскохозяйственные товары с 1 января по 1 июня 1930 г. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://istmat.info/node/45248> (дата обращения: 15.03.2018).

³⁶⁵ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5184. Л. 180.

³⁶⁶ Там же. Д. 5184. Л. 183.

³⁶⁷ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 3566. Л. 76.

дома собралась толпа женщин в количестве 500 человек. Они выгнали со двора представителей власти, которые скрылись в здании сельсовета. На другой день в присутствии сотрудников милиции опись была завершена, а еще через неделю отца Александра арестовали по обвинению в организации массовых беспорядков в селе. Особым совещанием при коллегии ОГПУ по ст.58-10 УК РСФСР приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года. Дальнейшая его судьба неизвестна³⁶⁸.

Итак, закрытие храмов или мероприятия, посягающие на православные святыни, вызывало сопротивление церковно-, священнослужителей и верующих и приводило к массовым выступлениям. Так, в начале мая 1929 года в с. Тушна Сенгилеевского района поводом для массового выступления верующих послужила установка антенны радиоприемника к кресту на церковной колокольне. Чтобы не допустить кощунства, возле храма собралась толпа жителей села около 300 человек³⁶⁹. В итоге священник Каллестинов Евгений Павлович приговорен тройкой к заключению в концлагерь сроком на 3 года по ст. 58-10 УК РСФСР несмотря на то, что он никого не призывал к сопротивлению, поскольку вопрос установки антенны был в ведении церковного совета.

Сопrotивлялись священники и верующие использованию церковью под зернохранилища или яровизацию (проращивание весной зерна), поскольку стоило им уступить местным властям один раз, церковь уже не возвращали. Это был еще один способ закрытия церковью. Сопrotивление местным властям в стремлении изъять церкви под зернохранилища или яровизацию иногда длилось годы. В селе Чердаклы Чердаклинского района сельчане начали противостояние в 1935 году. И хотя в этом году церковь отстоять удалось, летом 1936 года храм у верующих был изъят силой и подписан договор с церковным советом о том, что храм будет освобожден к ноябрю этого же

---

³⁶⁸ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 366.

³⁶⁹ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1555. Л. 57.

года³⁷⁰. Однако никто церковь освободить не собирался. После нескольких попыток церковного актива вернуть храм верующим сельские власти сообщили в местный отдел НКВД, что ходяков от церковной общины организует священник Никита Саушкин (1881-1937). Началось следствие, в результате которого священника обвинили в антисоветской пропаганде, организации массовых выступлений и, наконец, в контрреволюционной агитации и пропаганде. Священника Никиту Саушкина расстреляли³⁷¹. Также расстреляли и мирянина Макарова В.А., а еще двух мирян и церковного старосту приговорили к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

Таким же посягательством на святыни для всех православных верующих была кампания большевиков по снятию колоколов. Так, в январе 1930 года в с. Бряндино Мелекесского (ныне Чердаклинского) района местные воинствующие безбожники начали проводить агитационную кампанию за снятие колоколов с сельской церкви. Местные жители восприняли готовящееся мероприятие как подготовку к закрытию церкви. Несмотря на несогласие жителей села, 16 января сельские власти решили колокола снять. У храма собралась толпа около 500 человек, которая не дала свершиться святотатству. Более того, женщины не уходили от храма еще три дня. Несмотря на то, что храм удалось отстоять, через месяц начались аресты активных участников «сопротивления проводимым советской властью мероприятиям», а также организаторов «массового антисоветского выступления», в числе которых был и священник Александр Гневушев (1889-1930). 23 февраля 1930 года он был арестован. Согласно обвинительному заключению, священник распространял провокационные слухи том, что церковь отдадут в колхоз. Более того, при выполнении религиозной службы «нарушал уставы церкви с целью воздействия на чувства верующих», «вел исполнение трогательных великопостных стихов, которые в обычное время не

---

³⁷⁰ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5219. Л. 75.

³⁷¹ Там же. Д. 5219. Л. 79.

применяются»³⁷². В частности, на клиросе пели стих: «Душа, что ты спишь? Конец приближается...»³⁷³. В результате около 200 человек плакали, а некоторые доходили до истерики. Именно данные действия Гневушева и считались определяющими в организации массовых выступлений. По свидетельствам очевидцев, во время массовых беспорядков дом Гневушева являлся штабом антисоветской деятельности и массовые беспорядки проходили под руководством Гневушева. Однако сам о. Александр на допросе сообщал: «Кто руководил? Я ничего не знаю, ко мне толпа в дом не приходила, когда зазвонил в набат, я был у старосты церковного Бойкова Дмитрия, пил чай, говорили о налоге»³⁷⁴.

Около двух месяцев находился Гневушев под стражей, на допросах отрицал «изобличающие» его показания свидетелей. В результате он был обвинен в том, что являлся руководителем кулацкой группы, которая систематически срывала мероприятия советской власти, а также вела антисоветскую агитацию и распространяла провокационные слухи. В итоге самых активных участников выступления – мирян и членов церковного совета – арестовали. Тройка приговорила двух человек к расстрелу, еще двух человек - к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Священника Александра Федоровича Гневушева также приговорили к расстрелу по ст. 58-10 ч.2 УК РСФСР³⁷⁵. Такие суровые приговоры крайне редко встречаются среди судебных дел 1929-1936 гг., они становятся «обычными» в 1937 году. 20 января 1989 года Президиум Ульяновского областного суда постановил, что «указанное постановление тройки является незаконным, поэтому оно подлежит отмене»³⁷⁶, а массовые выступления граждан были вызваны проведением местными органами власти агитационной кампании по снятию колоколов с церкви.

---

³⁷² АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4267. Л. 93.

³⁷³ Там же. Д. 4267. Л. 24.

³⁷⁴ Там же. Д. 4267. Л. 23.

³⁷⁵ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 665.

³⁷⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4267. Л. 49.

Согласно Деяниям Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года Священный Синод в 2004 году причислил священника Александра Гневушева к лику святых Новомучеников и исповедников Российских в сонме священномучеников.

Часто при закрытии церквей или снятии колоколов священники не призывали верующих к сопротивлению советской власти, как, например, в случае с Александром Гневушевым, который говорил: «Пускай советская власть закрывает церкви. Мы же откроем молитвенный дом, но не дадим умереть нашей вере. Заблудилась нынешняя власть, пошла за антихристом. Но должно прийти время, когда она одумается и придет к раскаянию»³⁷⁷. Однако были случаи, когда священники не могли выдержать и обращались к мирянам за помощью в отстаивании храма, колоколов. Так было в селе Подкуровка Теренгульского района, когда в июле 1937 года сельские власти решили снять колокола с местного храма. Местному священнику Дроздову Михаилу Алексеевичу (1881-1938) было приказано обеспечить порядок при проведении данного мероприятия. Однако о. Михаил собрал церковный совет и попросил прихожан не дать снять колокола. Во время снятия колоколов он некоторое время находился в сторожке у храма, не желая быть причиной народного выступления. Но когда полетели колокола, отмечают свидетели, он выбежал и стал призывать прихожан: «Христиане, что стоите и смотрите?! Ведь грабят нас, последнее утешение, дар Божий отнимают! Скоро и сам храм закроют – куда молиться ходить будем? Не давайте извергам снимать колокола!»³⁷⁸. Также другие свидетели сообщили, что о. Михаил подговорил умалишенную гражданку Усову и душевнобольную Казакову, чтобы они «пришли с топорами, и как только придут в ограду церкви, то тут же первому коммунисту нужно будет отсечь голову, а остальные сами разбегутся»³⁷⁹. Разумеется, подобные свидетельства следует рассматривать критически. К тому же на

---

³⁷⁷ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4267. Л. 94.

³⁷⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5428. Л. 16.

³⁷⁹ Там же. Д. 5428. Л. 14 об.

допросе после ареста священник сообщал, что таких разговоров не было. Тем не менее, около 100 человек во время снятия колоколов прогнали представителей власти, что послужило поводом для начала преследований в отношении о. Михаила. Его арестовали 27 ноября 1937 года, а 18 января 1938 года тройка при УНКВД по Куйбышевской области по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР приговорила священника к расстрелу³⁸⁰.

Не оставляли без внимания советские власти и святые для православных места, чудотворные иконы, привлекающие к себе огромное количество верующих. Так, особое внимание властей привлекал чудодейственный родник в селе Линевка Ульяновского района, который назывался верующими «святым колодцем». Почитание родника началось после явления рядом с ним Пресвятой Богородицы и последовавших затем многочисленных случаев исцелений. Обвинительное заключение по делу «О чудодейственном роднике в с. Линевка Ульяновского района» гласит: «Организованное на данном роднике богослужение, читка акафистов и пение, к весне 1931 года, а особенно в межпарье май и июнь месяцы, привлекло еще большее количество паломников, достигшее колоссальных размеров до 200-300 человек в день, а иногда оно доходило до 2-3 тысяч человек в день в особо торжественные религиозные праздники»³⁸¹. Однако все несанкционированные властью собрания, а тем более религиозные, назывались сборищами, общественные молитвословия – контрреволюционной пропагандой, участников их клеймили как антисоветский элемент, а организаторов арестовывали как врагов-контрреволюционеров. Так и в случае с Линевским родником - власти его сравнивали с землей, а священников всех ближайших к нему селений, активных церковнослужителей и верующих арестовали. В итоге тройкой были осуждены 24 человека: лишение свободы сроком на 3 года – 10 священно-, церковнослужителей и мирян, высылка в Северный край сроком на 3 года – 6 человек, лишение свободы на 2 года – 1 мирянин, на 1 год – 6

---

³⁸⁰ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 586.

³⁸¹ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5155. Л. 89.

человек, 2 года (условно) лишения свободы получил 1 мирянин. Среди осужденных по этому делу был и уроженец Чердаклинского района священник Виноградов Поликарп Александрович (1863-?). До ареста в 1931 году он служил священником в подворье Раковского монастыря рядом с селом Старая Майна (Старомайнский район), в 1930 г. – в селе Артюшкино Сенгилеевского района и в селе Панском Ульяновского района, а с 1931 г. – в селе Максимовка Ульяновского района. По решению тройки ОГПУ по Средневолжскому краю по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР выслан за пределы края сроком на 3 года³⁸².

Обвинения в антисоветской агитации или антисоветской деятельности могли последовать за «неправильные» слова, «неправильные» действия, в общем, за все, что угодно, если в этом можно было обнаружить негативное отношение к советской власти и проводимым ею мероприятиям. Так, церковного сторожа И.А. Корнилова тройка по обвинению в антисоветской агитации приговорила к 10 годам концлагерей за следующие слова на собрании церковного актива: «Я слышал, что на днях у нас церковь возьмут, и будут туда ссыпать хлеб. Вот до чего довела советская власть: колокола сняли, а теперь хотят и саму церковь отобрать. Это не власть, а издеватели. Хотя у нас священника и взяли, но мы найдем другого, привезем из другого села, а все же советской власти не подчинимся, чтобы остаться без священника»³⁸³ (28.12.1937-28.12.1937 гг., Тереньгульский район). На допросе Корнилов отрицал принадлежность ему данных слов. Однако признал, что на требование представителя сельсовета уплатить обязательные платежи он ответил: «Я не только платить не буду, но и другим не велю, вы нас только обдираете и последнюю шкуру с мужика дерете»³⁸⁴. И таких высказываний «в сердцах» - огромное количество. Трагичности ситуации придают те факты, когда подобные высказывания приписывались людям доносителями или

---

³⁸² Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 611.

³⁸³ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1434. Л. 13.

³⁸⁴ Там же. Д. 1434. Л. 12.

следователями. И в рассмотренных автором делах часто встречаются отрицания обвиняемых приписываемых им слов, действий.

В деле об антисоветской агитации священника села Байдулино Тереньгульского района Петрова Алексея Ивановича мы обнаруживаем, что за совершение религиозных обрядов также можно было получить высшую меру наказания. В частности, согласно показаниям заведующего сельским клубом «в разгар уборочной кампании 1937 года, с целью срыва хода уборки хлебов, поп Петров согласовал вопрос с бывшим председателем сельсовета Михеевым, ныне арестованным как враг народа, взял от него справку и устроил крестный ход по селу в честь религиозного праздника, тем самым сорвал уборку хлебов, хлебопоставку и зябь»³⁸⁵. Действительно, в деле присутствует справка, подписанная неким Михеевым, и в ней разрешается «вход с молебнами по селу с 25.09 сего года»³⁸⁶. Согласно показаниям свидетелей, отец Алексей до крестного хода совершал обряды крещения и агитировал женщин крестить своих детей: «... если ребенка не окрестишь, то ребенок расти не будет, а будет сохнуть»³⁸⁷. Все это и стало причиной ареста священника и вынесения тройкой расстрельного приговора. На допросах отец Алексей виновным себя не признавал, а приписываемые ему «обличающие» слова отрицал.

Особое внимание вызывают судебные дела, обвинительные заключения в которых содержат формулировку «контрреволюционная деятельность». Если в селах контрреволюционная деятельность духовенства и активных верующих связывалась с противостоянием коллективизации, поддержкой кулачества, о чем будет подробнее сказано в третьем параграфе данной главы, то городским священнослужителям это обвинение не всегда можно было предъявить. Здесь ОГПУ-НКВД приходилось действовать иным образом. В городах начали выявлять некие контрреволюционные ячейки и

---

³⁸⁵ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5649. Л. 6.

³⁸⁶ Там же. Д. 5649. Л. 3.

³⁸⁷ Там же. Д. 5649. Л. 16.

группы, которые якобы имели влияние на деревню, о чем говорилось в предыдущем параграфе.

В условиях проведения массовых репрессий, преследования целых групп населения подобная практика борьбы с контрреволюционными группами стала распространенной. Для ее осуществления необходимы подозреваемые (священно-, церковнослужители по сути своей все попадали под подозрение), некая сеть, связующая подозреваемых (достаточно знакомства, поэтому в сеть попадали и миряне), определенная «легенда», объединяющая и описывающая антисоветскую деятельность этой сети, и которая часто становилась результатом «творчества» ОГПУ-НКВД, и некое основание - например, показания доносчика, провокатора, показания которых (часто прямым образом излагающие «легенду») становились основой судебного дела. В последнем случае основанием могли быть и «антисоветские» высказывания, действия самих священно-, церковнослужителей. Более того, как отмечает Шадрина А. В., эти «контрреволюционные организации» выстраивались по стандартной схеме: московский центр, задававший направление деятельности; зарубежные связи, цель и участие которых в работе местной организации не были прописаны в достаточной степени; развёрнутая структура на местах, руководимая назначенным НКВД иерархом³⁸⁸. Другой исследователь А. Б. Суслов в работе «Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора»³⁸⁹ утверждает, что фабрикация уголовно-следственных дел была обыденным явлением в работе органов НКВД в 1937-1938 гг. И, как покажет анализ архивных следственных дел, это утверждение небезосновательно. В целом, в качестве оценки сложившейся ситуации контрреволюционной борьбы власти с представителями духовенства можно

---

³⁸⁸ Шадрина А. В. Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937-1938 годах в Ростовской области // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28, вып. 1. С. 45.

³⁸⁹ Суслов А. Б. Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора // Вестн. Удм. ун-та. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 95-99.

применить формулировку ульяновских исследователей Точеного Д. С. и Точеной Н. Г. - «эпидемия политической психопатии»³⁹⁰.

Так, например, в деле о «церковно-сектантской контрреволюционной организации в г. Мелекесе» (начато 29.06.1937 г. и окончено 29.12.1937 г.) основанием для судебного разбирательства стали «изобличающие» епископа Владимира (Горьковского) и многих других священнослужителей и мирян сведения о том, что «вокруг Горьковского сгруппировался контрреволюционный актив церковников», «в Мелекесе создано несколько конспиративных квартир, где устраиваются нелегальные сборища», «Горьковский имеет своих разъездных агентов, которые разъезжают по селам и под предлогом поднятия верующих на открытие закрытых или бездействующих церквей, вербовали церковно-кулацкий актив и привлекали его на борьбу с советской властью». И еще одно обвинение: «Мелекесская группа установила связь с епископом Митрофаном (Гриневым), проживающим в Ульяновске,... которая ведет погромную антисоветскую агитацию»³⁹¹. Причина была найдена, «легенда» создана. Аресты в Ульяновске и Мелекесе начались практически одновременно.

Следует отметить, что настоящее дело было возбуждено в ходе операции по ликвидации Ульяновской церковной контрреволюционной организации. Разумеется, такой организации не существовало, однако «легенда» в обвинительном заключении гласила, что в 1935 году ссыльным епископом Вениамином (Троицким), священником обновленческой ориентации Георгиевским Александром Дмитриевичем, а в начале 1936 года и епископом Владимиром (Горьковским) были созданы три церковно-сектантских контрреволюционных организации. После между ними был создан блок на основе признания необходимости организованной борьбы против советской власти. Были созданы повстанческие ячейки, которые вели

---

³⁹⁰ См.: Точеный Д. С., Точеная Н. Г. Эпидемия политической психопатии в Ульяновске (1937-1938 гг.) // Симбирский научный вестник. 2014. № 1 (15). С. 72-84.

³⁹¹ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1348. Л. 206-210.

подпольную контрреволюционную работу в колхозах. Под предлогом поднятия верующих для ходатайства о возобновлении службы в закрытых и бездействующих церквях провоцировали крестьян на выступления против советской власти, срывали мероприятия советской власти в деревне, провели ряд провокационных массовых выступлений и антисоветской массовки в г. Мелекесе и в селе Лебяжье Мелекесского района. Для активизации повстанческих групп использовалась Конституция 1936 года, которая «извращалась» в контрреволюционных целях. Также проводилась антисоветская агитация с целью срыва выборов в Верховный Совет СССР. Более того, епископ Владимир (Горьковский) имел связь с контрреволюционной организацией в Ульяновске под руководством епископа Митрофана (Гринева). И, наконец, по заданию участника Куйбышевского Объединенного центра церковно-сектанской контрреволюционной организации обновленческого «митрополита» Василия (Виноградова) участниками мелекесской группировки под руководством священника-обновленца Георгиевского проводилась «шпионская работа в пользу японской разведки»³⁹².

Для подтверждения данной «легенды» имелись и соответствующие показания-доносы свидетелей, в том числе добытые в результате пыток. В протоколе допроса священника г. Мелекесса Кипарисова Всеволода Алексеевича от 28 сентября 1937 г. мы узнаем, что «контрреволюционная деятельность духовенства началась с приездом в Мелекесс епископа (Горьковского) и проводилась до момента их ареста в направлении осуществления намеченного Горьковским плана по открытию бездействующих церквей использующихся колхозами под хлеб и другие общественные нужды»³⁹³. В протоколе допроса мы можем узнать и о задачах, «поставленных» епископом Владимиром (Горьковским) перед духовенством, - таких как организация в селах контрреволюционных ячеек, увеличение в

---

³⁹² АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1348. Л. 176.

³⁹³ Там же. Д. 1625. Л. 163.

храмах представителей «реакционного духовенства», подрывная работа в отношении колхозов. Также имеется свидетельство, что епископ Владимир приказал священнику Прибыловскому воспрепятствовать передаче церковного здания колхозу в селе Лебяжье путем организованного противодействия сельсовету со стороны церковнослужителей. И Прибыловский с активными мирянами с. Лебяжье спровоцировал антисоветское выступление «церковников», которые в составе 30-35 человек собрались у сельсовета, заявили протест против использования церковного здания под яровизацию семян и потребовали немедленно открыть церковь для богослужений. Более того, «в Мелекесе Горьковским была создана группа враждебно настроенных против Советской власти лиц из числа религиозных фанатиков, монашек, знахарок, бывших кулаков и т.п....»³⁹⁴. В протоколе также имеются подробные сведения об одиннадцати участниках данной «контрреволюционной» организации. Однако следует отметить, что 20 декабря 1937 года на допросе Кипарисов заявляет, что он не был участником контрреволюционной организации и никакой контрреволюционной деятельности не вел и разговоров в данном ключе ни с кем не проводил³⁹⁵. Более того, сомнения в правдивости ранних показаний (28 и 30 сентября, а также 19 декабря) Кипарисова вызывают стиль, словесные обороты в ответах при допросе. Например, в ответах Кипарисова встречаются «попы», «церковники», «религиозные фанатики», «реакционный епископ» и т.д. Если в ранних показаниях Кипарисова мы обнаруживаем, что на квартире епископа Владимира (Горьковского) раздавались всем участникам собраний указания по контрреволюционной деятельности, то в последнем протоколе допроса (от 20 декабря) Кипарисов сообщает, что разговоры на квартире у епископа Владимира велись только по вопросам церковной жизни. Что касается дальнейшей судьбы священника Кипарисова, то он «по настоящему делу привлечен не был», а материалы на него «выделены и по оперативным

---

³⁹⁴ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1625. Л. 166 об.

³⁹⁵ Там же. Д. 1348. Л. 126 об.

соображениям прекращены. Основания — проверка по 1 спецотделу УНКВД по Куйбышевской обл. 13.01.1941 г.»³⁹⁶.

В отношении сотрудничества с органами НКВД священников и мирян важно отметить следующее. Как считает Лавринов В. В., этот вопрос о сотрудничестве является сложным, сотрудничать с органами НКВД вынуждено было едва ли не все легальное духовенство, независимо от своей церковной ориентации. «Некоторые священники, склоненные к сотрудничеству с чекистами, сообщали об этом своим сослуживцам и вскоре через осведомителей в церковной среде выявлялись и привлекались к уголовной ответственности, другие представители духовенства, страшась за судьбу своей семьи, тщательно скрывали грех сотрудничества и несли его на своей совести, третьи же, напротив, пользовались своими связями с органами, не скрывая их»³⁹⁷.

По делу № 1625 в Мелекесе был арестован 21 человек. Все они были затем осуждены. Обвинение предъявлялось по двум пунктам: для православных староцерковного течения - в контрреволюционной деятельности в селах, сколачиванию там антисоветского актива и организации выступлений в колхозах против существующего строя, а для обновленцев - в контрреволюционной деятельности и организации массовых беспорядков и выступлений в самом городе.

Следует отметить, что после опубликования новой «Сталинской» конституции, в которой гражданам СССР гарантировались не только свобода совести и вероисповедания, но и всеобщность гражданских прав, многие служители Церкви начали свободно говорить и проповедовать о необходимости духовного возрождения советского народа, а также предпринимать попытки открытия ранее закрытых церквей. В Ульяновске, Мелекесе и в других местах тогдашней Ульяновской епархии были

---

³⁹⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1625. Л. 211.

³⁹⁷ Лавринов В. В. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви в 1920-1940-е гг.: на материалах Урала: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Ур. гос. ун-т, 2010. С. 61.

арестованы сотни священно- и церковнослужителей, и простых мирян. Всем им было предъявлено обвинение в активном участии в «антисоветской» деятельности и участии в мифической Куйбышевской областной «церковной контрреволюционной» организации. Рассматриваемое дело является частным случаем в ходе ликвидации этой мифической организации.

В материалах дела есть сведения, что «Горьковским в селах к-р работа проводилась через так называемые церковные советы. Из состава этих церковных советов к Горьковскому приходили представители из числа церковных фанатиков, которых он направлял на проведение антисоветской работы в селах»³⁹⁸. Потом епископ Владимир, находясь уже под следствием, будучи заключенным в тюрьму, так ответит на вопрос следователя об его контрреволюционной работе: «Я отрицаю какое-либо мое участие в организованной контрреволюционной деятельности. Если не считать моей организованной деятельности как епископа Ульяновской епархии по открытию закрытых и занятых под колхозное имущество церквей и посылки в эти приходы по требованию верующих священников для организации религиозных обрядов и проповедования Слова Божия»³⁹⁹. Действительно, со дня приезда в конце 1935 года в Мелекесс епископа Владимира (Горьковского) церковная жизнь в городе и близлежащих местах заметно оживилась. Начались активные попытки открытия бездействующих в селах церквей, которые были заняты под хранение зерна и другие общественные нужды. Это и послужило поводом для преследования его и множества других священно-, церковнослужителей и мирян.

По поводу массовых выступлений в селе Лебяжье весной 1937 года Епископ Владимир сообщил, что ни о каком организованном массовом выступлении за открытие церкви не говорил, а священники Кожевников и Сутягин организовали выступления, поскольку «неправильно поняли мои и

---

³⁹⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1348. Л. 398.

³⁹⁹ Там же. Д. 1348. Л. 108.

Прибыловского советы»⁴⁰⁰. И, разумеется, Епископ Владимир отрицал какое-либо участие в контрреволюционной деятельности: «Не только в состав руководящего центра церковно-сектантской контрреволюционной организации я не входил, но и не был рядовым членом ее»⁴⁰¹.

По указанному делу были осуждены по статьям 58-6, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР и по приговору тройки при УНКВД по Куйбышевской области расстреляны епископ Владимир (Горьковский Василий Петрович) и еще 12 человек, среди которых 4 церковнослужителя, 3 монахини и 5 мирян. Приговорены к заключению в концлагерь сроком на 10 лет 8 мирян⁴⁰².

Арест и расстрел епископа Владимира (Горьковского), по сути, означал, что в Ульяновской епархии больше не было правящего архиерея староцерковного направления. Напомним, что именно Мелекес был в 1930-е годы центром староцерковного, патриаршего православия в нынешней Ульяновской области. Тогда как в самом Ульяновске в это время все действующие православные храмы истинной церковной ориентации были закрыты. Два открытых храма были обновленческим (кладбищенский Воскресенский) и кафедральным собором раскольников из ВВЦС (григорианцев) (Неопалимовский храм). Поэтому именно в Мелекесе проживал правящий архиерей Ульяновской епархии епископ Владимир (Горьковский), а Никольский собор был его кафедральным храмом. Таким образом, можно констатировать, что дела по ликвидации «мелекесской церковной антисоветской организации» были нацелены на уничтожение не только священнослужителей и активных мирян, но и самого центра Православия в Ульяновской епархии.

В следующем «мелекесском» деле мы находим сведения об арестованных священнослужителях и наиболее активных прихожанах Никольского храма, т.е. тех, кто был тесно связан с епископом Владимиром

---

⁴⁰⁰ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1348. Л. 101 об.

⁴⁰¹ Там же. Д. 1348. Л. 101.

⁴⁰² Там же. Д. 1348. Л. 185-205.

(Горьковским), но к декабрю 1937 года были еще на свободе. Это дело было частью одной операции по уничтожению местной «контрреволюционной церковно-сектантской организации», поскольку «легенды» в обвинительных заключениях являлись практически идентичными - «в 1935 г. ссыльным епископом Вениамином (Троицким), а в начале 1936 г. архиереем (Горьковским) Владимиром в г. Мелекесе были созданы две контрреволюционные церковные организации. В последствии между руководителями указанных к-р организаций был установлен блок на основе признания необходимости организованной борьбы для свержения советской власти»⁴⁰³. Также участниками данной организации создавались «повстанческие ячейки», проводились «провокационные» мероприятия, вербовались новые «контрреволюционеры», «извращалась Новая Конституция», распространяли «слухи о войне» и «террористические настроения»⁴⁰⁴. Среди 20 арестованных человек были шесть священников (в том числе и брат ссыльного епископа Вениамина – Михаил Васильевич Троицкий (1890-1938)), два диакона, две монахини, восемь мирян, а также бывшие проповедник и член общины евангельских христиан-баптистов. Последние и должны были свидетельствовать о том, что ради свержения советской власти «контрреволюционеры-церковники» различных церковных и сектантских направлений объединялись в единую сеть. Однако на допросе Шитиков Ф.Ф. (бывший сектантский проповедник) на вопрос о знакомстве с местным духовенством ответил, что «вообще, из попов никого не знаю»⁴⁰⁵. Но это не стало препятствием для включения Шитикова Ф.Ф. в «контрреволюционную» сеть. Несмотря на то, что никто из арестованных своего участия в контрреволюционной деятельности не признал, 15 человек были приговорены к расстрелу (в том числе и Шитиков Ф.Ф.) и 4 человека - к 10 годам концлагерей. Как уже отмечали ранее, в отношении Кипарисова В.А.,

---

⁴⁰³ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1625. Л. 187.

⁴⁰⁴ Там же. Д. 1625. Л. 188.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 1625. Л. 158.

проходящего свидетелем и в деле против епископа Владимира (Горьковского) (Д. 1348), следствие было прекращено.

В «мелекесских» делах отмечалось, что в 1935 году в Мелекесе ссыльным епископом Вениамином (Троицким) также была создана «контрреволюционная церковная организация», впоследствии с епископом Владимиром (Горьковским) был установлен блок. Однако среди просмотренных дел в ульяновском архиве кроме упоминаний епископа Вениамина (Троицкого) нет сведений ни о его аресте, ни о допросе и приговоре. Более того, в рассмотренном выше деле № 1625 имеется справка от 25 июля 1956 года, в которой сообщается, что «архивно-следственного дела на Троицкого Вениамина Васильевича в архиве КГБ при СМ СССР нет и судимым он не значится»⁴⁰⁶. Возможно, в запросе имелась ошибка, поскольку Александр Васильевич Троицкий в 1922 году принял монашеский постриг с именем Вениамин. Тем не менее, как сообщает А. Скала, сведения об епископе (Троицком) находятся в архиве УФСБ РФ по Самарской области.

23 октября 1937 года были арестованы архиепископ Куйбышевский Православной Церкви (патриаршей ориентации) Ириней (Шульмин), а также духовенство, церковнослужители, члены церковного совета и наиболее активные прихожане Петропавловского храма г. Куйбышева (более 20 человек). Все они обвинялись в контрреволюционной пропаганде и агитации среди православных верующих г. Куйбышева.

Затем начались аресты «административно-высланных церковников» (в основном, из г. Ленинграда), контрреволюционной деятельностью которых якобы руководил архиепископ Ириней. После к делу «пристегнули» и уже содержащегося в мелекесской тюрьме епископа Вениамина (Троицкого) (арестован 29 июля 1937 г.) и находящегося в ульяновской тюрьме «митрополита»-григорианца Иоанникия (Соколовского) (арестован 23 октября 1937 года), возглавлявшего Ульяновскую епархию ВВЦС.

---

⁴⁰⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1625. Л. 321.

Впоследствии были арестованы и другие священники и миряне всей Ульяновской епархии, осужденные в дальнейшем по этому делу⁴⁰⁷.

Данное дело является основным в перечне других внесудебных разбирательств, в результате чего Куйбышевская и Ульяновская епархии остались без руководства, а также лишились большинства священников и активных мирян. Именно на основании сфальсифицированных следствием «признательных показаний» архиепископа Ириней (Шульмина) и была сформулирована «легенда» в недрах НКВД о существовании в Куйбышевской области «объединенной церковно-сектанской монархической контрреволюционной организации», частью которой и были «контрреволюционные церковные» организации Ульяновского округа, входившего тогда в состав Куйбышевской области.

Напомним, что епископ Вениамин был арестован в Мелекесе в июле 1937 года, а 6 октября ему было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации, проведении агитации среди населения, обработке в антисоветском духе учащейся молодежи. Было принято решение направить данное дело на рассмотрение тройки УНКВД по Куйбышевской области⁴⁰⁸. Отметим, что в «мелекесском» обвинительном заключении не было и слова о Куйбышевской контрреволюционной церковной организации, частью которой впоследствии станет «группировка» епископа Вениамина.

В протоколе допроса епископ Вениамин сообщает, что активным участником церковно-сектантской контрреволюционной организации он не был и быть не мог, поскольку его свобода была ограничена в административной высылке в г. Мелекесе. Более того, у него и не было желания этим направлением деятельности заниматься, поскольку с 1936 года он отошел от церковных дел. Свою церковную деятельность епископ Вениамин характеризует как «пассивную»⁴⁰⁹.

---

⁴⁰⁷ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 764.

⁴⁰⁸ Там же. С. 774.

⁴⁰⁹ Там же. С. 765.

Несмотря на то, что большинство обвиняемых по данному делу не признали свою вину, а часть арестованных признала вину частично, в том числе и под действием пыток, истязаний, что будет рассмотрено ниже, из 269 осужденных 251 человек были приговорены к высшей мере наказания - расстрелу. 16 апреля 1938 года был расстрелян и епископ Вениамин (Троицкий).

Данное дело было пересмотрено Военным Трибуналом Приволжского военного округа 14 января 1956 года. Секретное определение Трибунала отменило решение «тройки» и прекратило дальнейшее производство этого дела за отсутствием в действиях осужденных состава преступления. В данном определении имеются важные и показательные факты, свидетельствующие о вымышленном характере «контрреволюционной церковно-сектантской организации в Куйбышевской области».

В Определении сообщается, что несостоятельность показаний Шульмина и Виноградова определяется тем, что из 269 человек, осужденных по данному делу, 177 человек в предъявленных им обвинениях виновными себя не признали. А те, кто признал свою вину в принадлежности к контрреволюционной организации, давали показания общего, декларативного характера, приводили «несерьезные и фантастические разговоры о планах и преступлениях, которые они намеревались осуществить». Из показаний многих арестованных нельзя понять, когда и кем они были вовлечены в организацию, к какому времени относятся те или иные факты, представленные в протоколах их допросов. Более того, признавшие себя активными участниками контрреволюционной организации никаких фактов практической деятельности не приводили. К тому же обвинительное заключение по настоящему делу было составлено и утверждено уже после того, как все привлеченные лица были осуждены тройкой НКВД⁴¹⁰.

---

⁴¹⁰ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 771.

Руководивший следствием по делу и лично допрашивавший основных обвиняемых, а также свидетелей из числа агентуры органов НКВД, бывший начальник 4 отдела УНКВД Куйбышевской области Углев в 1939 году с группой других ответственных работников этого Управления был арестован и Военной Коллегией Верховного Суда СССР осужден за незаконные методы следствия на 10 лет лишения свободы. По существу нарушений «советской законности», допущенных при расследовании дела, обвиняемый Углев на допросе от 4 июля 1939 года сообщил: «Допросы арестованных проводились мною при помощи извращенных методов ведения следствия. Я лично в некоторых случаях прибегал к фальсификации следственных материалов и применению физических мер воздействия над арестованными, причем это выражалось главным образом в т.н. «стойках» арестованных, от 2-х до 5 суток допросов... Следствием такого рода моей преступной работы явилось то, что дела на различные контрреволюционные группы церковников и сектантов, разнородные и не связанные между собой, были мною искусственно объединены в одну церковно-сектантскую организацию»⁴¹¹. По указанию вышестоящих лиц Углевым была составлена докладная «записка на имя НКВД СССР», в которой все эти контрреволюционные группы были представлены как единая церковно-сектантская организация, руководимая церковно-сектантским центром. Но, как утверждал сам Углев, единой организации установлено не было, и ее не существовало.

В конечном итоге, Определение Военного Трибунала Приволжского военного округа постановило, что анализ материалов дела и результатов проведенной по ним дополнительной проверки дает основания прийти к выводу, что никакой «контрреволюционной церковно-сектантской организации на территории Куйбышевской области в действительности не было, и виновность всех обвиняемых в проведении контрреволюционной деятельности материалами не обоснована»⁴¹².

---

⁴¹¹ Цит. по: *Скала А., прот.* Церковь в узах. С. 771.

⁴¹² Там же.

Следующее дело по своей форме и структуре является уже типичным. Это дело «О церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в г. Ульяновске» (начато 6 декабря 1937 г. и окончено 27 декабря 1937 г. Ульяновским ГО НКВД).

Согласно «легенде» руководителем этой организации был обновленческий архиепископ Иоанн (Никольский). В своих показаниях он признает, что является организатором и руководителем «церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации»⁴¹³, существовавшей в Куйбышевской области и в г. Ульяновске на протяжении ряда лет. В протоколе допроса называются фамилии более шестидесяти священно- и церковнослужителей, монашествующих и мирян, которые якобы тоже принадлежали к этой организации.

Одним из первых был арестован проживавший на покое в г. Ульяновске епископ патриаршей сергиевской ориентации Митрофан (Гринев). 16 декабря 1937 года в деле появляется признание епископа Митрофана, который также признает, что являлся одним из организаторов и руководителей «церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации», существовавшей на территории Куйбышевской области и г. Ульяновска: «Контрреволюционная организация существует в г. Ульяновске с 1935 года, которую я создал по возвращении из ссылки»⁴¹⁴.

Однако подобные «признательные» показания вызывают сомнения, когда выясняется, что, во-первых, во всем деле на каждого обвиняемого заполнено всего несколько документов: постановление об избрании меры пресечения, ордер на обыск и арест, протокол обыска, анкета обвиняемого и допрос. Во-вторых, следствие по обвинению 63 человек завершилось за 21 день, включая аресты, обыски и допросы. Поэтому рукописные протоколы допросов в основном умещаются на двух страницах одного листа. И только два допроса из всех, находящихся в деле, отпечатаны на машинке - допросы

---

⁴¹³ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1621. Л. 73.

⁴¹⁴ Там же. Д. 1621. Л. 123.

двух архиереев. Есть основания полагать, что эти «признательные показания» были приготовлены заранее, отпечатаны и только потом, при допросе, предъявлены обвиняемым. Подтверждением тому также может служить использование идентичных фраз в протоколах допроса «архиепископа» Иоанна (Никольского) и епископа Митрофана. В-третьих, в 1940 году начальником Управления НКВД Куйбышевской области данное дело направляется на доследование, и через некоторое время решения тройки будут отменены⁴¹⁵.

Более того, имеется секретный протокол закрытого судебного заседания Военного Трибунала войск НКВД Куйбышевской области от 4-5 декабря 1939 года, в котором сообщается об уголовных делах против следователей по рассматриваемому делу 1937 года. Были арестованы: начальник Ульяновского горотдела НКВД лейтенант Андронов Н.Ф., начальник отделения того же горотдела НКВД Рогов Н.А., начальник отделения лейтенант УГБ Зотов А.И.⁴¹⁶

В деле есть множество свидетельств о том, что арестованных путем избиения, выстоек, через заключение в карцер и угрозы арестом всей семьи, в том числе и детей, заставляли подписывать заготовленные заранее и отпечатанные на машинке протоколы допросов. В приговоре по делу чекистов сказано, что с конца 1937 года Андроновым и Роговым были произведены многочисленные аресты граждан, которые не были причастны контрреволюционным организациям. Более того, они не имели даже «уголовных подозрений». Однако в своей следственной работе Андронов, Рогов, Зотов применяли «несвойственные» методы допроса (избиения, выстойки и т.д.), показывая пример подчиненному составу. В результате применения этих «методов» к арестованным многие из них дали показания, не отвечающие действительности, оклеветав себя в тяжких государственных

---

⁴¹⁵ См.: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 587.

⁴¹⁶ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 943.

преступлениях, другие «подписали сфабрикованные заранее протоколы допроса и материал такого же свойства»⁴¹⁷.

По решению трибунала обвиняемые бывшие сотрудники НКВД были приговорены к заключению в лагеря на срок от трех до шести лет и лишены званий. Так органы избавлялись от тех, чьими руками были уничтожены сотни ни в чем неповинных людей.

Всего по делу о контрреволюционной организации в г. Ульяновске было арестовано и осуждено 2 архиерея, 20 священников, 2 диакона, 17 монахинь и 22 мирянина. Епископ Митрофан (Гринев Федор Васильевич, Патриаршая Церковь) и «архиепископ» Иоанн (Иван Васильевич Никольский, ВЦУ - обновленческий раскол) были расстреляны. Также были расстреляны 20 священников, два диакона, один псаломщик, 17 монахинь, 13 мирян. 8 мирян осуждены к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

Все обвиняемые по настоящему делу были реабилитированы 28.09.1956 г. президиумом Ульяновского областного суда за отсутствием в их действиях состава преступления.

Среди расстрелянных по делу «О церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в г. Ульяновске» была и монахиня Екатерина (Декалина Екатерина Дмитриевна) (1875-1938 гг.), которая согласно Деяниям Архиерейского Собора Русской Православной Церкви решением Священного Синода в 2004 году была причислена к сонму святых Новомучеников и исповедников Российских в лике преподобномучеников. На допросах откровенно заявляла о своем отношении к советской власти: «Да, я действительно недовольно существующим порядком, и всегда и везде говорила, что советская власть делает гонение на верующих. Монастыри закрыли, церкви закрыли, священников в тюрьмы посажали. Спрашивается – за что? За то, что они всю правду рассказывали верующим. Конечно, я говорила, что эта власть не от Бога, а от антихриста. С

---

⁴¹⁷ Цит. по: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 942-943.

этим положением я не могу смириться до настоящего времени, и в силу своих убеждений в существование Бога я и буду говорить об этом до самой смерти»⁴¹⁸. Тройка при УНКВД по Куйбышевской приговорила монахиню Екатерину к расстрелу.

Создавая вымышленные «контрреволюционные» организации, сотрудники НКВД часто противоречили реальному положению дел, обнаруживая свою неосведомленность в вопросах церковной жизни. Они объединяли в «контрреволюционной» деятельности представителей «сергиевской» ориентации и обновленцев, чего принципиально быть не могло. Это один из примеров, свидетельствующих о фальсификации следственных дел. И таких примеров множество. Например, характерные выражения, присутствующие в протоколах допроса, которые не могли даже входить в лексикон священнослужителей. Однако все эти противоречия служили конкретным целям по вынесению «расстрельных» приговоров большинству священнослужителей, обвинённых как участников «контрреволюционных организаций»⁴¹⁹.

Следует отметить, что похожие следственные дела проходили по всей стране. Так, летом 1937 г. в Челябинской области органы НКВД «обнаружили» и ликвидировали «контрреволюционную» организацию, в которую входили представители духовенства, и состояла она из более 1000 человек. Тем не менее, из 85 «церковников» в этой организации было 34 сектанта-баптиста, 4 священника, 5 монахинь, 18 активных верующих. Всех их расстреляли⁴²⁰. В этом деле также подписи в протоколах допросов были подделаны. Существование подобной практики признается многими исследователями, а также работниками Федеральной Службы Безопасности⁴²¹.

---

⁴¹⁸ Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 599-600.

⁴¹⁹ Шадрина А. В. Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937-1938 годах в Ростовской области // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28, вып. 1. С. 45.

⁴²⁰ Худобородов А. Л., Яшина М. А. Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) // Вестник ЮУрГУ, № 30 (247). Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. Выпуск 17. С. 64.

⁴²¹ Там же. С. 64.

В таблице ниже представлены некоторые из множества судебных дел, связанных с контрреволюционной деятельностью духовенства и активных верующих.

Таблица 1. Судебные дела по контрреволюционной деятельности духовенства и активных верующих

№ дела, сроки судебного разбирательства	Обвинение («легенда»)	Основание (фактическое)	Приговор
П-1634, 5.11.1937- 15.12.1937 гг. (Ульяновск)	Участие в деятельности «церковной контрреволюционной монархическо-повстанческой организации» в г. Ульяновске ⁴²² .	Не обнаружено. Возможно, участие в церковной жизни	Ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР, расстреляны 11 человек, 10 лет концлагерей - 4 человека, среди которых - 3 мирянина
П-1767, 18.10.1936- 19.06.1937 гг. (Ульяновский район)	Создание и участие в деятельности «контрреволюционной группы церковников» под руководством	Сопротивление изъятию храмовых зданий, возобновление богослужений в закрытых церквях	Ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР, лишение свободы сроком на 5 лет – 5 чел., высылка в Северный край – 8 чел., надзор по месту жительства – 2 человека. Среди

⁴²² Там же. Д. 1634. Л. 1.

	епископа Феодосия (Борисов- Григорович Петр Георгиевич) ⁴²³ .		осужденных – 7 мирян
П-1778, 26.09.1937- 28.11.1937 гг. (Ульяновск)	Участие в деятельности «контрреволюцио нной организации» в Неопалимовской церкви г. Ульяновска ⁴²⁴ .	Денежная помощь ранее арестованным священникам, сопротивление закрытию церкви	Ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР, расстрел – 9 священно-, церковнослужителей, концлагерь (10 лет) – 2 мирянина
П-1817, 10.12.1937- 28.12.1937 гг. (продол жение дела № 1348, рассмотренног о выше)	Участие в деятельности «антисоветской церковной организации» в г. Сенгилее ⁴²⁵ .	Сопротивление закрытию церквей, религиозная пропаганда	Ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР, расстрел – 6 чел. (среди которых 2 мирянина), концлагерь (10 лет) – 5 мирян
П-4756, 24.04.1937- 21.11.1937 гг.	Контрреволюцио нная деятельность церковных групп в г. Мелекесе и в с. Лебяжье	Антисоветская агитация, деятельность, направленная на открытие церквей	Ст. 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР, расстрел – 1 священник, концлагерь (10 лет) – 5 чел., среди которых 2 мирянина,

⁴²³ Там же. Д. 1767. Л. 2.

⁴²⁴ Там же. Д. 1778. Л. 1.

⁴²⁵ Там же. Д. 1817. Л. 1.

	Мелекесского района ⁴²⁶ .		концлагерь (8 лет) – 2 мирянина.
6620 (следственное дело из архива УФСБ по Самарской области), 22.10.1937- 30.12.1937 гг. ⁴²⁷	Создание и участие в деятельности «широко разветвленной объединенной церковно-сектантской монархической организации на территории Куйбышевской области», находящейся «в прямых организационных связях с союзным объединенным церковно-сектантским к-р центром, возглавляемым митрополитом Сергием, членом	Религиозная пропаганда, агитация, руководство церковной жизнью	По ст. 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР осуждено 269 человек. Среди них священно-, церковнослужители, миряне, проживающие на территории нынешней Ульяновской области: расстрел 5 человек, в том числе – «митрополит» Иоанникий (Соколовский Ф.С., ВВЦС), епископ Вениамин (Троицкий А.В.), концлагерь (10 лет) – 1 мирянка.

⁴²⁶ Там же. Д. 4756. Л. 1.

⁴²⁷ См.: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 763-776. Данное дело является основным в перечне других внесудебных разбирательств, которые во второй половине 1937 года не только обезглавили Куйбышевскую и Ульяновскую епархии (и патриаршей, и григорианской, и обновленческой ориентации), но и лишили их практически всех пастырей и наиболее активных мирян.

	Синода Лебедевым, митрополитом Введенским и митрополитом Зориным» ⁴²⁸ .		
--	---	--	--

Конечно, в рамках проводимого исследования невозможно рассмотреть все дела в отношении православного духовенства и мирян, поэтому выше упомянуты судебные разбирательства наиболее показательные. Любая деятельность священно-, церковнослужителей и мирян, связанная с церковной жизнью, ставилась вне советского закона. Любое высказывание священника могло быть квалифицировано как «антисоветская агитация», любое действие – как направленное либо на сопротивление мероприятиям советской власти, либо на подрывную работу «церковников» против страны советов. В логике большевиков Церковь в качестве организации со своей (не большевистской) властной структурой, разветвленной сетью приходов, огромным количеством участников, альтернативной коммунизму идеологией становилась Врагом с большой буквы, посягающим на «святыни» большевиков, идеалы Революции. Поэтому Церковь и становилась контрреволюционной организацией.

2.3. Судебные дела в отношении православного духовенства и мирян, связанные с иными (внерелигиозными) мотивами советских властей

Среди множества судебных дел против православного духовенства и активных верующих на территории нынешней Мелекесской епархии сложно обнаружить те из них, которые производились бы с нерелигиозных позиций,

---

⁴²⁸ «Митрополит» Александр Введенский – глава обновленческой Церкви, «митрополит» Виссарион Зорин – глава григорианского раскола.

поскольку сам факт в биографии принадлежности к «деятелям религиозного культа» обуславливал пристальное внимание органов НКВД к духовенству, а также стремление изолировать или уничтожить как «врагов народа» по пресловутой 58 статье Уголовного кодекса именно в поле антирелигиозной политики. Однако не всегда у властей были законные основания для преследования «церковников» и «помогающих» им в «антисоветской деятельности» мирян. Тогда стали появляться иные мотивы нерелигиозного характера.

Как правило, в сельской местности духовенство и активно верующие подвергались преследованиям как пособники кулачества и враги колхозного строительства. Действительно, коллективизация распространялась на всех, кто занимался сельским хозяйством, поэтому мероприятия советской власти, связанные с «колхозной» политикой, можно рассматривать в качестве имеющих в основании внерелигиозные мотивы. Среди множества рассмотренных автором судебных дел, имеющих «колхозную» подоплеку, основная их часть приходится на 1929 – 1931 годы – первые годы проведения коллективизации. Любые негативные высказывания церковнослужителей в отношении колхозов, или поддержка сельских жителей в их негативной оценке проводимой властями «коллективизации» квалифицировались как антиколхозная агитация, недовольных положением дел на селе объединяли в «кулацкие (-поповские) антисоветские группировки» и осуждали за антисоветскую деятельность на срок от 3 до 10 лет, реже – расстрел. Следует отметить, что церковнослужители в селе также занимались сельским хозяйством, а если не занимались, то заключали договоры с прихожанами на оплату их богослужebной деятельности, а также работы церковнослужителей, в том числе и зерном, поэтому также попадали под «ликвидацию кулака как класса». Они также вынуждены были сдавать государству зерно, так называемый «продовольственный хлебный налог», который, как правило, не имели возможности собрать. А если обращались к прихожанам за помощью, то это расценивалось как незаконные «поборы» и становилось основанием для

преследования. При этом часто повсеместно закрывающиеся церкви использовались не только под «культурные нужды», но и под зернохранилища, под яровизацию, что вызывало недовольство сельских жителей и, как часто встречается в названии судебных дел, «сопротивление мероприятиям советской власти» или «противодействие властям», а также «массовые выступления верующих». Естественно, что идеологами и руководителями подобных, часто стихийных, процессов в сельской местности считались церковнослужители, которые имели авторитет среди сельчан.

Тем не менее, советская политика колхозного строительства имела не столь выраженную и религиозную составляющую, что свидетельствует об условности означенных границ. Дело в том, что большая часть вовлеченных в нее сельчан, в том числе и церковно-, священнослужители, негативно относились к резкой перемене традиционных устоев, в результате чего они просто вытеснялись на «грань» выживания. Естественно, что все, кто был верующим (принадлежал к какой-либо конфессии), интерпретировали события «коллективизации» с религиозных позиций. И власть не могла этого не заметить. Поэтому колхозное строительство превращалось в разрушение религиозного мира в сельской местности. Можно согласиться с мнением Ю. А. Бирюковой, что «успех коллективизации был поставлен властью в прямую зависимость от культурного и политического перевоспитания села»⁴²⁹. Более того, как ранее отмечалось, согласно постановлению политбюро ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»⁴³⁰, власти требовали пересмотреть религиозное законодательство с той целью, чтобы никакие религиозные объединения не могли стать «опорными пунктами кулачества», а закрытие церквей могло способствовать преодолению препятствий «в соаппарате, мешающих проведению в жизнь принятых

---

⁴²⁹ Бирюкова Ю. А. Репрессии против духовенства и мирян на Дону в 1930-е гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 13.

⁴³⁰ См.: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 126-130.

подавляющей массой крестьянства решений о закрытии церквей, молитвенных домов и т.п.»⁴³¹. Таким образом, политика, направленная на «раскулачивание» священно-, церковнослужителей неразрывно связана с антирелигиозной кампанией большевиков и имеет как религиозные, так и внерелигиозные основания.

Так, дело «О злостной антиколхозной агитации, проводимой религиозными фанатичками в с. Старая Сахча Мелекесского района» (1930 год) свидетельствует о том, что жители указанного села негативно восприняли инициативу властей по организации колхоза, было массовое выступление женщин «против советской власти». В этом селе местные власти никак не могли организовать колхоз. Даже те сельчане, что в него вступали, через некоторое время выходили. Причину своих неудач сельские власти увидели не в своих действиях, методах и формах организации колхоза, а в населении, точнее, в деятельности трех верующих женщин – Сендюхиной У. Е., Сердюковой М. П., Трифанкиной М. И.

В показаниях свидетелей, допрошенных по этому делу, процитированы некоторые слова этих женщин: «Пойдете в колхоз – погибнете, так как там церкви не будет, а всякий неверующий при скорой кончине мира будет мучиться в аду. Колхоз — это барщина, где будут работать как лошади, а жить впроголодь – только и житье будет коммунистам, которые будут сидеть. Как и теперь сидят, на мужичьей шее»⁴³². И далее: «Пришли последние времена, придет антихрист. Будут закрывать церкви, снимать колокола. Вас загонят в колхоз, где нельзя уже будет религию исповедовать, будете как басурманы – без креста и церкви, а Бог накажет всех голодом и мором. Нужно отказаться от колхоза, так как это все дела антихриста»⁴³³. Разумеется, как было показано на примере других следственных дел, к показаниям свидетелей необходимо относиться скептически. Однако следствие установило связь между

---

⁴³¹ Там же. С. 130.

⁴³² АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1560. Л. 41.

⁴³³ Там же. Д. 1560. Л. 42.

агитационной деятельностью трех женщин и тем, что другие «женщины толпами приходили в сельсовет, требуя выписать их из колхоза», срывая не только сбор средств на трактора, но и работу по коллективизации села. Арест Сендюхиной, Сердюковой, Трифанкиной оказал влияние на жителей села, поскольку «после изоляции этих монашек в селе быстрым темпом пошла коллективизация»⁴³⁴.

Действительно, любое посягательство на веру, устои и обычаи расценивалось крестьянами не иначе как «антихристово дело» и «бесовские происки». Во время допросов женщины отрицали свою вину. Так, У. Е. Сендюхина сообщала: «Я могу сказать следующее, что кто ведет агитацию против колхозов и тракторов я не знаю. Я никуда не хожу кроме церкви. В церкви мы ничего и не говорим. Я также не могу знать, по каким причинам крестьяне этого района, в котором я проживаю, не записываются в колхоз, и среди этих крестьян я ничего не говорила»⁴³⁵.

Сложно говорить о какой-то агитации со стороны жительниц села, поскольку Сердюкова и Трифанкина плохо говорили на русском языке - в протоколе допросе отмечено, что допрашивали обвиняемых при помощи переводчика с чувашского языка на русский. Тем не менее, трех женщин приговорили к ссылке в Сибирь сроком на три года⁴³⁶.

В ходе рассмотрения около 50 судебных дел, возбужденных на территории всей Ульяновской епархии, имеющих «колхозную» подоплеку, было обнаружено, что все они обнаруживают схожие черты. Прежде всего, это негативные высказывания в отношении колхозов, которые рассматривались как «злостная антиколхозная агитация», невозможность сдать государству продовольственный хлебный налог, квалифицируемое как «злостное противодействие хлебозаготовкам», стремление договориться с представителями власти о снижении налога расценивалось как «погромное

---

⁴³⁴ Там же. Д. 1560. Л. 42.

⁴³⁵ Там же. Д. 1560. Л. 13.

⁴³⁶ Там же. Д. 1560. Л. 44.

воздействие на членов комиссии», а обращение за помощью к прихожанам – как незаконные действия. Очень часто священников просто «пристегивали» (как выражались тогда в следственных органах) к «раскулачиванию» зажиточных крестьян, считая их организаторами и идеологами «антисоветских заговоров» «церковно-кулацких группировок».

В начале 1930 года в селе Чувашский Сускан Мелекесского района была обнаружена такая «церковно-кулацкая группировка», состоявшая из наиболее зажиточных сельчан, и во главе которой, согласно «легенде», стоял священник Александр Рытенков (1896-?)⁴³⁷. Эта группа проводила нелегальные собрания среди бедняков и середняков, агитировала женщин «через группу церковников», а также планировала антисоветские мероприятия под видом устройства «массовых пьянок, кутежей лишенцев во главе с попом в квартирах лишенцев»⁴³⁸. Результатом этих действий стало коллективное заявление 70 человек об отказе от вступления в колхоз и задатков на трактора.

Одним из фактов, уличающим местного священника в антисоветской деятельности, было проведение им в храме праздничной службы весной 1929 года. По совпадению в этот же день было назначено собрание жителей села по вопросу «о контрольных цифрах хлебозаготовок». Жители собранию предпочли общую молитву в храме, вследствие чего «мероприятие партии и правительства было сорвано»⁴³⁹. Священник Александр Рытенков был арестован 28 января 1930 года. На допросе признался, что у него «выпивка в квартире на Рождество, действительно, была, но лишенцев никого не было», что «никаких антисоветских мероприятий не проводил и не намерен»⁴⁴⁰. Через двадцать дней был приговорен по ст.ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

Для священника Дмитриева Филиппа Дмитриевича (1872-?) из села Сабакаево Мелекесского района «контрольная цифра» (продовольственный

---

⁴³⁷ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 384.

⁴³⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 6433. Л. 81.

⁴³⁹ Там же. Д. 6433. Л. 84.

⁴⁴⁰ Там же. Д. 6433. Л. 73.

хлебный налог) составила 200 пудов ржи⁴⁴¹. Просьбы его и прихожан о снижении этой цифры успеха не имели. Верующие в количестве около 100 человек собрались возле сельсовета и пытались отстоять священника. В итоге, его и нескольких зажиточных крестьян обвинили в организации «антисоветского заговора» и приговорили к заключению в концлагерь сроком на 3 года⁴⁴².

За невыполнение «контрольной цифры» и попытку влияния на комиссию священника Николая Цветкова (1888-1968) из села Ясашная Ташла Тереньгульского района Коллегия ОГПУ приговорила к заключению в концлагерь сроком на 5 лет (19.09.1929-18.10.1929 гг.). Однажды после службы о. Николай обратился к одной из прихожанок, матери члена комиссии по хлебозаготовкам, с просьбой поспособствовать через сына снизить необходимое к сдаче государству количество зерна. Не имея земельного надела, он вынужден был покупать зерно у крестьян, а затем сдавать его колхозу. Денег также у священника не было. Его попытки переговорить с другими членами комиссии были расценены следователями как «злостное противодействие хлебозаготовкам» и «погромным воздействием на членов комиссии»⁴⁴³.

Если судебные дела в отношении «врагов колхозного строительства» обнаруживают как внерелигиозные, так и религиозные мотивы советских властей, то рассмотренные ниже судебные разбирательства, на наш взгляд, формально находятся вне поля антирелигиозной политики большевиков.

Так, в качестве члена контрреволюционной организации эсеров в Чердаклинском районе был осужден и приговорен к расстрелу священник Сальников Николай Никандрович (1874-1937)⁴⁴⁴. Согласно «легенде» в обвинительном заключении в 1937 году в ряде сел Чердаклинского района существовало несколько контрреволюционных групп эсеров, которые были

---

⁴⁴¹ Там же. Д. 3565. Л. 27.

⁴⁴² Там же. Д. 3565. Л. 54.

⁴⁴³ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 7010. Л. 2.

⁴⁴⁴ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 2. С. 333.

созданы членами ликвидированной ранее контрреволюционной организации. Священник Сальников из села Кайбелы, в 1935 году вошедший в состав этой группы, «восхвалял врагов народа», «высказывал озлобление» против Сталина, говорил о необходимости в случае войны «поднять восстание внутри страны»⁴⁴⁵. Данной организации приписывались следующие задачи: насильственное свержение существующего строя, а в области сельского хозяйства – ликвидация колхозов и возвращение к единоличному хозяйству. Главными средствами реализации задач были «интервенция империалистических, в первую очередь фашистских стран», восстание населения, террор и вредительство во всех областях народного хозяйства⁴⁴⁶.

И хотя никаких политических идеалов эсеров отец Николай никогда не придерживался, на допросе своей вины не признал, тем не менее, следствие установило, что он встречался с некоторыми людьми, возможно, прихожанами храма, привлеченными по этому делу. И этого было достаточно, чтобы священника расстреляли⁴⁴⁷. 15 декабря 1937 года приговор был приведен в исполнение.

За сочинение частушек был арестован и приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к одному году лишения свободы псаломщик Перепелицын Иоанн Иванович (1884-?) (дело начато 1 декабря 1930 г. и окончено 24 декабря 1930 г. Ульяновским оперсектором ОГПУ, Мелекесский район). Суть дела в том, что Иван Иванович иногда пел частушки политического содержания, из-за чего псаломщик Перепелицын, в конечном итоге, и пострадал. В обвинительном заключении эти частушки были приведены: «Эх, яблочко, куда ты котишься, к коммунистам попадешь - не воротишься»; «Я на бочке сижу, а под бочкой мышка. Ленин Троцкому сказал: «Коммунистам крышка»; «Кабы не было воды, не было бы моря, кабы не было колхозов, не было бы

---

⁴⁴⁵ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1596. Л. 246.

⁴⁴⁶ Там же. Д. 1596. Л. 242.

⁴⁴⁷ Там же. Д. 1596. Л. 260.

горя»; «Кабы не было морозов, не было бы холоду, а кабы не было колхозов - не было бы голоду»⁴⁴⁸.

Также в обвинительном заключении приведены показания свидетелей. Так, в беседе со своими молодыми односельчанами, которые пели в руководимом им церковном хоре, он говорил: «В будущем коммунистам все равно придется гореть в аду». Одной комсомолке, дочке сторожа школы, он говорил: «Зачем ты состоишь в комсомоле? Все равно в комсомоле ничего хорошего не получишь, а тем более девицам в комсомоле делать нечего. Только девичью честь потеряешь»⁴⁴⁹. Однако на допросе Иван Иванович отрицал ведение каких-либо разговоров с этой комсомолкой. Более того, утверждал, что никаких антисоветских разговоров не вел, а также «никаких антисоветских частушек не пою и не пел»⁴⁵⁰.

Как видим, религиозные основания данного дела выражены крайне слабо за исключением того, что И. И. Перепелицын был церковнослужителем. Тем не менее, против советской власти высказывался, более того, в ироничной форме. Один год лишения свободы – приговор, можно сказать, «гуманный», если учесть, что в 1937 году за менее «антисоветские» слова расстреливали. Однако заклеямен был псаломщик как «враг народа». Реабилитирован И. И. Перепелицын 23.10.1989 г.

Любое неосторожное слово, произнесенное священником, могло стать основанием для преследований и ареста. Особенно это касалось неосторожных высказываний в отношении вождей революции, руководителей государства. В деле о контрреволюционной «кулацкой группировке» в Старомайском районе (1930 год) сообщается, что священник Разумовский Андрей Семенович (1877-?)⁴⁵¹ в доме одной из прихожанок увидел на стене портрет «вождя мирового пролетариата» и произнес: «Не надо бы Ленина в

---

⁴⁴⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1759. Л. 22.

⁴⁴⁹ Цит. по: *Скала А., прот.* Церковь в узах. С. 279-280.

⁴⁵⁰ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 1759. Л. 13.

⁴⁵¹ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 550.

доме держать – он шел против Бога»⁴⁵². Арестовали о. Андрея за то, что он, согласно следствию, был идеологическим руководителем контрреволюционной кулацкой группировки, и произнесенные им слова стали подтверждением его «контрреволюционности». Также в обвинительном заключении сказано, что священник обрабатывал женщин против вступления в колхоз, вследствие чего они говорили: «Если бы батюшка разрешил идти нам в колхоз, то все женщины бы пошли»⁴⁵³. Результатом его деятельности стало то, что более месяца в близлежащих селах все собрания, посвященные вступлению в колхоз, срывались, а задатки на трактора не принимались. Нежелание некоторой части населения вступать в колхоз объяснялись, прежде всего, антисоветской агитацией разного рода «контрреволюционеров».

Интересны слова священника, выражающие его отношение к колхозному строительству, против которого, согласно обвинению, он должен был выступать: «Если бы мне разрешили выступить с речью за колхоз, все бы обошлось без всяких неприятностей, и весь народ бы вступил в колхоз, а я первый бы написал заявление»⁴⁵⁴. В протоколе допроса о. Андрей признался, что, на его взгляд, колхозное строительство не противоречит евангельскому учению, о чем он неоднократно говорил в частных беседах с прихожанами⁴⁵⁵. Однако рационализаторское предложение священника было оставлено без внимания. Он был, прежде всего, идеологическим врагом.

Вместе с о. Андреем арестовали и церковного старосту Романова А.Г. (1870-?), который обвинялся в том, что имел связь со священником Разумовским, участвовал в собраниях «кулацкой группировки», производил «попойки», распространял антисоветскую агитацию и также агитировал женщин против вступления в колхоз⁴⁵⁶. На допросе староста отрицал данные обвинения, указывая, что общение со священником происходило

---

⁴⁵² АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5205. Л. 313.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же. Д. 5205. Л. 311.

⁴⁵⁵ Там же. Д. 5205. Л. 58.

⁴⁵⁶ Там же. Д. 5205. Л. 314.

исключительно по вопросам разведения пчел, о чем упоминает и сам о. Андрей⁴⁵⁷.

Разумовский Андрей Семенович и Романов Алексей Григорьевич были приговорены к заключению в концлагерь сроком на пять лет. Сведений о дальнейшей их судьбе нет⁴⁵⁸.

Схожие судебные дела возбуждались по всей Ульяновской епархии. Так, за распространение «клеветнических провокационных слухов» был приговорен тройкой к расстрелу священник Дмитрий Богоявленский (1869-1937) (дело начато 23 ноября 1937 г. и окончено 26 ноября 1937 г. Николаевским РО НКВД). Отец Димитрий имел неосторожность сказать, что учился в высшем учебном заведении с В. И. Лениным, что было квалифицировано как «клеветнические враждебные слухи»⁴⁵⁹. Более того, у следователей вызвало недоумение то, что священник величал вождя не полным именем и с величайшим почтением, а по-панибратски называл «Вовкой». Отец Димитрий все предъявленные ему обвинения признал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении признаю, только делаю оговорку о том, что я оскорбительно отзывался и называл полуименем умершего вождя ВКП(б) Ленина, и говорил о том, что я с ним учился и жил в одном городе, и лично знаю его. Больше показать по существу предъявленных мне вопросов ничего не имею»⁴⁶⁰. За такое чистосердечное признание священника Димитрия Богоявленского расстреляли. Реабилитирован 27.04.1987 г. Ульяновским облсудом за отсутствием в его действиях состава преступления⁴⁶¹.

Упоминание в своих антисоветских высказываниях И. В. Сталина и «сталинской конституции» также становилось основанием и подкреплением «контрреволюционности» подозреваемых. Так, в показаниях свидетеля

---

⁴⁵⁷ Там же. Д. 5205. Л. 76.

⁴⁵⁸ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 550.

⁴⁵⁹ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4205. Л. 27.

⁴⁶⁰ Там же. Д. 4205. Л. 21.

⁴⁶¹ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 401.

председателя сельсовета села Ботьма Чердаклинского района мы находим, что на его предложение подписаться на облигации государственного займа и разъяснение, что согласно проекту Конституции 1936 года «служители религиозного культа восстанавливаются в правах гражданства» священник Григорий Райковский (1884-?) ответил: «В сталинской конституции есть фантазия, философия, формалистика. При советской власти такая конституция никогда не осуществится. Советское правительство много пишет хороших законов, но все эти законы превратились в пустую бумагу, а на деле ни один закон не претворяется в жизнь»⁴⁶². Однако на допросе Григорий Разумовский пояснил, что назвал проект новой Конституции «предположением», и не говорил о ней как «фантазии, философии, формалистике»⁴⁶³. Но свидетели настаивали на словах священника, что сталинские лозунги относятся только к коммунистам, но не касаются служителей религиозного культа, что призывал он также верующих сопротивляться закрытию церкви и использованию ее под яровизацию.

В обвинительном заключении также сказано, что священник обращался к верующим с призывом объединиться и организованно выступить против советской власти, при этом использовал специально составленный конспект «контрреволюционных» проповедей⁴⁶⁴. В протоколе допроса о. Григорий признал свою вину в том, что составил конспект «контрреволюционных» проповедей, которые «противоречили существующему строю» для того, чтобы «сохранить православную христианскую веру от неверия»⁴⁶⁵. Однако во всех других обвинениях вину не признал.

Священник Райковский Г.И. был арестован в начале декабря 1936 г. и 19 февраля 1937 года приговорен спецколлекцией Куйбышевского областного

---

⁴⁶² АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 6950. Л. 20.

⁴⁶³ Там же. Л. 13.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 43.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 15.

суда по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к тюремному заключению сроком на 8 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет⁴⁶⁶.

Разумеется, не все священники воспринимали Конституцию 1936 года в негативном ключе. В большинстве случаев с принятием конституции духовенство и верующие люди надеялись на улучшения религиозной жизни. Показательными в этом отношении являются слова священника Николая Богородского (1899-1938)⁴⁶⁷ (село Зеленец Тереньгульского района), обвиненного в контрреволюционной агитации: «Теперь религия будет укрепляться. По конституции Церковь отделена от государства, а поэтому мы теперь свободно будем ее укреплять и развивать. Священные книги можно держать у себя в каком угодно количестве, и читать их беспрепятственно. Сейчас уже везде и всюду будут разрешать ходить по домам с иконами и служить молебны. Только у нас местная власть не разрешает этого, но высшая власть этого не запрещает. Вот, последние колокола у нас на храме сняли, говорят – на тракторы. А на будущий год что будут снимать? У нас уже колоколов больше нет, все уже собрали и разрушили»⁴⁶⁸. Несмотря на то, что О. Николай на допросе признался лишь в том, что призывал ходить в церковь и служить молебны, был приговорен тройкой к расстрелу.

В другом показательном деле церковную старосту Неонилу Павловну Козлову (1890-?) приговорили по ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей за то, что она вела «подрывную» работу против выборов в Верховный Совет СССР⁴⁶⁹ (дело начато 12 декабря 1937 г. и окончено 19 декабря 1937 г. Базарносызганским РО НКВД). Когда в декабре 1937 года проходили выборы в Верховный Совет СССР, органы безопасности и местные власти внимательно следили за теми, кто вызывали сомнения в своей лояльности к советской власти. А именно к таким «враждебным элементам» большевики относили духовенство, церковнослужителей и

---

⁴⁶⁶ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 678.

⁴⁶⁷ Там же. С. 583.

⁴⁶⁸ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2815. Л. 19.

⁴⁶⁹ Там же. Д. 4304. Л. 55.

наиболее активных мирян. В их число и была вписана церковная староста Неонила Козлова, поскольку весной 1934 года вместе с наиболее активными верующими села начала писать обращения во все инстанции с просьбой дать разрешение на возобновление богослужений в Тихвинском храме, который использовался под зернохранилище. Храм открыт не был, а активно верующие попали под контроль органов госбезопасности⁴⁷⁰.

В канун выборов 1937 года в тюрьмы попадали за малейшее несогласие с политикой партии и правительства, за недовольство кем-либо из кандидатов в депутаты, даже за случайно сорванные плакаты с портретами ставленников власти.

Согласно показаниям свидетелей, Неонила Павловна на вопрос односельчанина о своем участии в выборах ответила: «Мне на выборы идти нечего, это мне не нужно. Мне при большевиках лучше жить не стало»⁴⁷¹. В другой раз на вопрос одного из свидетелей, за кого голосовать, женщина сказала, что оба кандидата коммунисты, а поэтому и голосовать за них не нужно. В обвинительном заключении поведение и слова Неонила Павловны были уже изложены с соответствующей политической подоплекой: «Козлова Н.П., будучи враждебно настроена против советской власти, систематически вела подрывную работу по срыву выборов в Верховный Совет»⁴⁷². На допросе Неонила Павловна вины своей не признала. Сведений о дальнейшей судьбе после отправки в ИТЛ не имеется. Реабилитирована Козлова Н. П. 26.05.1989 г.⁴⁷³

Священники были неполноправными членами общества, даже если они снимали с себя сан и были восстановлены в правах. Они могли использоваться только на технических или физических работах, никаких льгот этим лицам, в частности пособия по безработице, не предоставлялось⁴⁷⁴. Местные власти

---

⁴⁷⁰ Там же. Д. 4304. Л. 45.

⁴⁷¹ Там же. Д. 4304. Л. 47.

⁴⁷² Там же. Д. 4304. Л. 46.

⁴⁷³ Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 151.

⁴⁷⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 284.

могли увольнять их с работы как «враждебных элементов». Дети священнослужителей, если поддерживали связь с родителями, также были бесправными: они не могли обучаться в школах и других учебных заведениях⁴⁷⁵.

Показательным в этом отношении является дело «О противоправной деятельности бывшего священника Рождаева А. И.» (дело начато 4 августа 1937 г. и окончено 4 ноября 1937 г. Ульяновским РО НКВД). Это дело свидетельствует о типичной судьбе человека, попавшего в «маховик репрессий», поэтому требует подробного рассмотрения.

Священник Александр Рождаев (1902-?) после освобождения в 1933 году из концлагеря, куда был отправлен за «контрреволюционную» агитацию, не мог не только найти место для продолжения своего служения Церкви, но не мог даже надеяться на это⁴⁷⁶. Проблемой было для него, как для служителя культа и «врага народа», подыскать для себя хоть какую-то более или менее оплачиваемую работу, которая дала бы возможность для элементарного человеческого существования. Отец Александр был вынужден трудиться на самых низкооплачиваемых и «черных» должностях - разнорабочим, землекопом и грузчиком. Когда в селе Новые Тимерсяны его в очередной раз уволили даже с такой работы, отец Александр был вынужден поехать в Ульяновск и искать себе работу там⁴⁷⁷.

К тому времени священник жил один, хотя в материалах дела есть сведения о будто бы имевшейся у него раньше семье и детях⁴⁷⁸. Но в то время даже семья порой отказывалась от священнослужителей - отцов и тех родственников, которые были помечены ярлыком судимости по пресловутой 58-й статье Уголовного кодекса.

---

⁴⁷⁵ Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-1930-х гг. // Псков. 2003. № 19. С. 95.

⁴⁷⁶ АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4304. Л. 27.

⁴⁷⁷ Там же. Д. 4600. Л. 28.

⁴⁷⁸ Там же. Д. 4600. Л. 24.

В Ульяновске отец Александр вновь прошел мытарства в поисках трудоустройства. Где бы он ни начинал работать, когда на новом месте узнавали о его происхождении и прошлой судимости, то под разными предложениями бывшего священника увольняли. Последним местом работы священника была Ульяновская МТС, где он трудился сторожем. Жил отец Александр в пригороде - в Конно-Подгорной Слободе, снимая комнату у одной из местных колхозниц. Эта женщина в своих показаниях следствию подробно описала быт батюшки в то время. Вот некоторые выдержки из этих показаний: «Он был, во-первых, молчалив, во-вторых, любил уединение. В большинстве случаев уходил из квартиры в сад, где и проводил в беседке свободное время. Много раз я заставала его там за починкой своих брюк, которые у него были худыми, и чинил он их скрученными веревочками от мочала»⁴⁷⁹. Практически, священник стал оборванцем, влача полунищенское существование. Денег, заработанных в МТС, ему едва хватало на оплату жилья. Часто он фактически голодал. Та же домохозяйка отца Александра свидетельствовала, что иногда отец Александр приносил с собой домой буханку хлеба: «и меня лично крайне удивляло то, что он приносимый хлеб съедал всегда всю буханку в один раз»⁴⁸⁰.

Через месяц после устройства о. Александра на работу сторожем МТС, там случилась кража автомобильных баллонов. Обвинили сразу, безусловно, «бывшего попа» Рождаева. И хоть никаких доказательств причастности к хищению бывшего священника не было, руководство МТС заявило об этом в милицию. Было возбуждено уголовное дело. В МТС собрали сведения о каких-то пропажах личных вещей работников, и все это было вменено в вину о. Александру, хоть он категорически все отрицал. Священника Александра Рождаева приговорили к 10 годам концлагерей, но не за мнимое воровство, а за ... «антисоветскую агитацию», о которой в обвинительном заключении и речи не было. Просто по другой статье духовенство не сажали, а обвинение в

---

⁴⁷⁹ Там же. Д. 4600. Л. 17.

⁴⁸⁰ Там же.

кражах и хищениях было лишь поводом для избавления общества от «чуждого классового элемента». Сведений о дальнейшей его судьбе нет. Реабилитирован 16.08.1989 г.

Таким образом, рассмотренные выше судебные дела свидетельствуют о том, что советская власть стремилась избавиться от духовенства и активных верующих не только в рамках антирелигиозной кампании, но и, формально опираясь, на внерелигиозные «возможности» советского законодательства. Сам факт отношения к религиозному культу когда-либо в биографии человека делал его подозреваемым и, в конечном итоге, виновным, поскольку православная (но и других конфессий) религиозность, принадлежность к Церкви были «чуждым» элементом для большевистской религиозности и советского государства, посягающим на их суверенность.

***

Результаты проделанной работы во второй главе можно определить следующим образом.

Преследование духовенства и активных мирян началось с начала строительства советского государства, активизация антирелигиозной политики произошла с 1929 года, но масштабные репрессии в стране начались с 1937 года. После принятия в 1936 году Конституции СССР, символизировавшей победу социализма и дарующей всем гражданам равные права, постановление 1929 года, несмотря на обнаружившиеся противоречия с ней, отменено не было, более того, оно просуществовало до 1990 года. Именно репрессии 1937 года и стали главным способом устранения данного противоречия. Более того, в преддверии выборов в Верховный Совет СССР в декабре 1937 года, выборов в республиканские и местные Советы в 1938-1939 гг., когда среди кандидатов в депутаты в некоторых регионах страны были представители духовенства, воспользоваться своими

гражданскими правами, данными Конституцией 1936 года, духовенству не было позволено.

В 1937 году на территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии репрессиям подверглись 56 священников и церковных служителей, среди которых были расстреляны 33 человека, 23 человека были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет. Также были подвергнуты репрессиям 60 активных мирян, среди которых 22 человека были расстреляны, а 38 человек были лишены свободы сроком от 8 до 10 лет.

Представителей православного духовенства и мирян преследовали по 58 статье Уголовного кодекса РСФСР за антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность. Репрессии в отношении духовенства и активных мирян имели как религиозные, так и внерелигиозные мотивы.

Судебные дела первой категории, как правило, связаны с невыплатой непомерно высоких налогов, обращением духовенства за помощью к прихожанам, и, как следствие, закрытием храма. Последнее, в свою очередь, часто вызывало массовые выступления верующих, организаторами которых считались священнослужители несмотря на то, что они к этим стихийным событиям могли не иметь никакого отношения. Сопротивлялись священники и верующие использованию церковью под зернохранилища или яровизацию, посягательству большевиков на святыни (например, чудодейственный родник в селе Линевка Ульяновского района), снятию колоколов.

Обвинения в антисоветской агитации или антисоветской деятельности могли последовать за «неправильные» слова, «неправильные» действия, в общем, за все, что угодно, если в этом можно было обнаружить негативное отношение к советской власти и проводимым ею мероприятиям.

Особое внимание вызывают судебные дела, обвинительные заключения в которых содержат формулировку «контрреволюционная деятельность». Для обнаружения, или конструирования, «контрреволюционной» организации (и фальсификации судебных дел) необходимы были: подозреваемые

(священно-, церковнослужители по сути своей все попадали под подозрение), некая сеть, связующая подозреваемых (достаточно знакомства, поэтому в сеть попадали и миряне), определенная «легенда», объединяющая и описывающая антисоветскую деятельность этой сети, и которая часто становилась результатом «творчества» ОГПУ-НКВД, и некое основание - например, показания доносчика, провокатора, показания которых (часто прямым образом излагающие «легенду») становились основой судебного дела. В последнем случае основанием могли быть и «антисоветские» высказывания, действия самих священно-, церковнослужителей. Более того, как показали архивные источники, необходимые следствию показания часто добывались в результате жестоких пыток. «Контрреволюционные» организации имели стандартную структуру: московский центр, который управлял всей организацией; зарубежные связи придавали ей весомость и поддержку врагов социалистического строительства, но цель и участие зарубежных связей в деятельности местных контрреволюционных группировок не были четко обозначены; разветвленная сеть на местах, которая руководилась «назначенным» НКВД церковным иерархом. Похожие судебные разбирательства проводились по всей стране.

Советская власть стремилась избавиться от духовенства и активных верующих не только в рамках антирелигиозной кампании, но и, формально опираясь, на внерелигиозные «возможности» советского законодательства. Внерелигиозные мотивы преследований духовенства можно обнаружить в судебных делах, имеющих «колхозную» подоплеку. Любые негативные высказывания церковнослужителей в отношении колхозов, или поддержка сельских жителей в их негативной оценке проводимой властями «коллективизации» квалифицировались как антиколхозная агитация, недовольных положением дел на селе объединяли в «кулацкие (-поповские) антисоветские группировки» и осуждали за антисоветскую деятельность на срок от 3 до 10 лет, реже – расстрел.

Тем не менее, советская политика колхозного строительства имела не столь выраженную и религиозную составляющую, что свидетельствует об условности означенных границ. Дело в том, что большая часть вовлеченных в нее сельчан, в том числе и церковно-, священнослужители, негативно относились к резкой перемене традиционных устоев, в результате чего они просто вытеснялись на «грань» выживания. Естественно, что все, кто был верующим (принадлежал к какой-либо конфессии), интерпретировали события «коллективизации» с религиозных позиций. И власть не могла этого не заметить. Поэтому колхозное строительство превращалось в разрушение религиозного мира в сельской местности.

Внерелигиозные мотивы встречаются в судебных делах о «шпионаже», разглашении государственной тайны, «оскорблении советских работников», сочинении частушек, негативных отзывах о «сталинской» конституции, «подрывной работе против выборов в Верховный Совет СССР» и др.

В конечном итоге, уже к концу 1937 года в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, абсолютное большинство имевшегося в то время служащего и заштатного духовенства, проживавшие в селах монахини вне зависимости от возраста, а также наиболее активные из членов церковных советов. В связи с этим к указанному времени Ульяновская епархия и Мелекесское викариатство прекращают свое существование.

ГЛАВА 3. ЗАВЕРШЕНИЕ РЕПРЕССИЙ В УЛЬЯНОВСКОЙ ЕПАРХИИ (МЕЛЕКЕССКОЕ ВИКАРИАТСТВО)

3.1. Общие итоги репрессий в отношении православного духовенства и мирян в 1930-е годы

В конце 1938 года масштаб репрессий против духовенства и мирян в стране уменьшается, но не прекращается. Несмотря на огромное число репрессированных, уничтоженных храмов, религию уничтожить большевикам не удалось. Более того, после пересмотра «перегибов» в деятельности Н. И. Ежова были освобождены сотни священнослужителей, среди которых были и несколько архиереев (например, архиепископ Иоанн (Соколов), епископ Иосиф (Чернов) и др.).

Однако антирелигиозная работа продолжалась. По-прежнему действовал «Союз воинствующих безбожников», и Е. М. Ярославский в своих докладах отмечал сохранение угрозы от духовенства. Так, в его апрельском докладе в 1939 году сообщалось, что враги социализма ведут свою разрушительную деятельность через религиозные организации. Более того, эти враги зачастую замаскированы в «бродячих попов-передвижек», посещающих места, где уже не осталось действующих храмов, мечетей, монастырей и т.п.⁴⁸¹.

Заявления об успехах деятельности СВБ не могли скрыть кризисного положения организации. Количество членов СВБ уменьшилась с 5 млн. 670 тыс. человек в 1932 году до 2 млн. человек в 1938 г. Реальные цифры еще меньше, так как лишь 260 тыс. безбожников платили членские взносы⁴⁸².

Русская Православная Церковь фактически представляла собой нелегальную организацию, поскольку любое общение с духовенством грозило обвинениями в антисоветской деятельности. Патриархия, по сути, была изолирована от своей паствы, а с середины 1930-х гг. были нарушены и связи

---

⁴⁸¹ Цит. по: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 96.

⁴⁸² Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 173.

с границей. Однако ликвидировать ее целиком не получилось. Широкомасштабный судебный процесс по делу митрополита Сергия, якобы возглавлявшего «Всесоюзный контрреволюционный центр церковников», проведен так и не был.

Значимую роль в религиозной политике советского государства в конце 1930-х гг. играла надвигавшаяся вторая мировая война. В связи со вступлением советской армии в сентябре 1939 года в Польшу, а также с включением Западной Белоруссии, Западной Украины в состав СССР, религиозная политика на новых территориях стала более осмотрительной. А с присоединением стран Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины количество православных верующих в стране увеличилось на 7,5 млн. человек⁴⁸³.

Согласно документам конца 1939 г., большевики признавали сильное влияние Церкви на включенных в состав СССР западных областях, нежели в других областях страны, а также необходимость проведения более осторожного религиозного политического курса⁴⁸⁴. При этом Московский Патриархат использовался в качестве политического средства распространения влияния большевиков в новых областях. Подобный опыт показал свою эффективность и успешно использовался после Великой Отечественной войны.

Церковная жизнь на новых территориях подгонялась под формат советских законов. Так, в октябре 1939 года вся церковная собственность на бывшей польской территории была национализирована, а духовные образовательные учреждения были ликвидированы. Деятельность священнослужителей облагалась большими налогами, храмы, монастыри также закрывались⁴⁸⁵.

---

⁴⁸³ Там же. С. 101.

⁴⁸⁴ *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР. С. 39.

⁴⁸⁵ *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 12. С. 125.

К 1940 г. Русская Православная Церковь как организационная структура после «Большого террора» была практически разгромлена. Как отмечает Д. В. Поспеловский, в начале 1940-х гг. 25 областей РСФСР не имели действующих православных храмов, в 20 областях было примерно по пять храмов. Однако, согласно официальным подсчетам ТАСС, количество храмов перед самой войной было: «8338 действующих культовых зданий всех религий, из коих 4225 православных (возможно, что последняя цифра включала обновленческие храмы)»⁴⁸⁶.

Как утверждает М. В. Шкаровский, к началу войны из 3732 церквей по стране 3350 находились на новых территориях, тогда как в других областях страны действовало около 400 православных храмов⁴⁸⁷.

Такое количество храмов и священнослужителей к началу войны было просто ничтожным для огромной страны. Казалось, что цель построить безрелигиозное общество близка к осуществлению, о чем свидетельствовали не только наличие сотен «безбожных» деревень, городов и областей, но социологические опросы того времени. Официальная статистика сообщала о сокращении верующих. Однако это не соответствовало действительности. Через несколько месяцев начнется бурное «религиозное возрождение».

Таким образом, в 1939 г. произошли перемены в государственной религиозной политике, связанные как с внутренними, так и внешними причинами. Первые заключались в том, что массовые репрессии в отношении представителей духовенства и активных верующих оказались неэффективными в политике искоренения традиционной религиозности граждан СССР; более того, увеличилось число тайных богослужений; также не следует недооценивать массовое недовольство верующих закрытием церквей. Внешние причины были связаны с угрозой войны, что обостряло проблему укрепления национального единства, усиления патриотических

---

⁴⁸⁶ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 168.

⁴⁸⁷ *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1995. С. 45, 50.

чувств у населения и сведения к минимуму внутригражданской борьбы, вызванной гонениями на мирян. Советская власть была заинтересована в использовании Московской Патриархии для расширения своего влияния на новых территориях. Поэтому положение Церкви временно улучшилось, Патриархия получила возможность совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры и т.д. Однако обеспокоенное активизацией церковной жизни правительство уже к середине 1940 г. снова ужесточает антирелигиозную политику. И снова закрываются храмы, увеличивается количество арестованных священнослужителей, активизируется Союз воинствующих безбожников и т. п. Так, в статье «Религия на службе японского империализма» в журнале «Под знаменем марксизма»⁴⁸⁸ вновь священники обвиняются в шпионаже.

Итогами репрессивной политики большевиков в СССР в 1930-е годы является следующее: «в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев»⁴⁸⁹. Всего православных храмов перед началом Великой Отечественной войны действовало 3021, причем большая из них часть находилась на территориях, которые в конце 1930-х годов стали частью СССР.

Количество православных священников накануне Великой Отечественной войны насчитывалось 6376 (тогда как перед началом Первой мировой войны их было 66100). Количество монастырей в СССР было 64, причем все они были на западных территориях, вошедших в состав СССР в конце 1930-х годов (для сравнения перед началом Первой мировой войны насчитывалось 1025 монастырей). Летом 1939 г. лишь четыре правящих архиерея из оставшихся в живых занимали кафедры в Русской Православной Церкви – «Патриарший Местоблюститель митрополит Московский Сергей (Страгородский) (1867-1944), митрополит Ленинградский Алексей

---

⁴⁸⁸ См.: Шейнман М. Религия на службе японского империализма // Под знаменем марксизма. 1940. № 2. С. 180-188.

⁴⁸⁹ Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, (1917-1990 гг.): Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994. С. 106.

(Симанский) (1877-1970), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич) (1891-1961), управлявший Новгородской и Псковской епархиями, архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) (1897-1944), с 1937 г. занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии»⁴⁹⁰. Сложившаяся ситуация объясняется не только массовыми репрессиями, но и прекращением созыва Поместных, а также архиерейских соборов с 1918 года⁴⁹¹.

В исторической науке до сих пор существуют разногласия по вопросу о масштабах репрессий в отношении православного духовенства. Р. Медведев полагает, что в 1936-1938 гг. было арестовано около 800 архиереев (в том числе обновленцы и григорианцы). По мнению А. Левитина, 670 архиереев (280 патриарших и 390 обновленческих) были казнены в период 1937-1939 годов. Однако, по мнению М. В. Шкаровского, подобные данные преувеличены⁴⁹². Согласно заявлению А. Яковлева, председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий в 1995 году, «за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям»⁴⁹³. Однако и здесь требуются уточнения. Эти данные включают в себя представителей всех конфессий, в том числе и православных церковнослужителей: псаломщиков, дьячков, церковных сторожей, но и активных мирян. Согласно данным Правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий «в 1937 г. было арестовано 136 900 православных священников, из них расстреляно 85 300; в 1938 г. арестовано 28 300, расстреляно 21 500; в 1939 г. арестовано 1500, расстреляно 900; в 1940 г. арестовано 5100, расстреляно 1100; в 1941 г. арестовано 4000, расстреляно 1900»⁴⁹⁴. Наиболее точными представляются подсчеты Комиссии

---

⁴⁹⁰ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 99.

⁴⁹¹ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927-1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 41.

⁴⁹² Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 92.

⁴⁹³ Там же. С. 93.

⁴⁹⁴ См.: Яковлева А. Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 94-95.

по реабилитации Московской Патриархии — 350 тыс. репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей). Из них 150 тыс. было арестовано в 1937 г. (80 тыс. расстреляно).

В результате репрессий в отношении православного духовенства и мирян в Ульяновской епархии и в Мелекесском викариатстве, в частности, в 1930-е годы проводить богослужения было просто некому. А тем из священно-, церковнослужителей, кто остался жив и вернулся из концлагерей или Северного края, служить было негде, поскольку почти все храмы были закрыты. Это относится и к активным верующим, которые подверглись репрессиям.

Конкретизируя итоги репрессивной политики, отметим, что уже к концу 1937 года в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, абсолютное большинство имевшегося в то время служащего и штатного духовенства, проживавшие в селах монахини вне зависимости от возраста, а также наиболее активные из членов церковных советов. В связи с этим к указанному времени Мелекесское викариатство, как и вся Ульяновская епархия, прекратили свое существование.

По уголовным делам, возбужденным НКВД в отношении т.н. «церковников» в 1937 году, в Ульяновской епархии было расстреляно 6 архиереев, 126 священников, 30 монашествующих, 60 мирян. В концлагеря на срок 10 лет по решению тройки было отправлено 23 священника, 5 монашествующих и 99 мирян. На срок от 8 лет и менее в концлагеря были отправлены 1 архиерей, 11 священников и 19 мирян. Всего с обвинением в участии в «церковных контрреволюционных организациях и группах» в 1937 году было репрессировано почти четыреста православных верующих. Только за два дня 17 и 18 февраля 1938 года в подвале Ульяновского горотдела НКВД было расстреляно более 100 человек, проходившим по этим самым «церковным» делам⁴⁹⁵. В целом, на территории нынешней Ульяновской

---

⁴⁹⁵ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 777.

области было расстреляно более 1500 человек, а всего репрессировано около 8000 человек⁴⁹⁶.

Как уже было сказано, казнены большевиками были все архиереи, проживавшие в 1937 году на территории нынешней Ульяновской области. Их мученическую участь разделило и абсолютное большинство духовенства. В Куйбышеве был расстрелян архиепископ Ириней (Шульмин), а в Сызрани отправлен на покой епископ Петр (Гасилов). По одним сведениям он скончался 11 февраля 1937 года в Семипалатинске, по другим же – в этот день его расстреляли. Епархией просто некому было управлять. Повсеместно храмы закрывались, поскольку большинство священников было репрессировано.

На территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии за период с 1929 года по 1936 год были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет 74 священника и церковных служителей, а также 38 активных мирян. Два священника были расстреляны.

В 1937 году репрессиям подверглись 56 священников и церковных служителей, среди которых были расстреляны 33 человека, 23 человека были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет. Также были подвергнуты репрессиям 60 активных мирян, среди которых 22 человека были расстреляны, а 38 человек были лишены свободы сроком от 8 до 10 лет. В 1938-1939 гг. репрессиям подверглись два церковнослужителя.

В итоге, за годы репрессий на рассматриваемой территории было приговорено к лишению свободы 99 священников и церковнослужителей, 35 священников было расстреляно, 76 активных мирян были лишены свободы, а 22 мирянина были расстреляны⁴⁹⁷.

---

⁴⁹⁶ Там же. С. 553.

⁴⁹⁷ Данные расчеты были произведены на основе рассмотренных судебных дел, а также на подсчетах репрессированных представителей духовенства и церковнослужителей среди общего числа репрессированных лиц, приведенных в «Книге памяти жертв политических репрессий» (в 2-х томах).

3.2. Итоги религиозной политики большевизма в Ульяновской епархии (Мелекесское викариатство) к началу 1940-х годов

Итоги религиозной политики большевиков на территории Ульяновской епархии были значительными. Как уже было отмечено ранее, в епархии не было ни одного архиерея, большинство духовенства было расстреляно или находилось в концлагерях. В Ульяновске богослужения совершались всего лишь в двух храмах. Однако на заседании исполкома Ульяновского горсовета 17 января 1940 года было принято решение о закрытии одного из них - храма в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». В тексте постановления сообщалось, что поскольку недалеко от этого храма есть вторая действующая церковь, более того, также недалеко расположена часть объектов «особого порядка», нахождение которых на одной территории с церковью «не совместимо», то на основании требований трудящихся города в количестве 7000 человек было решено «Куликовскую церковь закрыть, в помещении которой открыть стационарный кинотеатр»⁴⁹⁸. В конечном итоге, помещение храма стали использовать под склад. Таким образом, в Ульяновске оставался действующим лишь один небольшой Воскресенский кладбищенский храм. Однако, судя по тому, что во время эвакуации Патриархии в Ульяновск в конце 1941 года, этот храм открывали и оборудовали вновь, то можно утверждать, что несколько лет в Ульяновске не действовал ни один храм. По всей же епархии оставались действующими лишь три храма - Никольский храм в г. Мелекесе, церковь в с. Ивановка Чердаклинского района и церковь в с. Малая Хомутерь Барышского р-на. За всю историю епархии это было самое малое в ней число действующих церквей. Атеистическая политика государства в то время добилась самых значительных успехов.

Если сравнить количество закрытых храмов в Ульяновской епархии и в других регионах, то результаты будут следующими. Как отмечает Ж.В. Яковлева, в «феврале 1939 г. по всей Саратовской области функционировало

---

⁴⁹⁸ Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 788.

всего лишь 7 церквей и молитвенных домов, 6 из них было в Саратове. К 1941 г. легально действующих храмов и молитвенных домов в Саратовской области не осталось»⁴⁹⁹.

Так, в начале 1930-х гг. довольно сложная ситуация сложилась с культовыми зданиями в Пензенском округе Средне-Волжского края, в частности, в Больше-Вьяском районе. В конце 1935 г., как отмечает Королева Л.А., «в районе было 22 здания, среди которых 20 православных; из них 7 было закрыто, в том числе 5 переоборудовано под культурно-просветительные учреждения; 2 - стихийно закрылись; из 15 официально не закрытых 2 православных церкви функционировали»⁵⁰⁰.

Похожая ситуация наблюдалась и в других регионах. Как отмечает Н. А. Басова в своем исследовании о Русской Православной Церкви в Карелии в 1918-1941 годах, в связи с репрессиями в Петрозаводске и по всей республике «численность православного духовенства за девять лет, с 1929 по 1938 г. сократилась на 93%, а количество действующих церквей (без часовен) – на 87,2%, эти показатели свидетельствуют о полном уничтожении клира и приходской системы в Карелии к концу 1930-х гг.»⁵⁰¹.

П. В. Каплин приводит следующие данные по количеству репрессированных священников на Среднем Урале в 1936 – 1938 годах: «Было арестовано 651 церковник и сектант»⁵⁰².

На Юге России весной 1936 г. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях количество служителей культа было 1402 чел., действующих церквей – 632. По подсчетам Беликовой Н. Ю., за 10 лет убыль священнослужителей Русской Православной Церкви составила 2498 чел., что равно 64 %. Также было закрыто – 966 церквей (60 %) и 21 монастырь – (100

---

⁴⁹⁹ Яковлева Ж. В. Указ. соч. С. 193.

⁵⁰⁰ Королева Л. А. Закрытие церквей в СССР в 1930-е гг. (на примере Пензенского региона) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-7 (46). С. 51.

⁵⁰¹ Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918-1941 гг.: Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, С. 19.

⁵⁰² Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах Урала : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006. С. 209.

%)⁵⁰³.

Даже эти приведенные данные свидетельствуют о том, что в некоторых регионах церкви закрывались повсеместно. Региональные различия имели значение, однако они отходили на второй план.

Массовое закрытие церквей происходило в условиях начавшейся индустриализации страны. Однако для ее проведения необходимы были средства, которые большевики, главным образом, добывали у крестьян и Церкви. У Русской Православной Церкви изымались колокола для потребностей промышленности, но и храмы для «культурнужд», поскольку в стране проходила «культурная революция». Отметим, что в результате государственной политики, направленной на отделение церкви от государства, религия сохранялась, в основном, в крестьянской среде⁵⁰⁴. А поскольку «большая часть сельского социума не приняла этой политики и особенно методов ее проведения»⁵⁰⁵, то репрессивная политика большевиков была нацелена не только на несогласных крестьян, а также на Церковь. К сожалению, Ульяновская епархия и Мелекесское викариатство находились в таком регионе, где процесс коллективизации имел напряженный характер, и в связи с этим закрытие храмов и репрессии в отношении духовенства были, можно сказать, тотальными. Материалы архивных следственных дел свидетельствуют о том, что значительная часть арестов священников и мирян происходила на фоне разворачивающейся коллективизации на селе.

Таким образом, коллективизация, проводимая с конца 1920-х гг., и конфессиональная политика государства тесно взаимосвязаны. Вынужденный характер силовых методов подавления религии, по сути, был связан с

---

⁵⁰³ Беликова Н. Ю. Русская Православная Церковь на Юге России накануне Великой Отечественной Войны (на материалах Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №4 (164). С. 25.

⁵⁰⁴ Козлов Ф. Н. «Большой террор» в отношении духовенства и верующих (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) // Россия в условиях кризисов XIX-XX веков. Сборник статей Межд. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах. науч. ред. / Р. Р. Хисамутдинова. Оренбург. 2017. С. 32.

⁵⁰⁵ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления: пер. с англ. М., 2010. С. 18.

провалом антирелигиозной работы и пропаганды в 1920-1930-е гг. на местах, что достаточно четко прослеживается в документах партийных и советских органов власти в эту эпоху⁵⁰⁶.

Итак, административная составляющая реализации Постановления «О религиозных объединениях» на территории Ульяновской епархии (Мелекесском викариатстве) воплотилась, в основном, в повсеместном закрытии храмов, репрессиях против духовенства и активных верующих и представляла собой масштабное явление в регионе, наряду с коллективизацией и раскулачиванием.

Как отмечала тогда комиссия по вопросам культов при ЦИК СССР, «в среде региональных и местных партфункционеров было широко распространено мнение, что с Церковью покончено»⁵⁰⁷. Однако не было реальных данных, свидетельствующих о том, насколько религиозным было население страны. Также были сложности с подсчетом количества религиозных организаций.

Религия и Церковь переживали тяжелые времена, однако это не означало, что воинствующий атеизм стал доминировать в сознании населения страны советов. Разочарование у властей появилось после проведения в 1937 г. Всесоюзной переписи населения.

Во-первых, согласно результатам переписи численность населения заметно снизилась в сельскохозяйственных районах СССР, если сравнивать с всесоюзной переписью 1926 г. Это было обусловлено последствиями коллективизации, репрессиями в отношении крестьян, массовым голодом начала 1930-х гг., а также миграциями. Так, конкретные данные по Куйбышевской области, куда входила территория нынешней Мелекесской епархии, представлены в таблице ниже.

Предварительные итоги всесоюзной переписи населения 1937 года.

---

⁵⁰⁶ Кобзев А. В. «Как большевики проиграли антирелигиозную борьбу»: конфессиональная политика советского государства и мусульмане Симбирской / Ульяновской губернии // Ислам в современном мире. 2015. Том 11. Вып. 2. С. 43.

⁵⁰⁷ Яковлева Ж. В. Указ. соч. С. 195.

Таблица 2. Численность населения СССР на 17.XII.1926 г. и 6. I. 1937 г.⁵⁰⁸

Административная единица	Численность населения по переписи 1926 г. (тыс. чел.)	Численность населения по переписи 1937 г. (тыс. чел.)	Сокращение численности населения с 1926 по 1937 гг. (тыс. чел. / %)
Куйбышевская область	4281,340	3948,246	333, 094 / 7,8

Данные таблицы показывают, что население Куйбышевской области за 10 лет сократилось почти на 333 тыс. человек. Этот демографический спад был вызван теми чрезвычайными обстоятельствами, с какими пришлось столкнуться населению. О них мы говорили ранее. Эти факты следует учитывать для понимания той трагической ситуации, в которой разворачивалась борьба большевиков с Церковью, а также складывалась дальнейшая жизнь советских граждан во второй половине 1930-х гг., в том числе в Ульяновской епархии и Мелекесском викариатстве.

Вторым фактом, шокировавшим власть, было то, что по результатам переписи «в СССР верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн. против 42,2 млн., или 56,7% против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии»⁵⁰⁹.

Большое количество верующих стало итогом двадцатилетней политики большевиков. Несмотря на большое количество верующих в стране, следует признать, что 42,2 млн. неверующих (43,3 % взрослого населения) – это впечатляющий показатель атеистическо-пропагандистской деятельности большевиков, поскольку до Революции 1917 года почти все население страны

⁵⁰⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 31.

⁵⁰⁹ *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 г.: (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. М., 2000. № 1. С. 107.

было верующим. Разумеется, что в эти 43,3 % входили граждане, которые из опасения за свою жизнь вынуждены были назваться атеистами.

Необходимо отметить, что результаты данной переписи через десять дней властями были квалифицированы как «вредительские», а в отношении организаторов и проводивших ее участников были начаты уголовные преследования. Исследования результатов переписи были остановлены, а материалы были изъяты и засекречены. Спустя несколько месяцев в ульяновской газете «Пролетарский Путь» сообщалось, что всесоюзная перепись населения проводилась с грубейшими нарушениями «элементарных основ статистической науки», а также были нарушены и утвержденные правительством инструкции, вследствие чего организация переписи был признана неудовлетворительной, а «материалы переписи дефектными»⁵¹⁰.

Тем не менее, традиционный религиозный образ жизни людей, как на территории Мелекесской епархии, так и по всей стране, был разрушен в ходе антирелигиозной политики большевиков, а традиционные нравственные ценности, основанные на религии, замещались коммунистическими. Особенно это характерно для молодого поколения.

Итак, в результате антирелигиозной политики почти все церкви в Ульяновской епархии и Мелекесском викариатстве были закрыты. Но религиозное мировоззрение еще сохранялось у значительного количества граждан страны, «что можно объяснить недостаточностью именно разъяснительной, агитационной работы среди различных социальных групп и чрезмерно грубым насаждением новых идей»⁵¹¹.

Идеология марксизма не принималась частью населения страны, что обусловило переход власти к более решительным репрессивным мерам в 1930-х гг. И главным врагом строительства безрелигиозного общества стала Церковь. В этой борьбе использовались, в большей степени,

---

⁵¹⁰ О всесоюзной переписи населения // Пролетарский Путь. 1937. 21 сентября. № 220 (3304). С. 1.

⁵¹¹ Целовальникова И. И., Ильязова Р. В. Реализация нормативно-правовых актов в сфере антирелигиозной политики в СССР в конце 1920-1930-е гг. (на примере Ульяновской губернии) // Власть. 2015. № 1. С. 112.

административные меры, тогда как агитационно-пропагандистские мероприятия, как оказалось, были менее эффективными. Получили широкое применение массовые репрессии в отношении духовенства и активных мирян, по всей стране закрывались церкви и храмы, священнослужители облагались непосильными налогами, повсеместно изымались церковные ценности, имущество.

В 1920-1930-х гг. духовенство находилось в приниженном положении, и это воспринималось в советском обществе как политическая норма - «ненужная», «вредная», «неполноценная» социальная группа, занимающаяся «обманом населения»⁵¹². Оправданным также считалось насильственное гонение против духовенства, так как с позиций официальной идеологии оно являлось «классовым врагом».

Таким образом, можно сказать, что антирелигиозная борьба стала культуuroобразующим феноменом жизни советского общества в 1920-1930-х годах. По мнению М. В. Пономарева, в политической культуре советского общества обнажились агрессия, нетерпимость к инакомыслию, «стремление к ассимиляции христианских идей, символов, образов, традиционно воспринимавшихся позитивно обществом»⁵¹³. Также оправдывалось насилие во имя светлого будущего, под сомнение ставились традиционные ценности и нормы поведения (например, любовь к ближнему), пренебрегалась частная жизнь. Антирелигиозная пропаганда транслировала в сознание населения образ религии как патологии общественной жизни. Духовенство идентифицировалось с «врагом советского строя», а верующие – с «одурманенной попами массой». Апогеем преследований Церкви стало физическое уничтожение в ходе политических репрессий значительной части духовенства и актива верующих, как на территории Мелекесской епархии, так и по всей стране, оправданием чего служила «классовая борьба».

---

⁵¹² Пономарев М. В. Борьба с религией как составляющая политической культуры советского общества (1917-1930-х гг.). (На материалах Нижней Волги) // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2009. № 2 (10). С. 219.

⁵¹³ Там же. С. 220.

В завершение подведения итогов следует сказать о начале возрождения Ульяновской епархии и Мелекесского викариатства, началом чему, как это не парадоксально выглядит, послужило начало Великой Отечественной войны 1941 года.

Уже спустя несколько месяцев после начала войны в связи с возможным захватом немцами столицы, Московским горсоветом было решено в начале октября 1941 года эвакуировать все центральные религиозные управления в г. Чкалов (Оренбург). 13 октября 1941 года из Москвы отбыл Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей, которого сопровождали «митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) (1892-1961), архиепископ Можайский Сергей (Гришин) (1889-1943), архиепископ Иоанн (Соколов) (1877-1968), управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий (1890-1961), настоятель московского храма Святителя Николая в Кузнецях протоиерей А. Смирнов (1888-1950), протодиакон Г. Антоненко, келейник Местоблюстителя иеродиакон Иоанн (Разумов), личный врач митрополита Сергея и обслуживающий персонал»⁵¹⁴. Также эвакуировали обновленческого «митрополита» Александра, митрополита Виталия, его сыновей - священника и протодиакона, супругу «митрополита» и еще несколько человек. Эвакуировались и старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (1881-1952), и руководители баптистской общины.

В связи с ухудшением здоровья маршрут следования эшелона был изменен и направлен не в Оренбург, а в Ульяновск. С этого началась новая страница в истории Русской Православной Церкви вообще и Ульяновской епархии, в частности. Бывший Симбирск стал пятым в списке российских городов, после Киева, Владимира, Москвы и Санкт-Петербурга, которые за всю тысячелетнюю историю Русской Православной Церкви становились духовными центрами страны, своеобразной церковной столицей. В течение

---

⁵¹⁴ Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 789.

двух лет глава Русской Православной Церкви находился в Ульяновске.

Таким образом, епархиальная жизнь стала восстанавливаться после приезда в Ульяновск 19 октября 1941 г. Патриаршего Местоблюстителя с сопровождением. Сначала восстановление церковной жизни проходило под руководством митрополита Сергия, а после него этим стал заниматься архиепископ Иоанн (Соколов) (1877-1968) – первый после 1938 года ульяновский архиерей. Была ликвидирована очаговость религиозной жизни, и восстановлена структура управления епархии. К концу 40-х гг. Ульяновская епархия управлялась собственным архиереем, разделялась на благочиннические округа, имела в составе 19 приходов и представляла собой вполне типическую иерархическую единицу Русской православной Церкви⁵¹⁵.

***

К концу 1930-х годов масштаб репрессий против духовенства и мирян в стране уменьшился, но не прекратился. Перемены в государственной религиозной политике были связаны как с внутренними, так и внешними причинами. Первые заключались в том, что массовые репрессии в отношении представителей духовенства и активных верующих оказались неэффективными в политике искоренения традиционной религиозности граждан СССР; более того, увеличилось число тайных богослужений; также не следует недооценивать массовое недовольство верующих закрытием церквей. Внешние причины были связаны с угрозой войны, что обостряло проблему укрепления национального единства, усиления патриотических

---

⁵¹⁵ *Подмарицын А. Г.* Возобновление деятельности Ульяновско-Мелекесской епархии в 40-х годах XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5. Ч. 1. С. 151.

чувств у населения и сведения к минимуму внутригражданской борьбы, вызванной гонениями на мирян. Советская власть была заинтересована в использовании Московской Патриархии для расширения своего влияния на новых территориях.

Тем не менее, обеспокоенное активизацией церковной жизни правительство уже к середине 1940 г. снова ужесточает антирелигиозную политику. По данным Комиссии по реабилитации Московской Патриархии к 1941 г. за веру было репрессировано 350 тыс. человек (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей). Из них 150 тыс. было арестовано только в 1937 г. (80 тыс. расстреляно).

По уголовным делам, возбужденным НКВД в отношении т.н. «церковников» в 1937 году, в Ульяновской епархии было расстреляно 6 архиереев, 126 священников, 30 монашествующих, 60 мирян. В концлагеря на срок 10 лет по решению тройки было отправлено 23 священника, 5 монашествующих и 99 мирян. На срок от 8 лет и менее в концлагеря были отправлены 1 архиерей, 11 священников и 19 мирян. Всего с обвинением в участии в «церковных контрреволюционных организациях и группах» в 1937 году было репрессировано почти четыреста православных верующих.

В итоге, за годы репрессий на территории Мелекесского викариатства было приговорено к лишению свободы 99 священников и церковнослужителей, 35 священников было расстреляно, 76 активных мирян были лишены свободы, а 22 мирянина были расстреляны.

По всей же Ульяновской епархии оставались действующими лишь три храма - Никольский храм в г. Мелекесе, церковь в с. Ивановка Чердаклинского района и церковь в с. Малая Хомутерь Барышского р-на. Несколько лет в Ульяновске не действовал ни один храм. Сравнение с религиозной политикой большевиков в других областях позволяет сделать вывод, что повсеместное закрытие церквей в некоторых регионах было распространенным явлением. Региональные различия имели второстепенное

значение по сравнению с политикой «обезбоживания» населения, курсом на индустриализацию и коллективизацию.

Религия и Церковь переживали тяжелые времена, однако это не означало, что воинствующий атеизм стал доминировать в сознании населения страны советов. Религиозное мировоззрение еще сохранялось у значительного количества граждан страны. Разочарование у властей появилось в результате Всесоюзной переписи населения 1937 г. По результатам переписи в СССР верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн. против 42,2 млн., или 56,7% против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии.

Большое количество верующих стало итогом двадцатилетней политики большевиков. Несмотря на большое количество верующих в стране, следует признать, что 42,2 млн. неверующих (43,3 % взрослого населения) – это впечатляющий показатель атеистическо-пропагандистской деятельности большевиков, поскольку до Революции 1917 года почти все население страны было верующим.

Организационно Русская Православная Церковь была почти разгромлена - епархии к 1939 г. практически были ликвидированы, а связь отдельных приходов с Патриархией была слабой. Русская Православная Церковь фактически представляла собой нелегальную организацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанное исследование позволяет заключить его следующим образом.

Системное, последовательное рассмотрение эволюции отношений советской власти и Православной Церкви в 1930-е годы в целом, в Ульяновской епархии и Мелекесском викариатстве, в частности, показало эффективность избранной нами методологии. Анализ философских оснований большевизма позволяет констатировать, что религиозная политика большевиков в 20-30-е годы XX века определялась экономическими и политическими соображениями. Большевизм как антирелигиозная идеология радикализировалась на почве российского общества, трансформируясь в воинствующий атеизм не только через линию правящей партии, но и через низовой уровень посредством образовательной системы.

В своих истоках коммунистическая концепция К. Маркса воспринимала религиозное сознание как ложную форму гносеологического познания мира, которая должна оказаться невостребованной с течением переустройства общества на материалистической основе. Однако, перейдя на почву российского общества, основатели марксизма-ленинизма стали видеть необходимость уничтожить остатки «угнетающих институций», которые представлялись оппозиционной идеологией.

Таким образом, традиционные религии, в целом, Русская Православная Церковь, как ведущая конфессия, в частности, становились чуждыми элементами в новом социалистическом обществе, более того, «врагами» для большевистской «атеистической» идентичности, что нашло воплощение в религиозной политике большевиков.

Особое значение для большевизма как антирелигиозной идеологии приобретают места, связанные, прежде всего, с жизнью В. И. Ленина. Идеологема «Родина Ленина», а также бытовавший в 1930-е годы лозунг «Родина Ленина – город атеизма» в том же слабом религиозном ключе

формально придавали Ульяновскому округу, на территории которого находилась нынешняя Мелекесская епархия, значение бастиона атеистического мировоззрения. В тенденции к включению «атеистического компонента» в определение свободы совести, в процессе ее активного разграничения с прежней, «веротерпимой» свободой, в поддержке нравственного основания свободы совести, которое начало мыслиться как нечто, дающее возможность существования «неверия», атеизма, по сути, и состоит ядро того понимания свободы совести, которое, в конечном счете, возобладало. Оно приживалось в общественном сознании постепенно, закрепляясь сначала в текстах российской печати (в которой число изданий и сборников революционного характера возрастало), затем в текстах правового содержания (в первых декретах советской власти и Конституции). Таким образом, свободная пропаганда «неверия», выросшая из желания действительной свободы не только для Русской православной церкви, но и для всех прочих исповеданий страны, способствовала коренному изменению отечественного дискурса и повлияла на формирование термина «свобода совести», на его неустановившееся основание. В дальнейшем этот концепт обрел статус «свободы атеизма» и стал выдаваться идеологической системой за «действительную свободу совести», осуществляемую в советском обществе. Именно это становится началом антирелигиозного наступления на Церковь, которое выражалось в серьезных репрессиях и антирелигиозной кампании в советское время.

Однако анализ источников и реальной политики большевиков в 20-30-е годы XX века в Ульяновске показал, что, с одной стороны, идеологема «Родина Ленина» носила формальный характер, не имела оснований в социально-экономической плоскости (только во второй половине 1960-х гг. она получит подкрепление реальными достижениями во многих сферах жизни города), а с другой, - получила реальное воплощение в антирелигиозной политике большевиков (агитационно-пропагандистская деятельность Союза воинствующих безбожников, ВЛКСМ, региональных партийных организаций,

а также повсеместное закрытие храмов, конфискация колоколов, репрессии в отношении духовенства и мирян и т.п.).

К концу 1920-х гг. в руководстве страны возобладало решение провести «революцию сверху», в принудительном порядке развивая в стране индустриальный социализм, что, по сути, означало проведение форсированной модернизации общества, которое находилось еще на традиционной стадии развития. С этим была также связана политика по коллективизации всей страны. Такая политика привела к радикальному разрушению всех традиционных устоев жизни населения, включая и религию, которая становилась мировоззренческой опорой жизни людей в условиях крушения традиционного образа жизни, а также сопротивления.

Легитимным основанием борьбы с религией и религиозными организациями стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Оно объединило партийные и государственные структуры всех уровней в борьбе с религией и Церковью, демонстрировало слабые места правового обеспечения религиозных объединений.

В начавшейся антирелигиозной борьбе на территории Ульяновской епархии и Мелекесском викариатстве можно выделить две взаимосвязанных составляющие: административно-организационную и агитационно-пропагандистскую.

Административно-организационная составляющая включала в себя мероприятия, направленные на уничтожение материальной базы деятельности церквей: закрытие храмов, изъятие ценностей, имущества, высокое налогообложение, искусственные препятствия при регистрации религиозных общин, уничтожение религиозного образования, аресты и репрессии против церковно-, священнослужителей и активных мирян.

Агитационно-пропагандистская составляющая охватывала мероприятия, нацеленные на контроль над деятельностью религиозных общин, обнаружение слабых мест для проведения более эффективных

административных действий в отношении религиозных организаций. Также в эту составляющую входили антирелигиозные агитация и пропаганда, главными движущими силами которых являлись местные организации ВКП(б), Совет воинствующих безбожников, а также ВЛКСМ.

Несмотря на то, что Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» стало основой религиозной политики большевиков, в зависимости от исторических обстоятельств появлялись новые документы, регулирующие ход антирелигиозной кампании. В инструкции к Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 20 июня 1930 г. с определением прав и обязанностей всех религиозных объединений и установленном отношении к ним органов советской власти отмечаются нарушения, выразившиеся в неправильном закрытии церквей, чрезмерном налогообложении, т.н. «перегибах на местах» и т.д. Подобные инструкции приходили на места регулярно, однако анализ источников позволяет констатировать, что местными властями они часто игнорировались. Нарушение прав верующих и священнослужителей стало распространенным явлением. В редких случаях виновные в таком произволе были наказаны. Так, по решению трибунала бывшие сотрудники Ульяновского горотдела НКВД Андронов, Рогов, Зотов за применение «несвойственных» методов допроса (избиения, выстойки и т.д.) были приговорены к заключению в лагеря на срок от трех до шести лет и лишены званий. Так органы избавлялись от тех, чьими руками были уничтожены сотни ни в чем неповинных людей.

Знакомство с перечисленными выше фактами подводит к выводу, что у верховной власти не было четких представлений, как должна происходить антирелигиозная борьба. Инструкции и директивы, корректирующие генеральную линию, идущую от Постановления «О религиозных объединениях», политику в отношении религии, свидетельствуют об этом. Антирелигиозная агитация и пропаганда, связанная, прежде всего, с деятельностью Союза воинствующих безбожников оказалась, в конечном итоге, малоэффективной, что обусловило переход к более радикальным

методам борьбы с религией, и это станет кульминацией антирелигиозной политики в 1930-е гг., – репрессиям против духовенства и мирян.

Одной из форм административно-организационной составляющей антирелигиозной политики являлось закрытие храмов. Это явление было повсеместным на территории Ульяновской епархии. По всей епархии оставались действующими лишь три храма - Никольский храм в г. Мелекесе, церковь в с. Ивановка Чердаклинского района и церковь в с. Малая Хомутерь Барышского р-на. В Ульяновске оставался действующим лишь один Воскресенский кладбищенский храм, однако и он несколько лет до конца 1941 года был закрыт, поэтому в городе, вообще, не было открытых храмов. Сравнительный анализ с аналогичными процессами в других регионах позволяет констатировать, что повсеместное закрытие церквей происходило везде. А в 25 областях открытых церквей не было вообще.

Закрытию церквей сопутствовало сопротивление верующих власти. Часто верующие саботировали указания местных властей, проводили молебны, обряды и др. Также при анализе судебных дел обнаруживается большое число массовых выступлений против закрытия церквей, снятия колоколов и притеснения духовенства.

Советская власть стремилась избавиться от духовенства и активных верующих не только в рамках антирелигиозной кампании, но и, формально опираясь, на внерелигиозные «возможности» советского законодательства. Однако таких дел все-таки меньшинство. Тем не менее, сам факт отношения к религиозному культу когда-либо в биографии человека делал его подозреваемым и, в конечном итоге, виновным, поскольку православная (но и других конфессий) религиозность, принадлежность к Церкви были «чуждым» элементом для большевистской религиозности и советского государства, посягающим на их суверенность.

Как показывает обширный материал судебных дел против духовенства и мирян на территории нынешней Мелекесской епархии любая деятельность священно-, церковнослужителей и мирян, связанная с церковной жизнью,

ставилась вне советского закона. Любое высказывание священника могло быть квалифицировано как «антисоветская агитация», любое действие – как подрывная деятельность или сопротивление мероприятиям советской власти. Основаниями для возбуждения уголовных дел, как правило, были: сопротивление закрытию церквей, проведение церковных мероприятий, денежная помощь нуждающимся священнослужителям, проведение религиозной пропаганды среди населения, выступления против снятия колоколов с храмов, сбор подписей для возобновления богослужения и т.п. В логике большевиков Церковь в качестве организации со своей (не большевистской) властной структурой, разветвленной сетью приходов, огромным количеством участников, альтернативной коммунизму идеологией становилась Врагом с большой буквы, посягающим на «святыни» большевиков, идеалы Революции. Поэтому Церковь и становилась контрреволюционной организацией.

Таких «контрреволюционных» группировок «всевидящее око» ОГПУ-НКВД внутри Русской Православной Церкви обнаруживало большое количество, как в городах, где они стремились «свергнуть» советскую власть, так и в сельской местности, где «контрреволюционные кулацкие группы» всячески сопротивлялись мероприятиям властей по коллективизации. Так, во второй половине 1937 года была «обнаружена» «широко разветвленная объединенная церковно-сектантская монархическая организация на территории Куйбышевской области», которая находилась «в прямых организационных связях с союзным объединенным церковно-сектантским к-р центром, возглавляемым митрополитом Сергием, членом Синода Лебедевым, митрополитом Введенским и митрополитом Зориным». Было арестовано 269 человек. Данное дело является основным в перечне других внесудебных разбирательств, которые во второй половине 1937 года не только обезглавили Куйбышевскую и Ульяновскую епархии (и патриаршей, и григорианской, и обновленческой ориентации), но и лишили их практически всех пастырей и наиболее активных мирян.

В результате антирелигиозного наступления на Церковь большевиков только на территории нынешней Ульяновской области было расстреляно более 1500 человек, а всего репрессировано около 8000 человек. Уже к концу 1937 года в тюрьмах оказались все архиереи Ульяновской епархии, абсолютное большинство имевшегося в то время служащего и заштатного духовенства, проживавшие в селах монахини вне зависимости от возраста, а также наиболее активные из членов церковных советов. Всего с обвинением в участии в «церковных контрреволюционных организациях и группах» было репрессировано почти четыреста православных верующих. Все это лишь за один 1937 год. Только за два дня 17 и 18 февраля 1938 года в подвале Ульяновского горотдела НКВД было расстреляно более 100 человек, проходившим по этим самым «церковным» делам. За годы репрессий было репрессировано 602 «служителя культа».

На территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии за период с 1929 года по 1936 год были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет 74 священника и церковных служителей, а также 38 активных мирян. Два священника были расстреляны.

В 1937 году репрессиям подверглись 56 священников и церковных служителей, среди которых были расстреляны 33 человека, 23 человека были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет. Также были подвергнуты репрессиям 60 активных мирян, среди которых 22 человека были расстреляны, а 38 человек были лишены свободы сроком от 8 до 10 лет. В 1938-1939 гг. репрессиям подверглись два церковнослужителя.

В итоге, за годы репрессий на рассматриваемой территории было приговорено к лишению свободы 99 священников и церковнослужителей, 35 священников было расстреляно, 76 активных мирян были лишены свободы, а 22 мирянина были расстреляны. В связи с этим к указанному времени Мелекесское викариатство, как и вся Ульяновская епархия, прекратили свое существование.

Власть смогла на данной территории к началу 1940-х гг. приостановить легальную деятельность Православной Церкви. Однако это было временное явление. Возрождение епархии начинается с приездом 19 октября 1941 г. в Ульяновск главы Русской Православной Церкви Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и аппарата Московской патриархии в связи с эвакуацией из столицы всех центральных религиозных управлений.

Итогом антирелигиозной политики большевиков в Ульяновской епархии и Мелекесском викариатстве, как и по всей стране, стали разрушенные традиционный религиозный образ жизни людей, несколько сотен разрушенных или отобранных под иные нужды храмов всех вероисповеданий, значительное количество репрессированных священнослужителей и мирян и, возможно, самое чувствительное: замена нравственных идеалов значительной части общества с религиозных на коммунистические.

Несмотря на то, что почти все церкви в епархии были закрыты, веру как элемент человеческого сознания директивно удалить не удалось. Устойчивость религиозного мировоззрения оставалась очень высокой среди населения на территории нынешней Мелекесской епархии и в стране, в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Архив УФСБ России по Ульяновской области

Фонд 8 - Фонд архивных уголовных дел на лиц, снятых с оперативно-справочного учета.

1. Д. 692. Дело священника Ткачука А.Л. 1931 г.
2. Д. 923. Дело о группе церковников с. Головкино Старомайнского района. 1931 г.
3. Д. 974. О чудодейственном роднике в с. Линевка Ульяновского района. 1930-1931 гг..
4. Д. 1348. О церковно-сектантской контрреволюционной организации в г. Мелекесе. 1937 г.
5. Д. 1434. Дело церковного сторожа Корнилова И.А. 1937 г.
6. Д. 1536. Дело священника с. Аппаково Мелекесского района Данилова Герасима Ивановича. 1929 г.
7. Д. 1555. О противодействии в установке колхозной радиоантенны в с. Тушна Сенгилеевского р-на со стороны священника Каллестинова Е.П. 1929 г.
8. Д. 1560. О злостной антиколхозной агитации, проводимой религиозными фанатичками в с. Старая Сахча Мелекесского района. 1930 г.
9. Д. 1596. Дело священника Сальникова Николая Никандровича. 1937 г.
10. Д. 1596. О контрреволюционной организации эсеров в Чердаклинском районе Ульяновского округа. 1937 г.
11. Д. 1621 О церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в г. Ульяновске. 1937 г.

12. Д. 1621. О церковно-монархической фашистско-повстанческой контрреволюционной организации в г. Ульяновске. 1937 г.
13. Д. 1625. О деятельности церковно-сектантской контрреволюционной антисоветской группы в г. Мелекесе. 1937 г.
14. Д. 1634. О деятельности контрреволюционной группы церковников под руководством епископа Феодосия (Борисов-Григорович Петр Георгиевич). 1937 г.
15. Д. 1759. Дело псаломщика Перепелицына Иоанна Ивановича. 1930 г.
16. Д. 1778. О деятельности «контрреволюционной организации» в Неопалимовской церкви г. Ульяновска. 1937 г.
17. Д. 1817. О деятельности «антисоветской церковной организации» в г. Сенгилее. 1937 г.
18. Д. 2315. Дело священника села Большая Кандаля Старомайнского района Александра Сунгурова. 1929 г.
19. Д. 2388. Дело священников Зорина Д.П. и Писарева А.П. (Барышский р-н, 1931 г.).
20. Д. 2783. О пораженческой антисоветской агитации, проводимой священником с. Новая Сахча Мелекесского района о. Симеоном (Тюлиным). 1937 г.
21. Д. 2815. Дело священника Николая Богородского. 1937 г.
22. Д. 3566. Об организации массовых выступлений верующих священником с. Слобода Выходцево Мелекесского р-на Бельским А.А. 1929 г.
23. Д. 4205. Дело священника Дмитрия Богоявленского. 1937 г.
24. Д. 4218. О злостной антисоветской агитации, проводимой группой кулаков и лишенцев в с. Русская Бектяшка Сингелеевского района. 1930 г.
25. Д. 4267. О злостной антисоветской агитации, проводимой священником с. Бряндино Мелекесского р-на Гневушевым А.Ф. 1930 г.
26. Д. 4304. Дело церковной старосты Неонилы Павловны Козловой. 1937 г.

27. Д. 4600. Дело священника Александра Рождаева. 1937 г.
28. Д. 4756. О контрреволюционной деятельности церковных групп в г. Мелекесе и в с. Лебяжье Мелекесского района. 1937 г.
29. Д. 4799. О злостной контрреволюционной агитации в городе Сингелей Сингелеевского района. 1931 г.
30. Д. 4829. Дело священника Тихонова Ефима Ивановича. 1935 г.
31. Д. 5145. Об антисоветской агитации в селе Кокрять Старомайнского района. 1933 г.
32. Д. 5155. О чудодейственном роднике в с. Линевка Ульяновского района. 1931 г.
33. Д. 5184. Об антисоветской группе в с. Белый Яр Сенгилеевского района. 1930 г.
34. Д. 5205. О контрреволюционной кулацкой группировке в Старомайском районе. 1930 г.
35. Д. 5234. Об антисоветских религиозных собраниях контрреволюционной организации села Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского района. 1936 г.
36. Д. 5264. Дело о кулацкой группировке в селе Красная Река Старомайнского района Средневолжского края. 1930 г.
37. Д. 5649. Об антисоветской агитации священника села Байдулино Тереньгульского района Петрова Алексея Ивановича. 1937 г.
38. Д. 6433. О деятельности церковно-кулацкой группировки в селе Чувашский Сускан Мелекесского района. 1930 г.
39. Д. 6950. Дело священника Григория Райковского. 1937 г.
40. Д. 7010. Дело священника Николая Цветкова из села Ясашная Ташла Тереньгульского района. 1929 г.

Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области

Фонд 13 - Ульяновский городской комитет (горком).

41. Д. 1115. Отчет Президиума Ульяновского горсовета СВБ к 5-й городской и районной конференции СВБ о работе с 16/ХП 1931 года по 15/ХП 1932 года.

Фонд 25 - Районные комитеты (райкомы) КПСС сельских районов (1919-1991гг), Базарно-Сызганский.

42. Д. 27. Постановлении Куйбышевского Краевого Комитета ВКП(б) от 21 октября 1936 года «О политической агитации и антирелигиозной работе в крае».

43. Д. 86. Постановление бюро Куйбышевского областного комитета ВКП(б) от 5 сентября 1938 года «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Безенчукском, Литвиновском и Чапаевском районах».

Фонд 26 - Районные комитеты (райкомы) КПСС сельских районов (1919-1991гг), Барышский.

44. Д. 36

Государственный архив Ульяновской области

Фонд Р-1624 – (1928-1930 гг.). Исполнительный комитет Ульяновского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Ульяновск Ульяновского округа Средневожской области.

45. Д. 185.

Произведения теоретиков марксизма, руководителей
Коммунистической партии и Советского государства

46. Декреты советской власти: сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР : [многотомное изд.]. М.: Политиздат, 1957-1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. / подгот. С. Н. Валк и др. 650 с.

47. Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. М.: Госполитиздат, 1961. 132 с.

48. *Ленин В. И.* Классы и партии в их отношении к религии и церкви // Полн. собр. соч. Т. 17. 848 с.

49. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. 600 с.

50. *Ленин В. И.* Революционная армия и революционное правительство // Полн. собр. соч. Т. 10, июль 1904 – март 1905. 576 с.

51. *Крупская Н. К.* Музей Ленина и его филиалы // Большевик. 1938. № 9. С. 25-34.

52. *Сталин И. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1947. С. 217.

53. *Ярославский Е. М.* Мысли Ленина о религии. М., 1924. 17 с.

Опубликованные источники

54. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. 1063 с.

55. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сборник документов и материалов. М., 2007. 320 с.

56. Динамические таблицы ЦУНХУ Госплана СССР учета базарных цен на сельскохозяйственные продукты и предметы потребления по 31 городу СССР за 1913-1936 гг. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://istmat.info/node/48622> (дата обращения: 23.11.2018).

57. Заключительное слово И. В. Сталина на пленуме Центрального комитета ВКП(Б) 5 марта 1937 года (стенографический вариант) [Электронный ресурс] // Дмитриев В. Симбирская Голгофа. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://archo73.ru/Russian/20vek/golgofa/documenti/stalin.htm> (дата обращения: 15.09.2017).

58. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального отдела ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.

59. Список населенных мест Ульяновской губ. / [Ульян. губ. план. комис.]. Ульяновск, 1924. [2], XX. 89 с.
60. Книга памяти жертв политических репрессий. Мемориальное издание / под общей редакцией прокурора Ульяновской области гос. советника юстиции 2-го класса Ю.М. Злотникова. Ульяновская облпрокуратура / Ульяновск, 1996. Том 1. 1024 с.
61. Книга памяти жертв политических репрессий. Мемориальное издание / под общей редакцией прокурора Ульяновской области гос. советника юстиции 1-го класса Ю.М. Злотникова. Ульяновская облпрокуратура / Ульяновск, 2001. Том 2. 913 с.
62. Культура Симбирского-Ульяновского края: сборник документов и материалов / авт.-сост. Н.В. Забалухина, А.Г. Пашкин, О.А. Полянская, Л.М. Сергуненкова / под. ред. канд. ист. наук. А.Г. Пашкина. Ульяновск, 2014. 368 с.
63. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партии и государственной власти. (Янв. 1922 дек. 1936 гг.) / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. 912 с.
64. Симбирская Голгофа, 1917-1938 / сост. Владимир Дмитриев, свящ. Ульяновск, 1996. 163 с.
65. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): [1930 г.] / отв. ред. *А.Н. Сахаров, и др.*; сост. Н. Е. Быстрова, и др. М., 2008. 863 с.
66. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 - декабрь 1930 / под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.* М., 2000. 927 с.
67. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930-1933 / под ред. *В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.* М., 2001. 1008 с.

68. Ульяновский окружной съезд безбожников. Вып. 1: (1-2 июня 1929 года) / Окружной Совет Союза безбожников. Ульяновск, 1929. 35 с.

69. Устав Союза воинствующих безбожников. М., 1930. 31 с.

Периодическая печать

70. *Иванов Н.* Религия – враг урожая и коллективизации // Пролетарский Путь. 1929. 8 октября. № 233 (2031). С. 2.

71. *Китаев.* Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 27 января. № 22 (667). С. 4.

72. *Коллектив сотрудников газеты «Пролетарский Путь».* Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 27 января. № 22 (667). С. 2.

73. *Косарев А.* Антирелигиозная пропаганда и задачи комсомола // Правда. 1937. 15 апреля. № 104. С. 2-3.

74. О всесоюзной переписи населения // Пролетарский Путь. 1937. 21 сентября. № 220 (3304). С. 1.

75. *Олещук Ф.* Предвыборные маневры церковников // Пролетарский путь. 1937. 17 августа. № 187 (3271). С. 2-3.

76. *Орлов С. О.* Симбирск – Ленинск // Пролетарский путь. 1924. 30 января. № 24 (669). С. 2.

77. Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР // Пролетарский Путь. 1937. 12 августа. № 183 (3267). С. 2.

78. Ответы читателям о выборах в Верховный Совет СССР // Пролетарский Путь. 1937. 16 августа. № 186 (3270). С. 2.

79. Послание Святейшего Тихона, Патриарха всея России. / Журнал «Богословский Вестник», издаваемый Московскою Духовною Академиею. Сергиев Посад: «Типография И. И. Иванова». 1918. Том I. Январь-Февраль. С. 74-76.

80. Президиум общих собраний типографии № 1 и издательства «Пролет. Путь». Пустующие церкви закрыть // Пролетарский путь. 1931. 16 августа. № 178 (2582). С.3.
81. Рабочий-ударник. Массы требуют закрытия пустующих церквей // Пролетарский путь. 1931. 18 августа. № 180 (2584). С. 3.
82. Раков, В. Андреев, Шукин, Сергеева. Закрыть очаг дурмана // Пролетарский путь. 1931. 23 декабря. № 291 (2595). С. 4.
83. С первого областного съезда воинствующих безбожников // Пролетарский Путь. 1929. 1 октября. № 227 (2025). С. 2.
84. Соборное постановление по поводу декрета совета народных комиссаров об отделении Церкви от государства// Церковные Ведомости. 1918, № 3-4 (31 января), С. 20-22.
85. Студенты Симбирского Рабфака. Построим памятник Владимиру Ильичу // Пролетарский путь. 1924. 26 января. № 21 (666). С. 2.
86. Фильмы против Бога // Безбожник. М. 1930. №3. С. 17.
87. Френкель А. Превратить Ульяновск в город, достойный имени Ленина // Пролетарский Путь. 1937. 18 августа. № 188 (3272). С. 1.
88. Церковь на службе у буржуазных разведок // Пролетарский Путь. 1937. 11 августа. № 201 (3285). С. 2-4.
89. Юдин. Требуем закрыть церковь // Пролетарский Путь. 1929. 26 октября. № 249 (2047). С. 3.
90. Ярославский Е. Религия – враг социализма // Пролетарский Путь. 1932. 25 апреля. № 95 (2796). С. 2.
91. Мракобесы хозяйничают в Пасху // Волжский безбожник. 1930. №17. С. 6.
92. Дворцов А. Корни поповской ненависти: «заработная плата» духовенства // Пролетарский путь. 1926. 4 января. С. 3.
93. Антирелигиозник // 1928. №7. С. 8; 73.
94. Программа большевицких действий // Волжская коммуна. 1931. №171.

95. Попы гонят самогон // Пролетарский путь. 1928. 31 января. С. 3.
96. Нет Симбирска! Есть Ульянов // Пролетарский путь. 1924. 11 мая. № 106 (841). С. 1.
97. *Румянцев Н.* Церковный налет на христиан // Безбожник. №6. С. 7-8.
98. *Кандидов Б.* Шпионы в рясах // Пролетарский Путь. 1937. 11 августа. № 182 (3266). С. 2-3.

Литература

Монографические исследования

99. *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1917-2004. М., 2005. 846 с.
100. *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1938-2002. М., 2003. 540 с.
101. *Беглов А. Л.* Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М., 2008. 800 с.
102. *Бердяев Н. И.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.
103. *Болтянский Г. М.* Ленин и кино. М., Л., 1925. 88 с.
104. *Булгаков С. Н.* Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. 751 с.
105. *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М., 2001. 214 с.
106. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления: пер. с англ. М., 2010. 367 с.
107. *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства: полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР. М., 1924. 420 с.

108. История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней / под ред. *М. Б. Данилушкина*. Т. 1. (1917-1970 гг.). СПб., 1997. 1020 с.

109. *Кашевиков А. И.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. (1917-1945 гг.). СПб., 1995. 138 с.

110. *Каплин П. В.* Взаимоотношения Русской Православной церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: на материалах Урала : дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Екатеринбург, 2006. 267 с.

111. *Косых И. Н., Ястребов В. В.* Бог есть любовь: Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии. 1832-2016 годы. Ульяновск, 2016. 204 с.

112. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. *Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского*. Лондон, 1992. 432 с.

113. *Куроедов В. А.* Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984. 256 с.

114. *Лавринов В., прот.* Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской православной церкви (1925-1945). М.: Общество любителей церковной истории. 608 с.

115. *Ленин В. И.* Об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1969. 408 с.

116. *Маркс К. Энгельс Ф.* К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1986. 670 с.

117. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. (1918-1923 гг.) М.: РИСС; Р. S., 1990. 203 с.

118. *Мельгунов С. П.* Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести). Сборник статей. Изд. Т-ва И. Д. Сытина: М., 1905. Вып. 1. С. 4-34.

119. *Михайлов И.* О временном правительстве и о диктатуре пролетариата // Вопросы дня. М., 1906. 259 с.

120. *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1995. 221 с.

121. *Одинцов М. И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом М., 2002. 310 с.

122. *Полозова К. А., Федотов А. А.* Репрессии против православного и обновленческого духовенства в России в 1936-1937 годах в контексте государственного законодательства (по материалам Ивановской области) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 214-222.

123. *Полтевский А. Н.* Антирелигиозная фильма. М., 1930. 32 с.

124. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. 511 с.

125. Раннесоветское общество как социальный проект, (1917-1930-е гг.): монография: в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт.; под общ. ред. *Л. Н. Мазур* ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 470 с.

126. *Рыклин М.* Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009. 128 с.

127. *Скала А., прот.* Святые, в земле Симбирской просиявшие. Ульяновск, 2009. 240 с.

128. *Скала А., прот.* Церковь в узах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917-1991 годы). Ульяновск, 2007. 968 с.

129. *Тихонова А. Ю., Голотин А. В.* Культура симбирской (ульяновской) губернии в 20-е годы XX века: история, процессы, проблемы. Ульяновск, 2015. 224 с.

130. *Фейербах Л.* Сущность христианства. М., 2022. 432 с.

131. *Цыпин В.А., прот.* История Русской Православной Церкви, (1917-1990 гг.): Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994. 256 с.
132. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997. 831 с.
133. *Шагурин Н.* Безбожное кино в деревне. Методика и практика антирелигиозной пропаганды через кино. М., 1930. 80 с.
134. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 1999. 400 с.
135. *Щагин Э. М., Лубков А. В., Вдовин А. И.* Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 2. М., 2004. 447 с.
136. *Яковлев А. Н.* По мощам и елей. М., 1995. 192 с.

Статьи

137. *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 12. С. 108-126.
138. *Антонов З.* Вопрос о свободе совести в партийных программа // Вопросы дня. М., 1906. С. 230-267.
139. *Бажанов В. А., Кудряшова Е. В.* Марксизм и философия науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. №3. С. 211-217.
140. *Беглов А. Л.* Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920-1940-х гг.: колебания границы легальности // Религии мира. 2004. М., 2004. С. 211-218.
141. *Беликова Н. Ю.* Русская Православная Церковь на Юге России накануне Великой Отечественной Войны (на материалах Краснодарского края) // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. №4 (164). С. 22-26.

142. *Бендин А. Ю.* Свобода совести или веротерпимость? полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. М., 2010. № 2. С. 5-14.

143. *Бирюкова Ю. А.* Репрессии против духовенства и мирян на Дону в 1930-е гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 11-15.

144. *Васильева О. Ю.* Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки») // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. - 1 февр. 1997 г.: Материалы. М., 1997. С. 174-186.

145. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в 1927-1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35-46.

146. *Губкин О.* Русская Православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. СПб., 2006. 47 с.

147. *Гурьянов П. С.* Антирелигиозная борьба большевиков в 1920-1930-е гг. при помощи кино // Общество: философия, история, культура. 2018. Краснодар. № 8. С. 131-135.

148. *Дегтярёва М. И., Дегтярёва Н. Е.* «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 176-187.

149. *Дроботушенко Е. В.* Закрытие православных храмов на территории Забайкалья в 20-30-е годы XX в. как аспект репрессивной политики государства в отношении религии // Вестник БГУ. Математика, информатика. Улан-Удэ. 2017. Выпуск 3. С. 49-55.

150. *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 г.: (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. М., 2000. № 1. С. 105-114.

151. *Журавлев С. В.* «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 371-401.

152. *Исаков А. А.* Фейербах, Штирнер, Маркс: рождение научно-философского подхода к диалектике религии и атеизма // Приволжский научный вестник. 2015. № 3-2 (43). С. 5-8.

153. *Качкина Т. Б.* Ульяновск родина Ленина: от идеологического символа к туристскому бренду (к проблеме идентичности места) // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти историка С.Л. Сытина. Ульяновск, 25-26 сентября 2014 г. Ч. 1 / ред.-сост. Липатова Н. В. Ульяновск, 2015. С. 118-135.

154. *Килин А. П.* Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы нэпа // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16-18 ноября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 427-437.

155. *Кобзев А. В.* «Как большевики проиграли антирелигиозную борьбу»: конфессиональная политика советского государства и мусульмане Симбирской / Ульяновской губернии // Ислам в современном мире. 2015. Том 11. Вып. 2. С. 35-44.

156. *Кобзев А. В.* Институты мусульманской общины Симбирского-Ульяновского Поволжья в 1920-1930-е гг. *Minbar. Islamic Studies.* 2019;12(4). С. 959-984.

157. *Козлов Ф. Н.* «Большой террор» в отношении духовенства и верующих (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) // Россия в условиях кризисов XIX-XX веков. Сборник статей Межд. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию

начала Сталинградской битвы. В 2-х томах / науч. ред. / Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург. 2017. С. 242-248.

158. *Колкунова К. А.* Атеистическая пропаганда в художественной литературе 1930-х годов // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2013. № 49. С. 113–132.

159. *Королева Л. А.* Закрытие церквей в СССР в 1930-е гг. (на примере Пензенского региона) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-7 (46). С. 50-52.

160. Краткий обзор исторической застройки города Симбирска-Ульяновска. Ульяновск: Государственный историко-мемориальный заповедник “Родина В.И. Ленина”, 1999. 377 с.

161. *Курляндский И. А.* О мнимом повороте Сталина к Православной Церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 1-17.

162. *Леонов С. В.* Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 69-90.

163. *Луцишин А. В.* К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов 20-30-х гг. В качестве исторических источников // Преподаватель XXI век. 2009. №4 (1-2). С. 234-242.

164. *Лопатина Н. Л.* Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. // Идеи и идеалы. 2018. № 4, т. 1. С. 49-62.

165. *Максачева А. Е., Тихонова А.Ю.* Антирелигиозная пропаганда в Симбирско-Ульяновском крае в 1917-1930-е гг.// Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ульяновск, 2022. С. 139-146.

166. *Марченко А. Н.* Материальное положение православного духовенства в России в 1918-1957 годах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 104-113.

167. *Морозова А. Ю.* «я - не богостроитель!»: взгляды А. В. Луначарского на религию и социализм в контексте дискуссий о них в большевистской среде // *Технологос.* 2020. №1. С. 110-123.

168. *Матвиенко В. А.* Формирование представлений о свободе совести: отечественный и зарубежный опыт // *Концепт.* 2012. № 11. С. 1-10.

169. *Мухамедов Р. А., Вильчик А. А.* Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2015. Т. 17. № 3. С. 104-107.

170. *Нуйкина Е. Ю.* Архивно-следственные дела по обвинению духовенства - информативный источник по истории Русской православной церкви // *Вестник архивиста.* 2016. № 4. С. 58-73.

171. *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (церковно-государственные отношения в истории советского общества). Сборник статей / под ред. Д.Е. Фурмана, о. Марка (Смирнова). М., 1989. С. 29-71.

172. *Подмарицын А. Г.* Возобновление деятельности Ульяновско-Мелекесской епархии в 40-х годах XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов, 2014. № 5. Ч. 1. С. 149-152.

173. *Пономарев М. В.* Борьба с религией как составляющая политической культуры советского общества (1917-1930-х гг.). (На материалах Нижней Волги) // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Филос.* 2009. № 2 (10). С. 215-221.

174. *Приказчикова О. Б.* Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929-1938 гг.) // *Вестник ПСТГУ.* 2009. Вып. II: 2 (31). С. 41-76.

175. *Проскурина А. В.* Политика советской власти в отношении верующих и духовенства в деревне Северо-Запада России во второй половине 1920-1930-х гг. // *Псков.* 2003. №19. С. 94-100.

176. *Смирнов М. Ю.* Религия и Библия в трудах В. И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. №2. С. 106-125.

177. *Сосковец Л. И.* Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник ТГУ. 2005. № 288. С. 189-199.

178. *Степанова Е. А.* Советский атеизм в контексте множественной модерности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 67-82.

179. *Суслов А. Б.* Использование фальсификаций в деятельности пермских чекистов в годы Большого террора // Вестн. Удм. ун-та. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 95-99.

180. *Точеная Н. Г., Точеный Д. С.* Улицы родины Ленина во второй половине 30-х гг. XX века - немаловажная деталь интерьера сталинской эпохи // Симбирский научный вестник. 2013. 4(14). С. 57-65.

181. *Точеный Д. С., Точеная Н. Г.* Эпидемия политической психопатии в Ульяновске (1937-1938 гг.) // Симбирский научный вестник. 2014. № 1 (15). С. 72-84.

182. *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф // Киноведческие записки. 2000. № 45. С. 184-188.

183. *Узланер Д. А.* Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62-69.

184. *Устинов О. А.* Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4. С. 14-21.

185. *Фирсов С. Л.* Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета: НГ-религии. 2002. 30 октября. С. 5-6.

186. *Худобородов А. Л., Яшина М. А.* Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920-1930-е гг.) // Вестник ЮУрГУ, № 30 (247). Серия «Социально-гуманитарные науки». 2011. Выпуск 17. С. 61-65.

187. Целовальникова И. И., Ильязова Р. В. Реализация нормативно-правовых актов в сфере антирелигиозной политики в СССР в конце 1920-1930-х гг. (на примере Ульяновской губернии) // Власть. 2015. № 1. С. 109-112.

188. Шадрина А. В. Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937-1938 годах в Ростовской области // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28, вып. 1. С. 40-48.

189. Шейнман М. Религия на службе японского империализма // Под знаменем марксизма. 1940. № 2. С. 180-188.

190. Шмелев Г. И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала // Россия и современный мир. 2003. № 4 (41). С. 124-138.

191. Шульц Э. Э. «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) (рус.) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 158-173.

Авторефераты и диссертации

192. Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918-1941 годах: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т., 2006. 21 с.

193. Батченко В. С. Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929-1931 гг. (на материалах Западной области): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2015. 259 с.

194. Ильязова Р. В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918-1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск: Ульяновск. гос. пед. ун-т, 2020. 268 с.

195. Лавринов В. В. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви в 1920-1940-е гг.: на материалах Урала. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Ур. гос. ун-т, 2010. 199 с.

196. *Малюкова Э. Д.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918-1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 2010. 196 с.

197. *Петюкова О. Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917-1945 годах: дис. ... д-ра юр. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад., 2011. 494 с.

198. *Покровская С. В.* Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность: (1925-1947 гг.): дис. ... канд. ист. наук М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2007. 195 с.

199. *Полозова К. А.* Отражение советского законодательства о религии на деятельности православных религиозных объединений в СССР в 1929-1990 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. 216 с.

200. *Пономарев М. В.* Политическая культура православного духовенства России в 1917-1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2010. 238 с.

201. *Силинов П. М.* Деятельность партийных организаций Нижней Волги по атеистическому воспитанию трудящихся в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 1985. 196 с.

202. *Страхова И. А.* Взаимоотношения государственной власти и православного духовенства в 1917-1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород: Юго-Зап. гос. ун-т, 2010. 197 с.

203. *Шкурин А. В.* Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) - ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви: дис. ... канд. ист. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2005. 224 с.

204. *Яковлева Ж. В.* Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х - начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов:

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2017. 266 с.

Электронные ресурсы

205. Анархо-космизм «Свободной трудовой церкви России» в 1920-х г. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://tfolk.ru/?p=26505> (дата обращения: 20.05.2016).

206. *Быкова С. И.* «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных делах НКВД. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/by4-pr.html> (дата обращения: 10.03.2019).

207. *Гурьянов П., свящ.* Богословское осмысление большевистской концепции «безбожной пятилетки» («овладение временем» и «техника обезбоживания») [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://www.pravoslavie.ru/104724.html> (дата обращения: 30.06.2017).

208. Дамаскин (Орловский), иг. Священномученик Вениамин (Казанский)... [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=81347> (дата обращения: 28.11.2023).

209. Декларация прав народов России. Публикация «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 16 (3) ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (дата обращения: 20.12.2022).

210. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви // [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <https://drevo-info.ru/articles/15402.html> (дата обращения: 28.11.2023).

211. *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917-1952 годы) [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 17.03.2018).

212. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/ (дата обращения: 23.08.2018).

213. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 23.08.2018).

214. *Макаров Д. В., Казюханов А. В.* Архиепископ Иоаким (Благовидов): один против всех [Электронный ресурс] // Симбирский центр православной культуры. 02.08.2016. Ульяновск. 2016. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://scpk.cerkov.ru/2016/08/02/arxiepiskop-ioakim-bлаговидов-odin-protiv-vsex/> (дата обращения: 10.03.2017).

215. *Максим (Однорал), иером.* Мелекесская и Чердаклинская епархия // [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2562814.html> (дата обращения: 12.03.2023).

216. *Мановцев А. А.* Сталин-2 и Русская Православная Церковь [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/4979048.html> (дата обращения: 20.07.2017).

217. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 20.07.2017).

218. О мерах по усилению антирелигиозной работы. (Окончательная редакция, принятая комиссией ПБ на основании постановления ПБ от 24 января 1929 г. протокол № 61, п. 4). Приложение № 1 к п. 4 пр. ПБ № 61.

[Электронный ресурс]. Исторические материалы. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://istmat.info/node/59437> (дата обращения: 25.03.2018).

219. Оперативный приказ № 13 Народного комиссара Внутренних Дел Союза С.С.Р. № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов [Электронный ресурс] // Дмитриев В. Симбирская Голгофа. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://archeo73.ru/Russian/20vek/golgofa/documenti/pricas13.htm> (дата обращения: 15.09.2017).

220. Постановление Временного правительства «О свободе совести» (14 (1) июля 1917 г.). [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (дата обращения: 20.12.2022).

221. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/94 от 2 июля 1937 г. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://old.memo.ru/history/document/pbkulaki.htm> (дата обращения: 17.02.2017).

222. Сборник Указов и Постановлений Временного правительства. Вып. 2, ч. 2. Пг., 1918. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. дан. URL.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5413/> (дата обращения: 20.12.2022).

223. Слезин А. А. Антирелигиозное наступление советского государства в 1927–1929 гг. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=615 (дата обращения: 01.05.2024).

224. Таблицы порайонных средних городских розничных цен на сельскохозяйственные товары с 1 января по 1 июня 1930 г. [Электронный ресурс]. Исторические материалы. URL: <http://istmat.info/node/45248> (дата обращения: 15.03.2018).

225. Троцкий Л. Д. Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 2009. 159 с. [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан.

URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138457 (дата обращения: 05.06.2018).

226. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 15.03.2018).

227. «Электронная библиотека». Симбирская коллекция. Периодические издания [Электронный ресурс]. Электрон., текст. и граф. дан. URL: <http://simlib.ru/handle/123456789/2395> (дата обращения: 10.04.2020).

Литература иностранных авторов

228. *Pospelovskij D.* A history of Soviet atheism in theory and practice, and the believer. New York, 1987. 325 p.

229. *Takala I.* “Border Locked!” Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // *Revue d’histoire nordique - Nordic Historical Review*. 2015. № 19. P. 103-127.

230. *Thrower J.* Marxist-Leninist «scientific atheism» and the study of religion and atheism in the USSR. Mouton, 1983. 818 p.